

МОРФОЛОГИЯ

§ 3.1. Предлагаемое ниже описание морфологии др.-новг. диалекта основано в первую очередь на показаниях берестяных грамот. Использован также материал других новгородских источников, в частности, пергаменных и бумажных грамот и летописей, но с постоянным учетом того, что в этих источниках черты др.-новг. диалекта представлены неполно и непоследовательно, они лишь отчасти проступают сквозь наддиалектную древнерусскую норму.

Настоящая глава построена иначе, чем предыдущая, а именно, она почти целиком посвящена ранне-др.-новг. периоду (XI – нач. XIII в.). Основная цель главы состоит в том, чтобы по возможности отразить морфологическую систему этого периода как некоторое синхроническое целое. Там, где прямых свидетельств, относящихся к этой эпохе, нет или слишком мало, использованы элементы реконструкции на основе более поздних свидетельств. Лишь в качестве дополнения к этой основной картине отмечаются явления, развившиеся только в поздне-др.-новг. период (XIII–XV вв.). Они рассматриваются преимущественно в комментариях к конкретным грамматическим формам, отчасти также в составе сведений общего характера, предваряющих крупные разделы.

Вопросы предыстории ранне-др.-новг. морфологической системы и ее отличий от других диалектов коротко рассматриваются в особом разделе в конце главы.

В главу включены также краткие замечания о морфонологии др.-новг. диалекта.

Изложение рассчитано на читателя, знакомого с основами древнерусской грамматики. Соответственно, мы не считаем необходимым излагать здесь самые общие положения: о частях речи, грамматических категориях, типах склонения и спряжения и т. п. Разумеется, в терминологии древнерусских грамматик нет полного единства; но читатель без труда поймет по ходу изложения, какой именно вариант терминологии нами принят.

Таблицы отражают прежде всего материал берестяных грамот ранне-др.-новг. периода. Окончания или словоформы, взятые из других источников, в таблицах даются в скобках (несколько иначе организована лишь таблица 6, см. § 3.19).

Как и в предыдущей главе, если словоформа приводится без ссылки на конкретную грамоту (или иной источник), она дается в нормализованной графике (ранне-древнерусской); в частности, в таблицах словоформы всегда приводятся именно так. Подчеркнем, что производится именно графическая нормализация, ни в коем случае не морфологическая (т. е. она не касается выбора окончания). При цитировании с указанием источника пример приводится в подлинной записи.

Внутри конкретного раздела после кратких вводных сведений обычно дается сводная таблица окончаний, а затем последовательно рассматриваются грамматические формы (с подразделением по словоизменительным типам). Для отдельной грамматической формы в простейшем случае приводятся просто иллюстрации — примеры без отсылок. Для форм, где ситуация чем-либо осложнена (или просто

редких), вместо иллюстраций приводится полностью материал ранних (XI – нач. XIII в.) берестяных грамот (в этот же перечень могут быть выборочно включены отдельные примеры из грамот 20-х – 90-х гг. XIII в.; они снабжены пометой «XIII»). При необходимости может быть приведен (уже со специальной оговоркой) также материал поздних берестяных грамот (причем и в этом случае грамоты XIII в. могут быть выделены среди остальных той же пометой), Синод. НПЛ и др.

Материал берестяных грамот, найденных за пределами древненовгородского государства (т. е. не в Новгороде, Городище, Старой Руссе, Пскове или Торжке), в общие списки не включается; он может быть приведен лишь с особой оговоркой (то же верно для грамот № 246 и Торж. 10, см. А 29 и Б 131). Не принимаются во внимание также берестяные грамоты церковного характера. Таким образом, ниже, говоря о берестяных грамотах, мы практически имеем в виду (если не оговорено иное) берестяные грамоты нецерковного характера из новгородского региона.

Сокращения в наименованиях грамматических форм — те же, что в словоуказателе, см. с. 708–709 (но роды обычно обозначаются не *м.*, *ж.*, *с.*, а *муж.*, *жен.*, *сред.*).

СКЛОНЕНИЕ

§ 3.2. По составу грамматических категорий, формирующих парадигмы склонения, др.-новг. диалект не отличается от наддиалектного древнерусского: различаются семь падежей (если включать в их число звательную форму), три числа, три рода; у прилагательных противопоставляются также членные (полные) и нечленные (краткие) формы.

Ниже изложение строится не по частям речи, а непосредственно по словоизменительным типам. Основным является деление на субстантивное (или именное), адъективное и местоименное склонения. Ради большей наглядности мы предпочли, однако, отступить от этой схемы при описании двух групп слов, отличающихся существенными морфологическими (и иными) особенностями, — личных местоимений и количественных числительных; им посвящены особые небольшие разделы.

Подразделение субстантивного склонения на морфологические классы (*а*-склонение, *о*-склонение и т. д.) предполагается известным из наддиалектного древнерусского. Как и в наддиалектном древнерусском, у прилагательных членные формы следуют адъективному склонению, нечленные — субстантивному (*а* именно, в муж. и сред. родах *о*-склонению, в жен. роде — *а*-склонению); особо стоят прилагательные, следующие местоименному склонению (см. § 3.26).

В поздне-др.-р. период система грамматических противопоставлений претерпевает следующее существенное изменение: двойственное число как член тройного противопоставления чисел исчезает. Большинство прежних словоформ двойств. числа просто выходит из употребления, а немногие оставшиеся грамматически переосмысляются, а именно, частью переходят в состав словоформ множ. числа, частью служат материалом для складывающейся особой грамматической формы, употребляемой при числительных 'два', 'оба', 'три', 'четыре' (которая со временем развивается в так наз. счетную форму современного языка; ср. § 4.11). Некоторое преобразование древнейшей системы числовых противопоставлений фактически начинается в др.-новг. диалекте уже в ранне-др.-р. период. Это выражается, во-первых, в том, что в И. и В. падежах формы множ. и двойств. числа в среднем роде уже совпа-

ли, а в женском роде обнаруживают сильную тенденцию к такому совпадению; вторых, в том, что уже намечается (по крайней мере, в *a*-склонении) некоторое различие между обычными словоформами *И. В. мн.* и словоформами, употребляемыми при числительных ‘три’, ‘четыре’ (см. § 3.5).

СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 3.3. Таблица 4 отражает состояние субстантивного склонения в др.-новг. диалекте XI – начала XIII в. Таблица слегка упрощена, а именно: а) консонантное склонение, которое обладает специфическими окончаниями лишь в немногих формах, в таблицу не включено (см. § 3.18); б) некоторые менее типичные варианты окончаний вынесены в примечания; варианты, встречающиеся совсем редко, отмечены лишь в разборе материала; в) обозначения «неличные» и «личные» передают соответствующее семантическое разделение существительных несколько огрубленно (см. § 3.10–11). В *u*-склонении некоторые клетки оставлены пустыми, поскольку показательного материала нет.

Противопоставление твердого и мягкого вариантов в рамках *a*- и *o*-склонения отражено в таблице так. Если дано только одно окончание, то оно принадлежит твердому варианту, а окончание мягкого варианта получается (на буквенном уровне) заменой первой буквы: *a, o, y, ы, ъ* — соответственно на *а, е, ю, и, в*. Там, где это не так, приводятся (через косую черту) окончания обоих вариантов (особый мягкий подтип на *-и* в *a*-склонении выделен в отдельную клетку).

Следует специально указать, что в отличие от наддиалектного древнерусского, в др.-новг. диалекте в *a*- и *o*-склонениях никаких чередований в основе при склонении в нормальном случае не происходит, например: Д. М. ед. *рукѣ, ногѣ, сохѣ*, М. ед. *на отрокѣ*, И. мн. *вежьники*; И. ед. *замѣке, кожьохе, Ужнѣге*, Зв. ед. *Марѣке*. В случаях типа Зв. ед. *отѣче* отличие от И. ед. *отѣць*, Р. ед. *отѣца* и т. д. чисто орфографическое: в силу цоканья фонема здесь одна и та же. Единственное исключение: мена *з* на *ж* при образовании Зв. ед. от слов на *зь* (*кѣназь – кѣнаже*). Подробнее см. § 3.42.

Инновации, возникшие лишь в поздне-др.-новг. период, в таблице не отражены. Они обсуждаются по ходу разбора материала.

§ 3.4. Ниже приводятся (по словоизменительным типам и далее по грамматическим формам) иллюстрации и, если необходимо, списки материала. Отметим, что в *И.* и *В.* падежах в число примеров могут быть включены также словоформы слов местоименного склонения, поскольку в этих падежах местоименное склонение совпадает с субстантивным.

a-склонение

И. ед. Основной тип: *гривѣна, земля, Захарѣа* и т. д. Особый мягкий подтип с *И.* ед. на *-и*: *кѣнагыни* 109, *господыни* 112 (XIII); сюда же относится *И.* ед. жен. от компаративов и от причастий с *-уч-*, *-ач-* и с *-ыи-*, *-выи-*, например, *большии* 155, *сълюци* 752, *пеюци, хотаци, шьдоши* 227, *съкопивши* 380.

Зв. ед.: *Милато* 675, *Илько* 834, *матоко* 227, *ебехото, аесово* Ст. Р. 356, *братѣ* 724 (2×), *госпоже* 682, *Захарие* 483 (XIII). В грамотах XIV–XV вв.: *старосто* 253, *ѣже* 578, *ѣдо* 49, *Осподо* 307 (2×) (может быть, сюда же *Фовро* 265). Надежных примеров Зв. ед. на *-а* в берестяных грамотах нет.

Таблица 4.

РАННЕДРЕВНЕНОВГОРОДСКОЕ СУБСТАНТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

		а-склонение		о-склонение		и-склонение	і-склонение	
		основной тип	мягкий подтип на -и					
				муж.	сред.		муж.	жен.
ед.	И.	-а	-и	-ε ¹ / -ь ²	-о	-ь	-ь	
	Зв.	-о		-ε / ? ³		-у	-и	
	В.	-у		неличн. -ь		-а	-ь	-ь
				личн. -а, -ь				
	Р.	-ѣ ⁴ / -ѣ ⁵		-а ⁶	-а	-у ⁷	-и	
	Д.	-ѣ / -ѣ ⁵		неличн. -у	-у	(-ови), -у	-и	
				личн. -у, -ови				
М.	-ѣ / -ѣ, -и		-ѣ / -ѣ	-у	-и			
Т.	-ою		-ьмь		-ьмь	(-ьмь)	-ью	
мн.	И.	-ѣ, -ѣ / -ѣ		-и, -ѣ / -и, -ѣ	-а	(-овε, -ѣ)	-ьε, -и	-и
	В.			-ѣ, -ѣ / -ѣ		-ѣ	-и	
	Р.	-ь		-ь ⁸	-ь	-овь	-ии	
	Д.	-амь		-омь		-ьмь		
	М.	-ахь		-ѣхь / -ѣхь, -ихь		(-ьхь)	-ьхь	
Т.	-ами		-ѣ		(-ьми), -ѣ	-ьми		
дв.	И. В.	-ѣ / -ѣ, -и		-а	-а	-ѣ	-и	
	Р. М.	-у		-у		-ью		
	Д. Т.	(-амѣ)		(-омѣ)		(-ьмѣ)	-ьмѣ	

Примечания к таблице

См. правку в распечатке!

¹ Встречается также -ь, но по крайней мере в большинстве случаев это элемент не др.-новг. диалекта, а наддиалектного др.-р. языка; см. также § 3.6 об окончании -о.

² У слов на *вьць, зь* наряду с -ь встречается также окончание -ε; о возможности такого окончания у прочих мягких основ см. § 3.8.

³ У слов на *вьць, зь* — окончание -ε; для прочих основ нет материала.

⁴ Изредка встречается также -ѣ — вероятно, лишь как элемент наддиалектного др.-р. языка.

⁵ Изредка также -и.

⁶ У слов, означающих неисчисляемые предметы, также -у.

⁷ У слова *сынъ* также -а.

⁸ Изредка также -овь (см. § 3.13).

В. ед.: *гривьну, недѣлю, вѣкъшию* и т. д.

Р. ед. В твердом варианте нормой является *-ѣ*: *вирѣ, гривьнѣ, истинѣ, рѣзанѣ, у владыкѣ, бес кунѣ, отъ вѣхоѣ дружинѣ, у Душилѣ, у Милькѣ, отъ Нѣжатѣ* и т. д. (около 140 примеров в ранних грамотах). Окончание *-ѣ* засвидетельствовано начиная с самых ранних берестяных грамот: ср. *истинѣ, грѣнѣ* (3×), *бес коунѣ* 526 (сер. XI), *оу Рьтъкѣ, оу Тѣшадѣ* 905 (посл. четв. XI).

Окончание *-ы* в Р. ед. — для ранних берестяных грамот большая редкость. Оно встречается в основном в грамотах, не имеющих однозначных признаков др.-новг. диалекта (*отъ Дѣмькы* 892, *ѡ Гостыты* 9, [*ѡ Коузь*]мы, [*ѡ В*][о][ю][т]ы 400) или явно ориентированных на наддиалектные нормы (*ѡ Савы, вины* 724). Сверх этого находим только *ѡ Тюткы* 904 (1 четв. XII; фрагмент, характер морфологии которого неизвестен), *отъ Твьрьдаты* 84 (XII₁), *тощины* 222 (нач. XIII). Сомнителен пример *ѡ Твьрьдилъ* 231 (*-ѣ* вместо *-ы*?). Таким образом, доля окончания *-ы* составляет в данный период даже по максимальной оценке около 7% (по минимальной — 2%). Вполне вероятно, что в др.-новг. диалекте в эту эпоху окончания *-ы* просто не было, а все примеры с таким окончанием носят наддиалектный характер.

В поздних берестяных грамотах окончание *-ѣ* (в говорах с *-ѣ > и* — его наследник *-и*) продолжает оставаться нормой; но доля окончания *-ы* с течением времени постепенно возрастает: в XIII–XIV вв. она составляет около 13%, в XV в. — около 30%.

В заговоре (№ 715, XIII) один раз использовано ц.-сл. окончание: *сватыа Богородича*.

Отметим, что окончание *-ѣ* (равно как и *-ы*) во все периоды встречается как при предложном, так и при беспредложном употреблении словоформ Р. ед. Какой-либо статистически значимой корреляции между выбором окончания и наличием или отсутствием предлога в материале берестяных грамот не усматривается.

В мягком варианте нормой для Р. ед. в ранний период тоже является *-ѣ*: *тажѣ, пьшеницѣ, вѣкъшѣ, отъ игуменѣ, отъ Прокъшѣ, у Олекъшѣ, у Захарѣ* и т. д. (более 30 примеров в ранних грамотах).

С окончанием *-и* полноценных примеров в этот период только три: *оу Даныши* 336, *отъ Поутеши* 850, *оу Твь[р]ьши* 671. Пример *оу Оноуѣ[р]ши* 643 ненадежен (см. Б 78); о примере *отъ Ёли ї отъ Дѣмитра* 776 см. Б 20. Особо стоит *оу господини* 84: для слов на *-ыни* можно предполагать раннее влияние *i-feminina* (см. Шахматов 1957: 81–82).

Редкое окончание *-и* в мягком варианте (при господствующем *-ѣ*) отмечается в Р. ед. примерно в такой же доле случаев, как в Д. М. ед. Это значит, что здесь эти две формы просто совпали, т. е. их исконные окончания — *-ѣ* в Р. ед. и *-и* в Д. М. ед. — перестали различаться по функции и превратились просто в варианты (см. об этом также § 3.43).¹

В поздний период в говорах с переходом *-ѣ > и* (всеобщим или, по крайней мере, на конце слова) оба варианта данного окончания совпадают. В говорах без такого перехода они продолжают сосуществовать.

Д. М. ед. В твердом варианте окончание *-ѣ*: *къ женѣ, къ тетѣкѣ, къ Лукѣ, по кунѣ, въ Русѣ, на Лугѣ* и т. д.

¹ Редчайшие случаи, когда в рамках одной грамоты находим, например, *в землѣ, но полѣ коробы* (как в № 938, кон. XIV), объясняются влиянием наддиалектной нормы.

Новое окончание *-ы* появляется лишь в некоторых пергаменных грамотах (и рукописях) XV в. В берестяных грамотах, даже XV века, таких примеров не отмечено вообще.

В мягком варианте уже с ранне-др.-р. периода нормой тоже является *<-ѣ>*: на *Прокъѣ* 736а, *Исоухиѣ* (Д. ед.) 605, по *дѣжѣ* 863, ко *Гавошѣ* 422, къ *Дѣмьшѣ* 849, къ *Акѣшѣ* 870, 885, ко *Акоше* 812, *Боудише* (Д. ед.) 888, къ *Прокѣшѣ* 664, къ *Жи[рошѣ]* 237, къ *Ортемѣ* 667, ка *Аѣимше* 657, *Богородице* (Д. ед.) 705, въ *дѣложенищѣ* 449, въ ... *коробѣ* 438 (2х), въ *земль* 219, ко *Опанше* Ст. Р. 10; несколько менее надежны къ *Пѣшѣ* 433, къ *Рюрѣ* 804, по *Паше* 226. Ср. также Д. ед. *[Г]ѣрѣшѣ* в надписи 1050–1112 гг. (А 27), Д. ед. *гѣѣ Бѣѣ* в записи Домки в минее 1095–96 г.

С окончанием *-и* в ранний период полноценные примеры — только къ *Аѣи* 380, къ *Акѣши* 821, ко *Сѣѣи* 682. Пример къ *братѣи* и *дрѣѣшине* 724 принадлежит грамоте, ориентированной на наддиалектные нормы. Отметим также на *Слоудици* Варл.

В поздний период в мягком варианте картина в Д. М. ед. совершенно такая же, как в Р. ед. (см. выше).

Т. ед.: съ *Лукою*, съ *братѣю* и т. д. В поздний период конечное [у] начинает факультативно утрачиваться; первые надежные свидетельства этого — со *женои* 939 (посл. четв. XIV), с *Ольксо[ѣ]* 23 (XIV/XV), за *Лукою* 519 (нач. XV), з *братѣи* 297 (2 четв. XV), *старои межѣи* 928 (30-е – 50-е гг. XV); также за *Олекѣѣвои* ... *пецатью* в Нибуровом мире 1392 г. (ГВНП, № 46), съ *Ѡртѣмѣи* в пергаменной грамоте 1418–20 гг. (Хрест., № 40). Отметим еще *[т]вое[ѣ]* 356 (XIV) в грамоте, не имеющей стратиграфической даты. Менее надежными свидетельствами данного процесса являются написания *позовно* 'позовною' 385 (до 1367 г.), с *тобо* 'с тобою' 257 (посл. четв. XIV).

§ 3.5. И. В. мн. В твердом варианте представлены два окончания: *-ѣ* и *-ы*; отчетливо преобладает первое. Необходимо различать два случая: а) И. В. мн. вне сочетаний с числительными *три*, *четыри*; б) И. В. мн. с *три*, *четыри*. Целесообразно также выделить из общего списка словоформу *куны*: как отметил В.Вермеер, она, по-видимому, могла использоваться в диалектном тексте с окончанием *-ы* как целостная единица, заимствованная из наддиалектной формы языка.

Вне сочетаний с числительными материал ранних берестяных грамот таков. Окончание *-ѣ*: *кѣлѣ* 'целы' 247, *[ѣ]ѣздѣкѣ великѣѣ* Ст. Р. 8, *грамѣт[ѣ]* (?) 870, *добре* Ст. Р. 33, *доскѣ* 82, *подѣшѣѣѣ* 438 (не совсем надежно по *зривене съ(ре)бра* 531); также *коунѣ* 164, *кѣнѣ* 170. Отметим еще В. мн. *жемѣцѣженѣ* 'жемчужные' 809, где неизвестен род (жен. или муж.). Ср. *ниви* 'нивы' Варл. (с переходом *ѣ* в *и*), а также единичное *шнеке*, проскользнувшее в Синод.1 НПЛ [1190].

Окончание *-ы*: *стрѣ[лѣкѣ]* (?) 809, *коуплены* 439; также *роуки* 9 — в грамоте, не имеющей признаков др.-новг. диалекта; особо: *куны* 915, 439, 531.

Поздние берестяные грамоты. Окончание *<-ѣ>* (или возникшее из него *-и*): *кобыль* 510 (XIII), *тоболи Костиши* 141 (XIII), *попони* 65, *кобил[ѣ]ке* 42, *сиротѣ* 31, за *сироти* 59, *сироти* 178, *сироте* 694, *олениши* 275, *дѣт[ѣ]кѣ* 474, *грамотѣ* (2х), *грамоти* 519, *овѣцини* 129, *козе* (?) 11; также *сѣднекѣ кѣне* 213 (XIII), *про своѣ коунѣ* 949, *коуни* 490, *куни* 373, *[ку]не* (?) 374. Материал ряда других источников (летописей, пергаменных грамот) см. в Изуч. яз., § 20.

Окончание *-ы*: *добры* 195, *[зоби]рѣоны* 474; также *сльзы* 317 — в грамоте с церковными чертами; особо: *куны* 765, 775, 481 (все три — XIII), 750, 125.

Сочетания с *три*, *четыри*. В составе таких сочетаний в XII–XV вв. окончание *-ѣ* не просто преобладало, а было, по-видимому, для живой древненовгородской речи единственно возможным: *три кунѣ*, *три ногатѣ*, *четыри гривьнѣ*, *три на десате рѣзанѣ* и т. д. Окончание *-ы* позднее I четв. XII в. отмечено всего в трех документах, причем все они в большей или меньшей степени ориентированы на наддиалектные нормы: *3 гривьны* 710 (сер. – 3 четв. XII), *3 грины* 318 (сер. XIV), *трѣ грѣвоны* 366 (XIV₂).

Что касается самого раннего периода (XI – нач. XII), то имеющийся ныне материал таков: *3 коунѣ*, *13 коунѣ* (2×) 526, ...и (вероятно, *четыри*) *ногате* 613, *три на десате рѣзанѣ* 84; с другой стороны, *3 гривнь <-ны>* 907, *4 гривьны* 909, а также надпись на цилиндре № 1 *Ъмьца гривны 3* (А 26). Правда, надписи на цилиндрах как правило ориентированы на наддиалектные нормы, и такая же ориентация усматривается и в грамоте № 907 (ср. *-лъ* во *възалъ*, *потаилъ*); но для фрагмента № 909 ориентацию писца установить невозможно. Таким образом, вопрос о том, были ли в это время в др.-новг. диалекте сочетания типа *три куны* (с *-ы*) еще живыми, за недостаточностью материала пока что остается открытым.

В мягком варианте И. В. мн. имеет окончание *-ѣ*: *вѣверицѣ* 912, *вѣверицѣ* 809, *вѣверице твое* 657, *вожѣ*, *въже* 384, [въ]же (?) 732, *воже* 78, *коубицѣ* 846, *головице* 438, *брънѣ* 332; сюда же *за дов[оѣ]*, *за двое* 601 (определения к слову *сани*); с числительным — *три кадьчѣ* 665, *аловице 3* — 718 (XIII). Только не вполне надежно выделяемое *олени 'оленьи'* 384 имеет *-и*.

Малопоказательно *пожни* (2×) Варл. (поскольку здесь есть и *ниви* из *ниѣ*).

В поздний период картина затемняется частым смешением *ѣ* с *и*. Окончание *<-ѣ>* в грамотах XIV–XV вв., где нет замены *и* на *ѣ*: *4 кадце* 196, *своѣ* 178 (*своѣ сироти*), *церось межѣ* 474. Окончание *-и* в грамотах XIV–XV вв., где нет замены *ѣ* на *и*: *брони* 138, *пожни* 477, *3 кун|ници* 136, также *двои* 138. Остальной материал не позволяет различить *<-ѣ>* и *<-и>*.

Р. мн., Д. мн., Т. мн., М. мн.: *кунѣ*, *кунамѣ*, *кунами*, *кунахѣ*, *вѣверицѣ*, *вѣверицами* и т. д.

И. В. дв. В твердом варианте окончание *-ѣ*: *2 гривьнѣ*, *2 ногатѣ*, *2 кунѣ*, *12 гривьнѣ* и т. д. Для мягкого варианта материала мало: ранее XIV в. встретились только *2 свиньи* 842 (2 четв. XII), *лъжици 2* — 384 (XII), *дѣвѣ дѣжѣ* (2×), *дѣвѣ ѡжѣ* 863 (2 четв. XII), *кѣи[i]ч[ѣ]* 2 — 659/648 (XII/XIII), *мое* 483 (XIII) (*2 гривни ... мое*). В пергаменных грамотах XIII – нач. XIV в. представлены, с одной стороны, *по 2 вѣкиши* (ГВНП, № 1, 2, 3), *двѣнадцать тысячи* (ГВНП, № 11), с другой — *по двѣ вѣкишѣ* (ГВНП, № 6, 7, 9, 10). В Синод. НПЛ для мягкого варианта материала нет.

Р. М. дв.: *бѣз довою ногоутоу* (вместо *ногатуоу*) 630, *во довою гривьноу* 882, *на довою икоунокоу* 549. В Синод. НПЛ — только *на доую тысячу* (в поздней части: [1321]).

Д. Т. дв.: в новгородских берестяных грамотах (равно как в Синод. НПЛ) примеров нет. Ср. *двѣма гривнама* Смол. 2 (XIII).

о-склонение

§ 3.6. И. ед. муж. Для твердых основ нормой является окончание *-е* (напомним, что перед этим окончанием *к*, *г*, *х* не меняются на *ч*, *ж*, *ш*): *хлѣбе*, *скоте*, *погосте*, *замъке*, *сорочъке*, *брьковъске*, *кожюхе*, *игумене*, *brate*, *вънуке*, *посадънике*, *Жизнобуде*, *Домаславе*, *Иване*, *Жадъке*, *Мильке*, *Ужнѣге* и т. д.; также у прилагательных —

кѣле, дешеве, дѣльжѣне, свободѣне, мъртве, лихе, новгородьске, Селѣтине, Тудорове, Савѣкине и т. д.; у *п-*, *т-* и *л-* причастий — *погублене, написане, обрѣтене, выбите, въдале, пустиле, възале, рекле, побѣгле* и т. д. Ср. также *въхе, саме* и др. в местоименном склонении.

Наддиалектное окончание *-ъ* (например, *Богъ, послухъ, товаръ, Давыдъ, погалъ, былъ*) встречается существенно реже.

Наряду с окончаниями *-е* и *-ъ*, в И. ед. муж. иногда встречается также (в именах с суффиксами *-ък-* и *-хън-*) окончание *-о*, например, *Иванько, Гавъко*. В Синод. НПЛ таких примеров довольно много. Но в берестяных грамотах они очень редки; ранних примеров всего два: *Аръко* 849 и *Гавъко полоцанино* 502 (причем второй относится к иногороднему человеку и, очевидно, просто воспроизводит то, как он сам себя называл). По-видимому, в ранний период модель *Иванько* была чужда др.-новг. диалекту (и даже в более поздний период нетипична для него), а в летописи и в официальных документах эта принятая в наддиалектной норме модель служила заменой диалектной модели *Иваньке*.

При анализе соотношения между окончаниями *-е* и *-ъ* необходимо прежде всего отделить от остальных, во-первых, берестяные грамоты церковного характера, во-вторых, грамоты, не имеющие никаких однозначных признаков др.-новг. диалекта, т. е., возможно, иногородние (таковы из ранних № 9, 109, 675, 892, 915, из поздних № 500, 615, 697; фрагменты, где слишком мало материала для диалектологической оценки, не в счет). В этих двух категориях грамот выступает окончание *-ъ* (исключения — *Петре, Ѡедоръ, Демитре* в церковных грамотах № 506 и 508).

В основном массиве грамот безусловно преобладает окончание *-е*, причем в ранних грамотах перевес *-е* над *-ъ* намного сильнее, чем в поздних. Окончание *-ъ* встречается главным образом в грамотах, имеющих официальную или книжную окраску, тогда как в собственно бытовых грамотах господствует *-е*. Соответственно, имеется некоторая статистическая корреляция между использованием бытовой или книжной графической системы, с одной стороны, и выбором окончания *-е* или *-ъ*, с другой.

Таблица 5 демонстрирует, во-первых, эволюцию употребления И. ед. на *-е* во времени, во-вторых, указанную корреляцию. Таблица отражает основной массив грамот, т. е. указанные выше особые категории грамот в подсчеты не входят. Показан процент грамот, где встретилось окончание И. ед. *-е* (хотя бы наряду с *-ъ*), от общего числа грамот, содержащих хотя бы одну словоформу рассматриваемого класса.

З а м е ч а н и е . Слова *поклонъ* и *приказъ*, входящие в адресную формулу многих берестяных грамот, ставятся в форме на *-ъ*, а не на *-е* (единственное исключение — *поклонъ <-не>* 528). Вероятно, они воспринимались как стоящие в В. падеже (с подразумеваемым 'эта грамота несет ...'). При этом возможно, что такое осмысление было вторичным, а сами формулы *поклонъ (приказъ) отъ X-а къ Y-у* просто заимствованы как нечто целостное из книжного языка. В таблице 5 эти формулы не учитываются.

Оппозиция «новгородское окончание *-е* — ц.-сл. и наддиалектное др.-р. окончание *-ъ*», конечно, хорошо осознавалась новгородскими книжниками (и вообще грамотными людьми). Они несомненно умели делать соответствующий морфологический пересчет, когда хотели писать в книжном или официальном стиле. В подобных случаях отдельные словоформы с *-е* могли проскальзывать в текст лишь по недосмотру. Так, например, в берестяной грамоте № 366 (XIV), представляющей собой официальный документ, автор последовательно употребляет И. ед. на *-ъ*, но один

Таблица 5. ПРОЦЕНТ ГРАМОТ, ИМЕЮЩИХ В ИМЕН. ЕД. ОКОНЧАНИЕ *-e*

	Ранне-др.-р. период	Поздне-др.-р. период
Среди грамот со смешением <i>ъ - о</i> и/или <i>ь - е</i>	90% (в т. ч. 8% имеющих как <i>-e</i> , так и <i>-ъ</i>)	63% (в т. ч. 13% имеющих как <i>-e</i> , так и <i>-ъ</i>)
Среди грамот без смешения <i>ъ, ь</i> с <i>о, е</i>	68% (в т. ч. 9% имеющих как <i>-e</i> , так и <i>-ъ</i>)	52% (в т. ч. 4% имеющих как <i>-e</i> , так и <i>-ъ</i>)

раз он всё же написал *Аковь* (*-ve*). Во многих новгородских рукописях обнаруживаются следы правки первоначально написанного *-e* на *-ъ*; например, в Минее 1095 г. (32 об., строка 1) *видѣле еси* исправлено на *видѣль еси* (отмечено В. М. Живовым), в грамоте 1412 г. (см. Д 40) в статье 4 *brate* исправлено на *bratъ*, и т. п.

Чрезвычайно интересен в этом отношении следующий пример. Известное место из Библии о даровании Богом Авраму (Аврааму) нового, “высокого” имени (Бытие 17. 5; в современном ц.-сл. переводе *и не наречѣтса к томѣ ѡма твоѣ Авраѡмъ, но бѣдетъ ѡма твоѣ Авраѡмъ*) в новгородском паремейнике 1 пол. XIV в. (Лёфstrand 1984: 38) выглядит так: *и не наре(че)тса к тому има твоѡ Авраме, но да будетъ има твоѡ Аврамъ*. Замену “низкого” варианта имени “высоким” новгородский книжник остроумно облек в непосредственно понятную новгородцам форму — представил ее как замену бытового *Авраме* на официальное *Аврамъ*.

Нет сомнений, что значительная часть примеров с *-ъ* в берестяных грамотах — это не отражение речи автора, а результат сознательной замены диалектной формы на наддиалектную. Замена окончания *-e* на *-ъ* в И. ед. была операцией простой. Гораздо труднее было, например, научиться заменять окончание Р. ед. жен. *-ѣ* на *-ы*: для этого надо было уметь отличить во фразе Р. ед. от омонимичного ему Д. ед. или М. ед. В значительном числе грамот мы находим следующую характерную картину: Р. ед. жен. имеет окончание *-ѣ* (например, *бес коунѣ*), то же окончание выступает в сочетании с *три, четыре*; возможны и другие диалектные формы, например, И. В. мн. *коунѣ*, Д. М. ед. *землѣ*, М. ед. *конѣ*, презенс *присъле*, императив *берите* и т. д.; но при этом в И. ед. муж. употребляется *-ъ*. Таковы, в частности, грамоты № 831, 849, 879, 819, 531, 213, 377, 761, 138, блок Онцифора и ряд других. Такую морфологию можно обозначить как диалектную с коррекцией: пишущий проявляет свою установку на более престижную форму языка в том, что он устраняет самую яркую диалектную черту — окончание И. ед. *-e*; но все остальные диалектизмы сохраняются.

Что перед нами именно коррекция диалектизма, а не черта живого говора, видно, в частности, из того, что в грамотах этого типа нередко всё же проскальзывают и единичные примеры с окончанием *-e*. Таковы, в частности, грамоты № 907, 7366, 550, 806, 142, 689, блок 215, блок Григория. Это морфология с коррекцией, осуществленной неполностью или недостаточно внимательно.

Есть все основания полагать, что с той же установкой (“морфология диалектная с коррекцией”) писали также авторы многих других грамот, где встретился И. ед. с *-ъ*, но из-за краткости текста не встретилось прочих диагностических форм, в которых могли бы проявиться диалектные черты. Вообще мы фактически лишены

возможности надежно выявить те случаи, когда окончание И. ед. -ѣ в берестяной грамоте (новгородского происхождения) действительно отражает живую речь. Не исключено даже, что в ранний период таких случаев еще просто не было.

§ 3.7. В связи с др.-новг. окончанием -е в И. ед. муж. возникает также следующий особый вопрос. Поскольку, во-первых, во всем остальном славянском мире в И. ед. муж. представлено окончание -ѣ, во-вторых, перед др.-новг. -е в И. ед. муж. нет эффекта первой палатализации, в принципе допустимо предположение о том, что в данном случае за написанием -е (или его графическими эквивалентами) скрывается не обычная фонема /e/, а какая-то другая или, быть может, такое /e/, которое не вызвало смягчения предшествующей согласной. В этой связи существенны прежде всего следующие факты.

1) Если в последнем слоге основы содержался редуцированный, то в И. ед. на -е он в грамотах позднерусского состояния регулярно выпадает, например: *пришьль*, н[ѣ шль] 222, *пороуцьнъ* 510, *поруцьнъ* 260, *пасынке* 415, *свекре* 580, *Феишке* 32, *Костке* 250, *Нестерке* 310, *Василке* 359, *пришле* 243; ср. также *вхе* 'весь' в Синод.1 НПЛ [1217], *псѣ* 'пѣс' (ГВНП, № 345), *городке* (Пск. 2 лет., 44, 46), *островкя* (Мар., № 11) и др. Отсюда следует, что рассматриваемое окончание состояло из обычной, не редуцированной, гласной (в отличие от наддиалектного окончания -ѣ).

2) Имеются ранние свидетельства того, что перед рассматриваемым окончанием согласная смягчалась. Уже с XI в. в берестяных грамотах в сочетании типа **ТьГТ* с зубной согласной после *р* мягкость или твердость *р* почти всегда определяется мягкостью или твердостью последующей согласной (см. § 2.46). Соответственно, мы с высокой вероятностью можем заключить, что за написанием *меретве* 'мертв' в грамоте № 582 (XIII/XIV; графич. эффект *ь* → *е*) стоит [м'ер'т'в'е] (или [м'ер'ет'в'е], если после плавной еще сохранялась гласная), т. е. перед окончанием И. ед. -е сочетание *тв* здесь смягчено.

Еще более показательны в этом отношении написания с -а, отражающие эффект яканья (из псковских памятников XIV–XV вв.): *поцела* 'начал' (из *пóчале*), *снигъ пала* 'снег выпал', *двора* 'двор', *Филипя попя* 'поп Филипп', *МикиѠоря*, *Иевя*, *островкя* и т. п. (см. § 2.37).

Хотя приведенные примеры не старше рубежа XIII и XIV вв., смягчение перед -е, по-видимому, существовало и раньше. Наиболее вероятный общий вывод состоит в том, что за написанием -е в рассматриваемом окончании стоит такое же обычное /e/ (смягчающее), как и во всех прочих случаях.

К этим данным ныне добавляется замечательное диалектологическое открытие З. Хонселаара (1997), который обнаружил в говоре дер. Островцы Гдовского района Псковской обл. многочисленные формы муж. ед. прош. времени на -ле (фонетически [-л'э] и [-л'ѣ]): *повелэ*, *пришлэ*, *ушлэ*; *нэ взяле*, *прóпиле*; *брáле*, *дáле*, *жéиле*; *брóсиле*, *выгнале*, *вытолнуле*, *забежáле*, *заложéиле*, *заснóле*, *любéиле*, *открýле*, *перепрýтале*, *подглядéле*, *поéхале*, *приéхале*, *поседéле*, *сéле*, *сходíле*, *увíдеде*; *пустíлесь*.

Замечание. Пример *поцела* из псковского памятника однозначно указывает на ударение *пóчале*, и такое же начальное ударение представлено в островецких *нэ взяле*, *прóпиле*, *брáле*, *дáле*, *жéиле*. Это значит, что в акцентной парадигме *с* словоформы И. ед. муж. на -е были энклитоменами и, следовательно, окончание -е в акцентологическом отношении было минусовым (см. Зализняк 1985, § 2.18). Что касается ударений типа *двóре*, *пóле* у слов акцентной парадигмы *б*, то они, по-видимому, вызваны дефинализацией ударения, характерной для западной части великорусской территории (см. там же, § 3.9–3.10).

§ 3.8. В мягком варианте *o*-склонения ситуация в И. ед. не аналогична твердому варианту, а именно, здесь в нормальном случае выступает не *-e*, а *-ь* (соответственно, у основ на [j] окончание предстает в виде *-u*).

К сожалению, большая часть материала берестяных грамот в данном пункте неинформативна — из-за смешения *ь* и *e* (которое не позволяет отличить, скажем, <конь> от <коне>) и из-за возможной записи [j] через *e*, типа *дае* 'дай' (в силу чего написания типа *Матее* 439 оказываются двусмысленными: <Матѣе> или <Матѣи>).

Следует различать: а) основную группу слов мягкого *o*-склонения (т. е. все, кроме входящих в группы «б» и «в»); б) слова на *ьць* и на *зь*; в) слова с основой на [j].

Основная группа. Здесь показателен лишь материал грамот, не смешивающих *ь* и *e*. Из таких грамот существенны прежде всего те, где в И. ед. твердого *o*-склонения засвидетельствовано окончание *-e*. Материал ранних грамот, отвечающих этим требованиям, таков: *господарь* 247 (ср. здесь же *замъке*, *кѣле* в твердом варианте), *матьль* 776 (ср. *ложьнике*, *юбржсе*, *залле*), *моужь* (об этом примере см. также Б 55) 509 (ср. *не въдале*); также *корь*, *Недачь* Варл.1 (ср. *коле*, *Варламе*, *въдале*; относительно *Отрокъ*, *Вльось*, где не вполне ясен падеж, см. Б 135).

В поздних грамотах, удовлетворяющих указанным условиям, находим, с одной стороны, *конь* 20 (XIV; ср. *пале*), *конь* 374 (XV; ср. *свале*), *Яколь* 12 (XV; ср. *Сидоре*), с другой — *Ва[си]лѣ* 496 (XV; грамота с эффектом *e* → *ѣ/e*, но без смешения *ь* с *ѣ* или *e*; ср. *Игнаткѣ*, *Вѣцѣркѣ*, *Грихънѣ*, *Мартыгѣ* и др.). Отметим также, что *роубль* 162 (XV) переправлено из *роубле*. Написания *порожне* Пск. 6 (XIII), *Нище* 417 (XIV) интерпретируются неоднозначно (см. В 39, Г 19).

Представляет ценность также материал некоторых пергаменных грамот XIV–XV вв., а именно тех, которые, во-первых, не смешивают *ь* и *e*, во-вторых, обнаруживают (пусть даже и не совсем последовательно) окончание *-e* в И. ед. имен собственных твердого *o*-склонения (а иногда и не только в именах собственных). В таких грамотах обнаруживается, в частности: ГВНП — *нашь брате новгородечь Петре* (№ 71), *Дмитре Яколь* (№ 228), *Ивашь* (2×) (№ 321; ср. здесь же *Павле*, *Пенцине*), *Василь*, *Яколь* (№ 322; ср. *Иване*, *Микифоре*, *Офоносе*, *Обакунове*, *Кунишине* и др.), *Василь* (№ 324; ср. *Сидоря*, *Харитоне*), *Василь* (№ 342; ср. *Филипе*, *Якове*, *Микифорея*, *Микифорове*); Мар. — *моужь Федоре* (№ 33), *Кармановичь*, *Григориницъ* (№ 2; ср. *Смене*, *Сополеве*, *Вошилова*, *Ратоборчева*), *Мелемьяне Михѣвицъ* (№ 3), *Тарасе Лескневичь* (№ 4), *Захарыницъ* (№ 11; ср. *Иевя*, *островкя*), *посадницъ сынъ Карпе Михалевичъ* (№ 24).

В. Б. Крысько (1993б: 139–140; 1994в: 20) указал несколько примеров И. ед. на *-e* в мягком склонении из летописей и других источников, в частности, *Василе Синечь* в летописи Авраамки (л. 142); но приводимый им пример *крѣвавь моуже* из Синод. списка Русской Правды, ст. 29 — это лишь результат неточной правки (см. Гиппиус 1996а: 53), и В. Б. Крысько в дальнейшем от него отказался (1998: 81).

В целом материал указывает на то, что в основной группе мягкого *o*-склонения окончание *-e* было большой редкостью, причем надежные примеры не старше XV века. Поскольку, однако, ранне-др.-новг. материал здесь очень ограничен, уверенности в том, что в ранний период таких форм не было вообще, пока еще нет.

Слова на *ьць* и *зь* (т. е. такие, где основа стала мягкой лишь в результате прогрессивной палатализации). В этой группе в И. ед. встречается как *-ь*, так и *-e*. Материал, указывающий на *-e*: *Незидильце вашь* в псковской грамоте XIV в. (Хрест., № 35), *Колбинць* 389 (XIV), *кназе* (4×) (ГВНП, № 60; 1421 г.), *knesze* (Фенне, 251), также

коупѣ в статье 1 Краткой Русской Правды по Комиссионному списку (в Академическом списке *коупчина*). Пример *Моисее ѿ поповце* (надпись XII в. в Юрьевом монастыре [Рождественская 1991: 91]), который сюда присоединяет В. Б. Крысько, сомнителен: скорее в *поповце* просто пропущено *и*, т. е. это слово *поповичь*. Материал берестяных грамот, указывающий на *-ь*: *Климѣцѣ* 417 (XIV; ср. здесь же *Матѣвѣике*), *Офромѣцѣ* 161 (XV; ср. *Васке*), *Аковецѣ* 521 (XV; ср. *Михеике*, *Селѣдванке*, *Болдыкине*), *Филипецѣ* 137 (XIV), *борицѣ* (2×) 463 (XIV; с особым развитием *ь > и*). Менее показательны *къ[и]аз[ь]* 724, *кназь* 332а, 724, 852 (все XII в.), так как здесь, возможно, просто соблюдена наддиалектная норма.

Слова с основой на [j]. Для живого языка надежных свидетельств существования окончания *-е* в этой группе слов нет (если не считать *Юрьк*, о котором см. особо ниже). Написания *Матее* 439, *мьк* 'мой' 580 двусмысленны: за *-е*, *-к* здесь вполне может стоять [j], ср. § 1.12. (В примере *Неслоуе* 821 за *-е* может стоять <*-е*>, но само слово вычленяется не вполне надежно, см. Б 22.) На нулевое окончание (а не *-е*) указывают, в частности, следующие примеры из поздних грамот: *ѠлѠоромеі*, *ѠмѠросеі* 570 (ср. здесь же *brate*, *Ѡване*, *Киселеве* и др.), *Василеі* 699 (ср. *пограбиле*), *Григорѣи* 417 (ср. *Матѣвѣике*), *Ѡлексіи* 310 (ср. *Нестерке*). См. также примеры из ГВНП, собранные в Лингв., § 47; добавим к ним: *Степанѣ Фомине*, *Степане Остафѣине*, *Матѣвѣ Ермолине*, *Мосѣи Фиклистоуе*, *Павле Домантоуе* — список свидетелей из ГВНП, № 326 (XV₂).

Особый случай составляет имя Гюргий (Георгий, Юрий). В ранне-др.-новг. документах основа этого имени — *Гюрьг'*- (с более редкими вариантами *Гурьг'*-, *Горьг'*- и *Герьг'*-): ср., например, *Гюрьгъ* 710, *оу Гоурьгъ* 630, *оу Горегъ[а]* 228, *Гергъ* 551, *къ Гюргю* 222, 239, *Гюрьгевѣ*, *Гурьгевѣ* 854, *съ Гурьгьмь* 487, производное *Гюрьгевѣцоу* 119. Однако в И. ед. вместо ожидаемого конечного *гь* выступает *ги*: *Гюрьги* 508. Именно такая парадигма данного слова представлена также в Синод.¹ НПЛ: здесь последовательно выступает И. ед. *Гюрги* при косвенных формах *Гюргъ*, *Гюргю* (и *Гюргевѣ*), *Гюргемь* и производных *Гюргевѣ*, *Гюргевѣцѣ* и т. п.

В XIV в. появляется новая форма данного имени, где сперва начальное [г'], а затем и второе [г'] заменяется на [j]²; описанный выше особый тип склонения при этом сохраняется: а) И. ед. *Юрги* 4, Д. ед. *ко Юргю* 414 (также *ко Юрегъ* 273, с твердым *г*); б) И. ед. *Юрьи*, косвенные формы *Юрьѣ*, *Юрью*, *Юрькмь* (также *Юриѣ*, *Юрию*, *Юрикмь*), производные *Юрькѣвѣ*, *Юрькѣвичь*. Парадигма типа «б» характерна, в частности, для Синод.² НПЛ и для берестяных грамот начиная с середины XIV в. К 3 четверти XIV в. относятся последние грамоты с древним *Гюрьг-*, например, *Гюрьгѣ* (<*ги*>) (И. ед.), *съ Гюрьгьмо* 366. С представленной здесь картиной вполне согласуется материал ГВНП по данному имени, проанализированный А. Бэкунд (1959: 146–149). См. об истории этого имени также Васильев 1905: 222–223.

Особое явление представляет собой И. ед. *Юрьк*, неоднократно встречающийся в пергаменных грамотах (и других источниках) XIV в. (ср. Бэкунд 1959: 148). Очевидно, это продукт морфологической перестройки аномальной парадигмы И. ед. *Юрьи*, Р. ед. *Юрьѣ* (путем замены уникального окончания И. ед. [-и] уже имеющимся в системе окончанием [-е]).

² С учетом того, что через *ге*, *гю* иногда могли передаваться на письме [je], [ju], можно было бы предположить, что уже и в XI–XIII вв. за написанием *Гюрьг-* в части случаев стояло [jur'j-]. Однако тогда было бы необъяснимо полное отсутствие написаний *Юрьѣ*, *Юрью* и т. п. в эту эпоху.

§ 3.9. Зв. ед. муж. Твердые основы: *Акове брате* Ст. Р. 356, *братъ* 82, 675, 829, *брате*, *господине брате*, *брате господине* 531; из поздних грамот — *господине* 147, 55 и др., *господине ОнсиФоре* 98, *осподине* 446, 131 и др., *ѣте* (часто), *братъ* 68, 765, *брате Смене* 414, *къме* 146, *Марке* 142, *Нестере* 354, *Офоносе* 406. Отметим сохранение *к* в *Марке*; ср. Зв. ед. *архистрати҃ге* в Минее 1095 г., 34а, 34в (Шахматов 1915, § 306), *bratke*, *druszke* (дружке) у Фенне (см. Лингв., с. 128).

В мягком варианте засвидетельствованы только основы на *ц* (т. е. такие, которые в древних славянских языках принимают в Зв. ед. то же окончание *-е*, что и твердые основы): *братъче мои* 605, *браце* ‘братец’ 531. Каким было окончание для прочих мягких основ (например, *конь*, *Михаль*, *Матѣи* и т. п.), неизвестно.

Имеется один поздний пример, где в функции Зв. ед. употреблен И. ед.: *Репехо* (<хъ) 265 (XIV₂; грамота входит в блок, где в И. ед. выступает <ъ>, а не *-е*). Менее ясно *Фовро* 265: это может быть Зв. ед. как от *Фовръ*, так и от *Фовра*.

Таким образом, в твердом *о*-склонении Зв. ед. совпадал в др.-новг. диалекте с И. ед. Примеры типа *Репехъ* — по-видимому, экстраполяция этого принципа в системе с И. ед. на *-ъ*.

§ 3.10. В. ед. муж. Различаются: 1) собственная форма В. ед. (окончание *-ъ/-ь*), например, *отрокъ*, *ябетьникъ*, *дворъ*, *товаръ*, *мужь*, *конь*, *обручь*, *свиньць*, *бои*, *въ городъ*, *за Волокъ*, *въ Сужьдаль*, *на повои* и т. д.; 2) форма, равная Р. ед., например, *Ивана*, *клеветьника*, *на Радослава*, *на Домажировича*.

У твердых основ собственная форма В. ед. на *-ъ* противопоставлена форме И. ед. на *-е*. Приведем примеры прямого противопоставления этих двух окончаний в рамках одной грамоты: *на погостъ – погосте* (И. ед.) 834; *дворъ* (В. ед.) – *хлебе*, *дешеве* (И. ед.) 424; *[на]мъ ... Павьловъ – саме*, *възале*, *[въд]але* 736а; *отроко – водале* 644; *ябетьникъ – свободне* 421; *товаро – продале* 165; *за мехо – возале* 601; *во городо – поале* 112; также из поздних грамот: *вытоло – вытоле*, *Негане* 600; *про сеи человеко – КсиноФоноте*, *измакле* Пск. 6; *списокъ – покосиле* 53; *в го{о}родо – пасынке*, *самъ* 415; *оу городъ – Смене*, *зале* 534; *животь – полохе* 272; *уждъ – Максиме*, *Иване*, *купиле* 178; *поводъ*, *на передъ – нѣмцине* 25 и т. д.

Рассмотрим вопрос о распределении форм В. ед. на *-ъ* и на *-а*. Насколько можно судить по берестяным грамотам и по Синод.₁ НПЛ, для ранне-др.-новг. периода характерно весьма ограниченное употребление В. ед. на *-а*.

Как показывает материал, здесь необходимо различать следующие группы существительных.

1. Имена собственные, обозначающие лиц. В рамках этой группы различается: а) употребление этих имен без сопровождающего имени нарицательного, например, *Ивань*, *Мьстиславъ*; б) употребление с сопровождающим словом, например, *Вънѣздъ шоринъ мои*, *рабъ Божши Михѣи*.

2. Имена нарицательные, обозначающие лиц. (Отметим, что слово *и*-склонения *сынъ* ведет себя в В. ед. так же, как слова *о*-склонения, поэтому ниже мы включаем его в общий разбор.) Различается: а) употребление при имени собственном, например, *братъ кѣго Мьстиславъ*; б) употребление без имени собственного, например, *братъ*, *кѣназь*, *нѣмьчинъ*.

Кроме того, для группы 2 в рассматриваемом вопросе оказывается до некоторой степени существенной также градация по семантическому признаку, который можно приблизительно обозначить как “иерархический статус”. Так, в частности, слова

отъць, господинъ, посадьникъ, кѣназь, цѣсарь, епископъ, игумень имеют “высокий статус”; в частности, слова *холопъ, паробѣкъ, отрокъ* (примечательным образом также *человѣкъ*) — “низкий статус”; большинство же наименований лиц занимает в этой градации среднее положение. Но строгого разграничения здесь нет, и само влияние данного признака на выбор формы В. ед. носит не жесткий, а статистический характер.

3. Все прочие слова (т. е. неодушевленные и названия животных).

Выделенные группы (1а, 1б, 2а, 2б, 3) приблизительно соответствуют шкале перехода от обязательного употребления В. ед. на *-а* до обязательного употребления В. ед. на *-ъ*. Конкретнее ситуация может быть описана так.

Группа 1а: В. ед. почти всегда на *-а*. В Синод.₁ НПЛ представлены только формы с *-а*. В берестяных грамотах материал очень ограничен. В ранних грамотах находим: *на нь на Ивана* 897, *како ти было а Ивана аль* 502, *не зера на Ѡедора* 531. Но в найденной в 1998 г. грамоте № 900 (20-е–30-е гг. XII) содержится важный пример с *-ъ*: *прадаи Хотъжъръ ‘оштрафуй Хотъжера’*. (Пример за *Ѡедоро* из фрагмента Торж. 5 едва ли относится сюда: скорее здесь недописано окончание Т. ед.)

Группа 1б: господствует В. ед. на *-а*. Примеры: *моли Вонъзда шюрина и моего* 82, *избави раба (Бо)жеа Михаа* 715 (XIII), *а сѣна кѣго Мъстислава посадиша* (Синод.₁ НПЛ [1125]). Специально отметим, что правило действует и тогда, когда сопровождающее слово стоит в форме на *-ъ*, например: *а сѣнь посади Новъгородѣ Всеволода* (Синод.₁ НПЛ [1117]), *выведе Всеволодъ ... своакъ свои из Новгорода Юрослава Володимирица* [1184], *послаша по Юрослава по Всеволодица по Гюргевь вьноукъ* [1215], *пойде ... на зать свои на Юрослава* [1216], *поймите оу мене ... мои шюринъ Михаила* [1224], *Глѣба посадиць сѣнь* [1229], *се даю вы шюринъ свои Гюрга* [1232]. Но всё же в этом случае для имени собственного в принципе возможна также и форма на *-ъ*: *и вда имъ сѣнь Стѣславъ* [1199], *а даю вы сѣнь свои старешии Костантинъ* [1205], *присла ... сѣнь свои Всеволодъ* [1219], *и дасть имъ она сѣнь свои Всеволодъ* [1223].

Группа 2а: предпочитается В. ед. на *-а* (типа *раба Божья Михѣа, сына кѣго Мъстислава*). Однако здесь вполне возможен и В. ед. на *-ъ*, например: *и нѣмцинь оубиша Данілоу* (Синод.₁ НПЛ [1233]); другие примеры такого рода см. выше, в группе 1б.

Группа 2б: возможны обе формы, причем выбор отчасти зависит от “иерархического статуса”. У слов “высокого статуса” предпочитается В. ед. на *-а*; например, в Синод.₁ НПЛ находим *сѣгна оца, по кнѣза послаша, поаши кнѣза самого, изберете игоумена* и т. п. Но в принципе возможна также и форма на *-ъ*, например: *послашаса ... по кнѣзь* (Синод.₁ НПЛ [1181]).

У слов “среднего статуса” предпочитается (по крайней мере в ранне-др.-новг. период) В. ед. на *-ъ*. Примеры: *а азъ та есмѣла* (вместо *есмь имѣла*) *акы братъ собѣ* 752, *а присоли соно* (вместо *сыно*) *ко мене* 705, *посѣли моужь инъ* 902, *кѣназь моужь въсадивъ* 109, *нарадите же мжъ* 160, *ѡ Аньдрѣа мжъ приаши* 724, *а послуи н(а) та абытъникъ* 421. Ср. *-а* в *а продаи клеветьника того* 247, *побити клеветьни[ка]* 247 (отметим также *вырути ... лоуцьшаго новъгороджанина* 246 в неновгородской грамоте). В Синод.₁ НПЛ доля примеров с *-а* несколько выше (например, *брата, смолнанина, королевича*), но и здесь в В. ед. обычны, в частности, *своакъ, сыновъць, сѣнь, моужь* (при более редких *сѣна, моужа*), ср. также *попъ* [1215]. В поздних берестяных грамотах *-а* встречается чаще: ср. *боръ[ць]* 68 (XIII) – *дѣака* 610 (XIV), *за клуц(ни)ка* 370 (XIV), помимо *сѣна* 249 (XIV), *на сѣна* 496 (XV) из группы 2а.

У слов “низкого статуса” господствует В. ед. на -ь. Примеры: *а восоли отроко* 644, *а наеми въ на наимито* 893, *а съ еси поаль оу мене роубоу и парьбоко* 831, *а пристави на нь отро(к)ъ* Ст. Р. 15, *да пристави отрокъ* 947, *а пос[ъ]ли отрокъ* 834, *емли за свои отрокъ* 819, *а про сеи человека* Пск. 6 (XIII). Также в более поздних грамотах: *а н(ы)нь послѣ свои человекъ* 167 (XIV), *пришли ми цоловѣкъ* 43 (XV), *пришли осподине цлвкъ* 17 (XV), *пришлите ми паробоко* 124 (XV). Ср. единичный пример нового окончания: *а да(ш) намъ смирного члѣка* 370 (XIV₂); в примере *а ни посла жеи цоловѣка да грамотоу* 99 (сер. XIV) не вполне ясен падеж (В. или Р.).

Группа 3: в ранне-др.-новг. период для всей этой группы возможен только В. ед. на -ь; никакого различия между названиями животных и неодушевленными в этом пункте еще нет. Такое различие начинает проявляться лишь со 2 пол. XIV в. Для наглядности приводим материал берестяных грамот по названиям животных (кроме неясных примеров в № 109 и 266): *к(ъ) тѣмоу же пристави кѣне <конь>* 891, *продаите половѣи конь* 160, *въдаи паробъкоу семоу конь полоубоувѣ же шизѣи* 735, *а ты продае коне <нь>* 163, *конь продаво* 350 (XIII), *а поими коне <нь>* 404 (XIII), *пришьлитъ лошакъ* 69 (XIII). В. ед. на -ь продолжает господствовать и в грамотах XIV–XV вв.: *и вы имъ кѣне <конь> мѣи голубѣи даите* 142, *что бы конь купиль* 354, *купи и другиш конь* 354, *что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взати* 697, *поими коне <нь> корилескы* 266, *пришли конь* 272, *что жеи конь позналъ у нѣмцина* 25, *ѣна(ш) оу мене ... кон в три рублѣ* 521, *дале ... 3 рублѣ серебромъ ... и конь* 154, *клець (‘леща’) послале* 169. Но на этом фоне появляются уже и первые редкие примеры В. ед. на -а: *даите коницка* 579 (3 четв. XIV), *поими моего цалца ‘возьми моего чалого’* 266 (70-е – 80-е гг. XIV), *у мьнь кона познали* 305 (1 четв. XV).

Ср. также разбор данной проблемы в Крысько 1993а, 1994а.

И. В. ед. сред.: *село, къръзно, медвѣдьно, о свато, възголовък* и т. д.

§ 3.11. Р. ед. муж. Нормой является окончание -а: *смърьда, отрока, пьсьца, кона, отъ Рознѣга, у Боѣна, отъ Васида, у Гурьга, без бърьковьска* и т. д.

Однако начиная с раннего периода встречается также окончание -у. Основная часть таких примеров относится к семантической группе неисчисляемых предметов (названия веществ, материалов, денежных сумм, событий, абстрактных понятий): *воскоу* 439, *бобоу* 700, *горохъ* 220 (XIII), *наемоу* 609, *ѣ пожаръ* 710; к этой группе приближаются также названия пространств (мест): *отъ [В]олокъ* 724. В грамотах XIV–XV вв.: *хамоу, шолкоу* 288, *восъку, п[уху]* 129, *лену* 136, *водмолу* 130, *закроу, ни ловоу* 131, *су[ду]* 14, *до виду* 521 (возможно, еще *сѣнику* 187, см. Г 56); у *Мосту* Ст. Р. 2; также *заду* 749.

Для сравнения приведем материал по окончанию -а в этой же семантической группе: *молодога ‘солода’* 847, 863 (4×), *овьс[а]* 863, *овьса, овеса* 219, *овса* 482 (XIII), *хомела ‘хмеля’* 706 709 (XIII), *скота* 422, 550 (2×), *соуц[а]* 893, *суца* Ст. Р. 30 (2×), *сжица* 456, *товара* 107, 624, *нама (?)* 227, *заклада* 531, *погона* 295 (XIII), *пърьма* 854, *[по]рома* 349 (XIII), *бе сорома* 394 (XIII); из более поздних — *овса* (часто: 320, 162, 271, 299), *хлѣба* 352, *пуха* 263, *товара* 249 (2×), *живота* 42, 135, *изо нама* 124, *наима* 191, *прибытка* 414, *остатка* 519, *свѣта* 305, 692. В этом списке значительную часть составляют слова таких групп, которые и поныне малодоступны для проникновения окончания -у: а) слова акцентной парадигмы *b* (*овьсь, скотъ, животъ*, вероятно, также *суць*); б) слова с неодносложной производной основой (*закладъ, погонъ, прибытъкъ, остаткъ*). Отсюда можно заключить, что там, где не было дополни-

тельных препятствий для распространения окончания -у, его роль в рассматриваемой семантической группе уже в ранне-др.-новг. период была весьма значительной.

За рамками данной семантической группы окончание Р. ед. -у встретилось в [ѿ] *Смолигѿ* 603, но это имя собственное, возможно, принадлежало к и-склонению (см. также Б 93, № 603 и Попр.-IX, № 603). В примере у *Хоцу у сына его* 348 (XIII) у — скорее всего просто описка. В примере *на верьхо деисжоу* 549 представлен, по-видимому, Д. ед. (не Р. ед.).

В Синод. НПЛ всегда имеют -у в Р. ед. (равно как и в М. ед.) слова *Тържскѣ* и *пѣлкѣ*: *сѣ Тържскоу, сѣ Тор(о)жскоу* и др., *пѣлкоу, сѣ пѣлкоу, до пѣлкоу*. Отметим также *ѿ лну* (ГВНП, № 2, 1266 г.). Для слова *Тържскѣ* можно предполагать прямое влияние производящего слова *търгъ* (и-склонения): *сѣ Тържску, на Тържску* — как *сѣ търгу, на търгу* (ударение слова *търгъ* было флексивным). Что касается слова *пѣлкѣ*, то оно, по-видимому, в др.-р. языке вообще колебалось между о-склонением и и-склонением.

Р. ед. сред.: *серебра, вина, рала, повелѣниѣ* и т. д.

Д. ед. муж. Нормой является окончание -у: *брату, попу, кѣназю, кѣ Жѣдану, кѣ Гръчину, кѣ Павѣлу, кѣ Борису, кѣ Гурьгю, Кыкѣву, Пльскоу* и т. д.

Но наряду с этим встречается также окончание -ови. В берестяных грамотах оно фактически ограничено именами собственными, обозначающими лиц, и словами *мужь, отць*, а также *попѣ*. Наибольшая интенсивность употребления -ови в данной группе слов приходится на самый ранний период (XI – 1 четв. XII): *кѣ С[т]ав[ѣро](ви)* 613, *Несѣдицеви* 238, *Павѣлови* 745, *Рагоулови* 427, *(Хо)[т]ѣнови* 909, *...роценови* 904, *от[ѣ]чеви* 424, *кѣ Борисови* 742, *кѣ Вышькови* 525; сюда же можно отнести *кѣ Вльчкови, кѣ Рожьнѣтови* 336; кроме того, *моужеви* 109 (может быть, неновгородское; ср. заведомо неновгородское *кѣ Стоянови* 246). В этот период окончания -ови и -у встречаются в данной группе примерно с одинаковой частотой.

Окончание -ови в прочих ранних грамотах: *попови, кѣ Рагоулови* 831, *кѣ Петръви* 870, *Гурьгеви, Гурьгеви* 854, *кѣ Василеви* Ст. Р. 15, *кѣ Васильви* 9, *Михальви* 682, *Михалеви* 79, *кѣ Грецинови, Дѣдѣви* 603, *кѣ Олисьеви* 502, *Матьеви* 550, *ко Лазореви* 746, *моужеви* 531, *Бгови* 944. Но в это время -у представлено уже примерно в 5 раз чаще.

Окончание -ови в поздних грамотах: только *кѣ атцеви* 404 (XIII), *кѣ Олареви* 615 (XIII; может быть, неновгородское, см. В 28); неясное *Куцевеви* 93 (XIV) не в счет.

Таким образом, окончание -ови характерно в основном для начала письменной истории др.-новг. диалекта; в дальнейшем его роль быстро падает и в XIII в. оно практически исчезает. Данные Синод. НПЛ говорят о том же, см. Лингв., § 49.

Д. ед. сред.: *кѣ Рожьству, кѣ съту*.

М. ед. муж. Твердые основы: *на Боянѣ, Кыкѣѣ, на отрокѣ, великѣ* (в по *Великѣ дѣни*) и т. д.

Мягкие основы. Окончание <-ѣ>: *на Нустуе* 336, *Перелслав[ѣ]тѣ* 105, *на конѣ* 78, *на водмолчѣ* 927 (XIII); сюда же *на Церменце* 220 (XIII), если это муж. род; возможно, также *на Пор[ѣ]кѣ* 493, *Имѣвѣложѣ* 573 (XIII). В грамотах XIV–XV вв.: *на Заяце, на Стуковицѣ* <-чѣ>, *на Фларе, на Олферькѣ* 92, *в рублѣ томѣ* 589, *на одиномо конѣ* 272, *на Васи[и]тѣ* 355, *на жерепѣ* 43, *о жеребьѣ* 309.

Окончание -и: *на Прѣжневици* 526, *на Рокыши* 789, *въ братни долгѣ* 235, *оу манастири* 717, *на Руци* 944, *на Т[ѣ]хони кони* 926, *на Юрослави* (2×) 69 (XIII); непоказа-

тельно (из-за смешения *ѣ* с *и*) на *Тоу[д]иричи* 810. В грамотах XIV–XV вв.: о *Аколи* 'о Яковлевом' 622, на *Дорофѣи* 355; непоказательны (из-за смешения *ѣ* с *и*) во ... *конци* 690, на *Григорици* 256, в *томъ кони* 305.

Наряду с этим в М. ед., по-видимому, уже в ранний период существовало также окончание *-у*. В берестяных грамотах можно указать на *хомолоу* 'на хмеле' 575 (10-е – 20-е гг. XIII); пример [вѣ] *Онъгоу* 685 ненадежен. Но в Синод. НПЛ постоянно выступает на *Тър(ѣ)жскоу*, на *Търрожскоу*, вѣ *Торожскоу*; кроме того, встретились: на *мале часоу* [1180], на *часу* [1185], вѣ *полкоу* [1216] (о словах *Тържскѣ* и *пѣлкѣ* см. также выше, раздел Р. ед.).

М. ед. сред. Твердые основы: на *полотыньѣ*, вѣ *серебрѣ*, вѣ *Славыньѣ* и т. д. Мягкие основы — тоже (<ѣ): о *своемъ стѣ[r](ѣ)вѣ* 854, о *моемо орудье* 531, на ... *селищѣ* 761 (XIII), во *Сельче* 614 (XIII), также на *Церменце* 220 (XIII), если это сред. род; в грамотах XIV–XV вв.: на *Городищѣ* 4, в *Здаръвекѣ* 580, в *вашемо здоровиѣ* 304. На этом фоне двусмысленное (из-за смешения *ѣ* с *и*) во *Подогореи* 'в Подгорье' 390 (XIII), по-видимому, должно интерпретироваться как <вѣ *Подъгорьѣ*>.

Т. ед. муж. и сред. Примеры из ранних грамот, не смешивающих *ѣ*, *ь* с *о*, *е*: сѣ *Асафѣмъ* 605, за *Петрѣмъ* 835, сѣ *Лазь(в)къмъ* 105, (ко)жюхъмъ 438; ср. также *добрѣмъ* 246. Прочие ранние: *своимъ бѣзоумьемъ* 752, к[ѣ]наз[ьмъ] (или -з[ьмъ]) 886, д(о)бромъ, сѣ *Гурьгъмъ* 487, сѣ *цѣльцьмо* 429, со *Вое(с)лавомо*, с *ызветомо* 531, со *Проусомо* 439, сѣ *кыяниномо* Ст. Р. 37. О *мь* и *мѣ* см. § 2.41.

§ 3.12. И. мн. муж. Окончание *-и*. Твердые основы: *смърѣди* 247, *посдави* (д вм. т) 908, *холопи* 907, *сторови* 424, *роди* 9, *отроки* 855, *смерди* 724, *многи* 717, (ст)[орови] 670, *въжники* 550; возможно, также *ти* 550; кроме того, перфекты — *кralи* 907, *роздrouбили* 902, *крили* Свинц. 1, *звонили* 605, *солили* 893, *били*, *измоучили* 156, *сѣдали* 9, *шьли* 885, 837 (2×), *выдали* 872, *слы[ш]али* 870, *забыли* 854, *били* 855, *оставили*, *были*, *пришли*, *приаши*, *ѣали* 724, *въшли* 672, *заплатили* 663, *посоудили* 603, *бѣжали*, [п]о-*ставили* 222, *побѣгли* 150. Мягкие основы: 3 *арци* 910, *братѣни* 907, *Нежжатици* 855, *оусърази*, *пърѣни* 429, *повои* 717, *дороганицы* 550, *Бриханици* 871.

Окончание (<ѣ). Твердые основы: 4 *золотыникѣ* 644, *цѣтьри бѣрьковъскѣ* 630, *въкоутѣникѣ* 821, *Коростокине* 663, *оперьсникѣ* 648, 4 *сѣро[ц]ѣ[кѣ]*, *сѣроцѣ[кѣ]* (оторвана цифра 3 или 4) 650, *колобагѣ* 222, также *вохе* 670. Уже появляется также первый пример перфекта с *-ѣ*: *сѣгонилѣ* 821 (3 четв. XII). Мягкие основы: только двусмысленное *жрѣбѣ* 222 (И. мн. или И. ед.); но есть примеры в Синод. НПЛ: *половче* [1135], *свѣк* [1164], *немьце* [1188], *новгородьце* [1196] (на фоне более обычного *-и*).

Кроме того, в Синод. НПЛ отмечено также окончание *-ы*: *притворы* (*върхы огорѣшиа* и *притворы*, [1217]), *изварены* (*меды изварены*, [1233]); в обоих случаях можно предполагать влияние стоящих рядом слов *и*-склонения *върхы*, *меды* (ср. § 3.15). Особо стоит пример: *бѣѣ знаменѣк на ѣбси дивьно вельми*, б *круговѣ*, 3 *около сѣтѣцѣ*, а *кроме сѣтѣцѣ друогыа* 3 *великы* [1141]; не исключено, что автор или переписчик примыслил здесь подразумеваемый глагол типа *видѣшиа* и перевел всё словосочетание в В. падеж. В ранних берестяных грамотах таких примеров нет; в *три годѣи* 61 (XIII) неясен падеж (И. или В.); *послоухы* 924 (XIII) — по-видимому, Т. падеж (едва ли И.). Что касается И. мн. *полкове* (Синод. НПЛ [1219]), ср. § 3.11 (раздел Р. ед.) о слове *пѣлкѣ*.

Поздний период. Окончание *-и*. Твердые основы: *сапоги* Пск. 4, *смедри* (вместо *смерди*) 99, *просолни* 258. Мягкие основы: *ѡзерици* 53, *Невѣрови[ци]* (?) 98, *кони* 374 (2×), также *двои* Пск. 4, *моі* 98, 374 (2×), *твои* 694, *твоі* 311, 352.

Окончание <ѣ>. Твердые основы: *3 бѣрковѣске* 718 (XIII), *стофровѣ добръ (?)* 351 (XIII), *Василевѣ* 169, *...нкинѣ дѣти* 270, *хлѣбѣ* 19, *худѣ* 242, также *те* 582 (XIII), *тѣ* 242. Мягкие основы: *посадничѣ* 698, *конѣ* 242, также *твое* 356.

В ряде грамот из-за смешения ѣ и и различить <-и> и <-ѣ> невозможно, в частности: *сапоги*, *Костини*, *Гришкини* 141 (XIII), *[сирѣ]* 406, *улки*, *улоки* 50, *шестьники* 161, *правищѣ* 154, *Мысловѣ* 136, *послусѣ*, *радыѣ* 366, *самезерци* 131.

Особо отметим эволюцию формы множ. числа перфекта. В ранний период, как показано выше, за одним исключением представлено только -ли. В XIII в. господство этой формы продолжается: *послали* 600, *розвѣли* 510, *побегли* 582, *...[вѣ]зли* 768, *замерзѣли* 69; но в Пскове отмечен также пример с <-лѣ>: *оже есте не стороговале* Пск. 6; возможно, сюда же *побѣлѣ* 704 (если только это не ед. число). В XIV–XV вв. примеров с -лѣ — *поминалѣ*, *носилѣ*, *побѣлѣ*, *убилѣ* и т. д. — уже много (см. Лингв., § 53, Изуч. яз., § 21), хотя преобладает всё же -ли.

Окончание -ы продолжает оставаться редкостью: *хомоуты рѣманы* 500 (в грамоте, почти лишенной признаков др.-новг. диалекта); отметим еще *окрадои* 370, где *ни*, возможно, равно <ны> (см. Г 53).

В. мн. муж. Окончание <ѣ>. Твердые основы: *во три колотоѣ* 644, *тетеревѣ*, *3 молостѣ* 842, *а троѣ* (из *а отрокѣ*), *[сирѣ]* 831, *абетениѣ* Ст. Р. 12, *ѣчастокѣ* 724, *кѣльтькѣ ѣтыри* 335, *во намѣ* 665, *со ѣтыри безмене* 439. Сюда же *городѣ*, *городѣ мнозѣ* в Синод.¹ НПЛ [1214]; см. также дополнительный материал в Изуч. яз., § 21. Мягкие основы: *3 заѣцѣ* 842, *кѣпыѣ* 794; вероятно, сюда же *коне* 109; много примеров с <ѣ> имеется в Синод.¹ НПЛ.

Окончание -ы (твердые основы): *о[ур]ек[ы]* 436, *(р)[а]зы* 226 (?); ср. также *ты* 731 (*ты дни*). Пример *на съводи* 109, возможно, не относится к др.-новг. диалекту; пример *холопы* 400 двусмыслен (В. мн. или Т. мн.).

Поздний период. Окончание <ѣ>. Твердые основы: *[п]ро хоромѣ* 772, *хоромѣ* 300, *3 целовѣкѣ* 281, *сапозѣ* 4, *пор[т]и* 687, *виновати* 102. Мягкие основы: *коне* 582 (XIII), *конѣ* 446 (2×), *во нѣмыѣ* 44, *в три рублѣ* 521, также *своѣ* 178 (и, возможно, *твоѣ* 142).

Окончание -ы (твердые основы): *про сигы* 147 (XIII), *наклады* 142 (возможно, впрочем, что это И. мн.), *хомуты* 445 (то же замечание), *сирѣ* 528 (то же замечание), *на 3 годы* 45. Окончание -и (мягкие основы): *Ротковичи* 318, *кони (?)* 353.

В ряде случаев окончание устанавливается неоднозначно: <ѣ> или <-и>. Таковы, в частности, *михи* 354 (2×), *3 улки*, *4 улки* 50, *суки* 20 (во всех этих случаях -и может восходить как к -ѣ, так и к -ы); далее *кони* 358 (2×), 687, *ключи* 177, *посадници* 463, *про самозерци* 131, *на 14 рублѣ* 249, *3 рублѣ* 154 (в грамотах этой группы имеется та или иная форма смешения ѣ и и).

О примерах *по 3 рубля* 65, *ω 3 рубля* 144 см. § 4.11.

И. В. мн. сред.: *много же в[ы] лѣта* 503, *три бѣла* 'три белых' (без существительного) 429, *железа* 725, *про села* 944 (2×), *тенота* Ст. Р. 30. Из поздних грамот: *араа жита* 195, *веретица* 354, *веретиша* 65, *4 блюда* 264, *сѣдла* 135.

§ 3.13. Р. мн. муж. В ранний период господствует окончание -ы/-ь: *бѣрковѣско* 630, *ѣ вежѣникѣ* 664, *намѣ* 509, *кѣльтькѣ* 335, *оу д[ѣ]кѣ* 640, *ѣ смѣрьдо* 935; *сорьчѣцѣ* 910, *отъ гѣбѣницѣ* 900, *оу Сычевѣцѣ* 607, *ж Дразѣницѣ* 240, *оу Добрьцевѣцѣ* 640, *мѣжѣ* 794, *моужѣ* 548, *повои* 717. Сюда же менее надежные *оу Арѣши[ѣ]вѣ* 449 (по-видимому, 'у Ярышевых'), *сѣрьчѣвѣ* 683 (вместо *сѣрьчѣкѣ*), *оу Данешиницѣ* 219 (вместо *-ницѣ*), *оу Арѣшѣвицѣ* 219 (недописан ѣ). Окончание -овѣ/-евѣ засвидетельствовано в *[сиг]ово* 831 (2 четв. XII) и *ножевѣ* 438 (XII/XIII).

Материал XIII в.: а) *намо* 218, 410 (3×), *уосопо* 482, *(во)[з](о)* 482, также *анеело*, *ароханело* 715 в заговоре; б) *сигово* 147, *пудово* 61, *намово* 775, *[п]ѣдово* 409 (ср. также *грѣхово* 419 в церковном тексте).

В Синод.¹ НПЛ на фоне преобладающего *-ѣ/-ь* встретились также: *кроуговь* [1141], *дворовъ* [6×: 1194, 1211, 1229, 1230], *коубъковъ* [1204], *пльковъ* [1222], *товаровъ* [1225]; *кораблевъ*, *-ьвь*, *цѣревъ* [1204], *новгородьцевъ* [1215, 1225], *коневъ* [1217, 1224]. Как можно видеть, почти все эти примеры относятся к летописным записям XIII в.

Материал берестяных грамот XIV–XV вв.: а) *сѣко* 391, *3 годо* 406 (если это действительно Р. мн.), *6 годъ* 471 (то же замечание), *8 члѣкъ* 249; *оу Алюкѣвиць*, *оу Коузмиць* 138, *ѿ братиловиць* 361 (менее ясны у *Авиници* 278, *ѿ всих мравгици* 273: возможно, *-ици* вместо *-иць*); б) *оулковъ* 337, *сиговъ* 144, *сигово* 280, *оусповъ* 136, *ѿвиновъ* 297, *лубовъ* Ст. Р. 2, *обтъ половниковъ* 242, *беземниковъ* 96; *пашезерчевъ* 279, *го(во)зд(д)ьчовъ* (?) 536, *вымолчовъ* 248, *рублевъ* 249, *рубльво* 274, *рублово* 256, *конвь* (!) 374 (вместо *коневъ*), *гладенцевъ* 693. Относительно *кони* или *кониі* 353 см. Г 72.

Р. мн. сред.: *лоукънь* 842, *оушькъ* 799. В поздних грамотах: *сотъ* 510 (XIII), 322, *сото* 133, *бѣлиль* 288, *дѣль* 43.

Д. мн. муж.: *намомъ* 509 (если только это не Т. ед.), *(от)[р]окомъ* 805. Ср. также *к[ѣ]воло[ча](ѣ)[омъ]* 739, *се[л]ечаномъ* 724, *къ селяномъ* 819, *хотыняномо* 600 (XIII) (§ 3.18). В поздних грамотах (XIV) встретилось только новое окончание *<-амъ>*: *каанецамо* 286, *к новгородцамо* 281 (отметим еще *новогороцамо* Твер. 2); ср. также *ко десасцанамо* 253.

Д. мн. сред.: в берестяных грамотах примеров нет.

М. мн. муж. Твердые основы: *во хлостѣхо* 722, *во прасолехо* 713; в поздних грамотах: *во проторѣхо* 366, *в недоборехъ* 463 (2×), *торокехъ* 521. Мягкие основы: окончание *-ихъ* — *Шидовицихъ* 789 (2×), *во Доброкостечихо* 614 (XIII); окончание *<-ѣхъ>* — *Мъльвотицѣхъ* (2×), *Ве[л]им[и]цѣхъ* 516, *во Јуижехо* 211 (XIII; род неизвестен). Новое окончание *-ахъ* — *на [п]елемчахъ* 162 (XV). В примерах *на Кишетахъ* 568 (3×), *в Гостьмеричахъ* 492 неизвестен тип склонения.

М. мн. сред.: *(во бо)рзѣхо* 829, *во соукънѣхо* 722, *на мас[ѣ]хо* 575. Относительно *на чрьвьвахъ* 219 см. § 3.14. В поздних грамотах: окончание *<-ѣхъ>* — *на жѣлезехо* 750; новое окончание *-ахъ* — *на церевахо* 349 (XIII).

Т. мн. муж.: *съ намы* 526, *съ близокъ <-кы>* 907; двусмысленно *холопы* 400 (В. мн. или Т. мн.). В поздних грамотах: окончание *-ы* — *со изросты* 483 (XIII), *со намы* 57, также *послоухы* 924 (XIII) (маловероятно, что это И. мн.); ср. еще *христианы* 310. О сомнительном *[ч]оронами* 167 (XIV₂) см. Г 53. В *(к)онми* (?) 756 (XIV₂) представлено окончание *i*-склонения.

Т. мн. сред.: надежных примеров нет.

И. В. дв. муж.: *(г)осподина* 226, *Сморочьва* 663; *2 срочька* 336, *хрьбъта 2*, *кона 2 и сторова* 842, *2 ножа* 384, *кожоуха 2* — 429, *2 бърковьска* Ст. Р. 20, *лбетника дова* 235, *аѣгла 2* — 549, *два воза, за два воза* Ст. Р. 30; ср. также *оба* 843.

И. В. дв. сред.: *дѣва лѣта* 113, *2 лѣкна* 671, *полотенеца со дова церелена* 439, *2 клетница* 718 (XIII); из более поздних — *2 медведна* 65 (XIV). Единственный пример со старым окончанием *-ѣ*: *[к]руж[ивѣ] бол[ѣ]иши* 866 (2 четв. XII) — ненадежен (см. Б 5). В Синод.¹ НПЛ только: *2 лѣта* [1138, 1197], *лѣта 2* [1232].

Р. М. дв. муж. и сред.: *во кольцо тшо 644, на 2 коноу (вместо коно) 609, на доувоу (вместо довоу) бъркъвъскоу 219.*

Д. Т. дв. муж. и сред.: в берестяных грамотах примеров нет. В Синод.₁ НПЛ: *съ клеветникома [1208], къ обѣма кнѣзма [1224]*, а также с окончанием *i*-склонения *съ двема кнѣзма [1169]*; отметим еще *съ браѣма [1167]*. Сюда же нечленные формы прилагательных и причастий: *слепома, гньющема [1177]*.

Вопрос о словоформах типа *червьяхъ*

§ 3.14. Особую морфологическую проблему составляет пример *на чървьяхъ* 'за рыбы внутренности' 219 (кон. XII – 1 четв. XIII); ср. И. В. ед. *чървие* 'рыбы внутренности' 893 (2 четв. – сер. XII). С морфологической точки зрения, здесь соотношение такое же, как между *на церевахо* 'за рыбы внутренности' 349 (XIII₂) и *церево* 'брюшная часть шкурки' 403 (XIV₂). Имеются, таким образом, следующие возможности: а) *червьяхъ* — М. мн. от *червьєк*, самый ранний пример проникновения окончания *-ахъ* в склонение *o*-neutra; б) это правильный М. мн. от незасвидетельствованного варианта *червьѣа* (жен. рода). Вопрос был бы решен, если бы в берестяных грамотах встретилась словоформа И. В. мн.: *червьѣа* в случае «а», *червьѣъ* в случае «б». В ожидании такой находки от решительного выбора здесь уместнее воздержаться. (Появившийся ныне дополнительный пример *ω червиш* 926 данного вопроса не решает.)

В ДНД₁ рассматривался более широкий круг примеров, где признавалось возможным соотношение типа И. мн. *-а, -ѣа* — М. мн. *-ахъ, -ѣхъ*. В работе Крысько 2000 для значительной части этих примеров предложены иные интерпретации, которые ныне представляются предпочтительными (см. Б 55 об *Озеравахъ* 509, 516, Г 56 о *камѣнѣа* 187, Г 70 о *крецетеа* 248; см. также Г 57 о № 276).

и-склонение

§ 3.15. Из слов *и*-склонения (все они мужского рода) в грамотах представлены: *бобръ* (и *бобръ*), *боръ, върхъ, даръ, дългъ, медь, миръ, низъ, полъ, радъ, солодъ, станъ, сынъ, търгъ*; может быть, сюда же относится имя *Смолигъ*. Правда, некоторые из этих слов (*дългъ, сынъ, търгъ*) фактически обнаруживают смешение окончаний *и*- и *o*-склонения (если бы материал был обширнее, такое смешение, возможно, было бы отмечено и у каких-то других слов данного списка).

И. ед.: *полъ* 526, Ст. Р. 5, 681 и др., *поло* 630, Ст. Р. 21 и др., *сыно* 632, 705. В поздних грамотах: *Бобро* 45, *солодъ* 363, помимо частых *полъ, поло, сынъ, сыно, сѣно*. Непоказательно *полъ* 161 (2×), см. Д 20. Отметим важнейшие случаи, когда в рамках одной грамоты окончание *<-ъ>* в И. ед. *и*-склонения непосредственно противостоит окончанию *<-е>* в И. ед. *o*-склонения: *Селатине сыно* 632; *сыно – быле, наделиле, посолале, заходиле* 705; *полъ – сьрочьке* 681; *поло – Акиме* Ст. Р. 21. Также в поздних грамотах: *Местиловь сыно* 68 (XIII), *Кирежвь сѣно* 249; *поло – намъ* 410 (XIII).

Зв. ед.: *соуноу* (вместо *сыноу*) 421. Ср. *сѣноу* в Синод. НПЛ [1215].

В. ед.: *на върхо* 549, *въ дългъ* 675, *сыно* 719, 934, *соно* (вместо *сыно*) 705, *полъ* 219, *поло* 663, *въ поло* 776 и др.; в поздних грамотах также *даръ, миръ, радъ*.

Кроме того, по образцу имен *o*-склонения, обозначающих лиц: *сѣна* 249 (XIV), *на сѣна ево* 496 (XV). О форме В. ед. от слова *сынъ* в Синод. НПЛ см. § 3.10.

Р. ед.: *медоу* 605, *оу ... сыноу* 798, *бес полоу* 631, *безъ полоу* 609 (ср. также *полоу* 246); возможно, сюда же [ѡ] *Смолигѣ* 603. В поздних грамотах: *из долгоу* 510 (XIII), *дарѣ* 215 (XIII), 718 (XIII) и др., *медѣ* 409 (XIII), 718 (XIII), *мьду* 61 (XIII), *меду* 136, *раду* 131, *солоду* 1, 136, 363. У слова *сынъ* в поздних берестяных грамотах встретилось только окончание *-а*: *у сына* 348 (XIII₂), *сына* 42, *сѣна* (часто). Старая форма сохранилась в Завещ. Клим. (1250-е гг.): *ни сѣоу*. В Синод.₁ НПЛ представлены *медоу*, *радоу*, *търгоу*, *до търгоу*, но наряду с ними регулярно *сѣна*, *мира*, кроме того, *до върха* [1230].

Д. ед.: *по полоу* 176 (?), 335, *по полу* 775 (XIII), *сѣоу* 926; особо стоит адвербиализованное *домови* 176, *домовь* 421. В поздних грамотах: а) *синови* 406; б) *сину* 406, к *сину* Ст. Р. 2 и *сѣу* еще в нескольких грамотах. В Синод.₁ НПЛ регулярно *сѣови*, кроме того, *по Дѣнови* 'по Дону' [1111]; с другой стороны, регулярно *по търгоу*, также *по всемоу ... Върхоу* (1196). Ср. *сѣови* в Завещ. Клим.

М. ед.: *въ домоу* 893, также позднее *на бору* 521 (XV). По образцу *о*-склонения: *въ братни долгъ* 235, также позднее *на торгѣ* 154 (XV). В Синод.₁ НПЛ представлены *върхоу* (*вѣрхоу*), *на бороу*, *на ономя полоу*, *на търгоу*, *о сѣоу*.

Т. ед.: [с]ын[ѣ]мь 871, также позднее *с сыно^М* 496 (XV).

И. мн.: в берестяных грамотах примеров нет. В Синод.₁ НПЛ встречаются: а) *-ове* — *домове* [1194], *сѣве* [1216] (не считая *чехове*, *лахове*, *попове*, где *-ове* может быть книжным элементом; относительно *полкове* см. выше, § 3.12); б) *върхы* [1217], *меды* [1233]. Эта картина непосредственно сходна с положением у *i-masculina* (§ 3.17), где в И. мн. старое окончание *-ьк* постепенно вытесняется окончанием В. мн. *-и*.

В. мн.: *дары* 831, *бобры* 420 (XIII); менее надежен поздний пример *бо[ѡ]р[ы]* 193 (XIV). В Синод.₁ НПЛ представлены *дары*, *домы*, *на рады*, *станы*, *сѣы*.

Р. мн.: *бобрѣв[ѣ]* 721, *бобровь* 420 (XIII) (не считая сомнительного *бѣбороко* 7). Ср. *домовь* в Синод.₁ НПЛ [1194].

Д. мн.: только поздний пример *синь(мь) <сыномь>* 580 (XIV). В Синод.₁ НПЛ только *домамь* [1167], т. е. предполагаемое **-ьмь* прямо не засвидетельствовано.

М. мн.: в берестяных грамотах примеров нет. В Синод.₁ НПЛ: *въ домьхъ* [1194].

Т. мн.: только *бобры* 600 (XIII) — по *о*-склонению. Ср. *съ пельми* в Синод.₁ НПЛ [1128].

В. дв.: *въ полы* 915.

Отметим И. В. дв. 2 *сѣна* (по *о*-склонению) в Синод.₁ НПЛ (многократно), а также Т. дв. *съ двѣма сын[ѣ]м(а)* Варл.

i-склонение

§ 3.16. Рассмотрим вначале *i-feminina*, поскольку они составляют основную часть слов данного склонения. Ниже приводятся реально засвидетельствованные примеры из ранних грамот; но списки примеров — не обязательно исчерпывающие. Отметим, что к *i-feminina* принадлежат также счетные существительные *пять*, *шесть*, *семь*, *осмь*, *девять*; кроме того, с морфологической точки зрения сюда относится слово *дѣти* (хотя по согласованию оно мужского рода).

И. ед.: *хоудость* 752, *вѣр[ъ]шь* 798, *дробь* 438, *оголове* 78, *чадь* 69 (XIII), *пять* Ст. Р. 22, *шесть* 223, *семе* Ст. Р. 22, *осьмь* 238, *осьмь* 223, 724, *девятъ* 219.

В. ед.: *вѣсть* 644, *дане* 724, *цьсть* 227, *кадь* 810, *въ треть* 75, *шесть* 776.

Р. ед.: *дани* 601, 724, *соли* 624, *капи* 439, *бе шести* 710, *без девяти* 119.

Д. ед.: *къ рѣжи* 566, *гриди* 788, *по пяти* Ст. Р. 30, *по осми* 866, *по девяти* 437.

М. ед.: *на рѣжи* 609, *на соли* 926, *въ волости* Ст. Р. 10, *на семи* 843, *во сьми* 831, у ('в') *дѣвати* 108.

Т. ед.: *вѣрьшью* 798, 219, *бладаю* 531.

И. мн.: *дѣври* 247, *зелени* Ст. Р. 33, *сани*³ 718 (XIII), *4 четверти* 348 (XIII); также из более поздних грамот: *дѣти* 270, *дѣтѣ* 98, 136, *двои чети* 138.

В. мн.: *на мое дети* 831 (2×), *сани* 78, *за двое сани* 601.

Р. мн.: *дѣтии* (?) 428, *отъ дети его* 831, *цьпье <чепи>* 411 (XIII); также из более поздних грамот: *ѿ дѣтии* 180, *дѣтеи* 519, *дѣтѣи* 100, 353, *вѣстѣи* 286, *рѣчѣи* 496.

Д. мн.: *къ дѣтьмь* 156 (грамота без смешения *ь* и *е*).

М. мн.: *о дѣтьхъ* 854, *во сѣтьхо* 722.

Т. мн.: *съ дѣтьми* 911, *съ дѣтьми* 831.

И. В. дв.: *2 четверти*, *2 четверети* 348 (XIII).

Р. дв.: для *i-feminina* примеров нет, но есть словоформа среднего рода, построенная по их образцу, — [из] *оцью* 752.

§ 3.17. Из заведомых *i-masculina* в грамотах представлены: *господь*, *гость* (также имена *Домагость*, *Радогость*), *дѣверь*, *звѣрь*, *зять*, *лосось*, *путь*, *тать*, *тѣсть*; *людьѣ*. Вполне вероятно, что к *i-masculina* относятся также *Зуб(е)рь*, *Серезѣрь*; может быть, еще и *соболь*, *тамень*. Из прежних консонантных основ, по-видимому, вполне уподобились *i-masculina*, в частности, *гребень*, *праслень*.

И. ед.: *Радого[сть]* 571, *гость* 68 (XIII), *звѣре* 199 (XIII), *праслень* надп. 23, *грѣбень* надп. 25 (XIII).

Зв. ед.: в нецерковных текстах только поздний пример *Осподи* 302 (XV) (в обращении не к Богу, а к феодалу).

В. ед.: *поуть* 850 (возможно, И. ед.), *за зать <ть>* 531 (2×), *по пѣть* 390 (XIII).

Р. ед.: *ѿ Домагости* 902, *дѣври <дѣвери>* 227; в поздних грамотах: *пути* 580, *до пути* 354, *безъ пути* 10.

Д. ед.: *по первомѣ пѣти* 724; вероятно, сюда же *къ Зоубери* 84. В поздних грамотах: *ко зати* (за вместо за) 497 (XIV), но также *тѣсту* 'тестю' (*ту* вместо *ти*) 519 (XV) — с окончанием *о*-склонения. В Синод.¹ НПЛ: *зати* [1224], *къ зати* [1204, 1224].

М. ед.: *на ... зати* 789, *на поути* 436; вероятно, сюда же *Серезѣри* 526. Ср. в Синод.¹ НПЛ: *на поути* [1137 и др.], *на озѣре Серегери* [1199].

Т. ед.: *татьмо* 222; также поздние примеры *съ затьмь* 568 (XIV) (*то*, вероятно, передает [т'о]), *путемь* 928 (XV).

³ Принадлежность в др.-р. языке этого слова именно к женскому роду видна, например, из следующего текста: *вѣставивше на сани на росны ѣже бѣша на то оустроены* (Усп. сб., 25 в).

И. мн. Окончание <ьк> (помимо церковных текстов): *людье* 724 (3×), *людье* 877 (2×). Окончание *-и*: *люди* 531 (3×). В более поздних грамотах встречается только *-и*: *люди* 698, *луди* 374, *тати* 297, *4 лососи*, *13 лососи* 92.

В Синод.¹ НПЛ: *людьк*, *люѣк*, *люѣ* [1137 и др., 9×], *людик* [1204, 2×]; с другой стороны, *люди* [1128, 1215], *гости* [1234].

В. мн.: только поздние примеры — *люди* 281, *на луди* 374, *4 лососи*, *4 лососѣ* 260. В Синод.¹ НПЛ: *люди*, *поути*, *гости* (неоднократно).

Новая форма, равная Р. мн.: *людѣи* 496 (XV); может быть, сюда же *люди* 142 (XIV; см. Г 10).

Р. мн.: *отъ всѣхъ лодье* 870 (*e* = [j]). В поздних грамотах: *ѿ людѣи* 314, *лососеи* 92, *лососѣи* 260, *лососи* 258, *лососи* 258; возможно, сюда же *таимени* 280; двусмысленно (Р. мн. или В. мн.) *люди* 142 (см. выше). В Синод.¹ НПЛ: *люди* [1141, 1224].

Д. мн.: *людьмъ* 119 (грамота без смешения *ь* и *e*), *къ людьмъ* 877/572 (*дѣ* = <дѣ>), *по людьмо* 222. В поздних грамотах: *людемъ* 698, *людомъ* 364 (*до* передает [д'о]). В Синод.¹ НПЛ: *людьмъ*, *къ людьмъ*, *по поутьмъ*, *гостьмъ* (неоднократно).

М. мн.: *на гребеньхъ* 438 (грамота без смешения *ь* и *e*). В Синод.¹ НПЛ: *въ людьхъ* [1132, 1161, 1188], *въ людехъ* [1158].

Т. мн.: *съ людьми* 526, *пъредъ людьми* 502, *людьми* 531 (2×). В поздних грамотах — *людьми*, *людми*. Ср. регулярное *людьми* в Синод.¹ НПЛ.

И. В. дв.: только поздние примеры — *2 лососи* 92 (3×) (в *2 лососе* 51 *-е*, возможно, стоит вместо *-ѣ* или вместо *-а*).

Дополнительные примеры с окончаниями *i*-склонения можно найти в § 3.18. О слове *три* см. § 3.28.

Консонантное склонение

§ 3.18. Консонантное склонение фактически не образует единого самостоятельного типа. Имеется несколько характерных окончаний, которые сочетаются (часто лишь в качестве факультативных вариантов) с окончаниями других склонений (в основном *i*-склонения). Важнейшие из этих характерных окончаний таковы: Р. ед. *-е*, М. ед. *-е*, И. мн. *-е*, Р. мн. *-ѣ*.

Относящиеся сюда слова весьма разнородны; они распадаются на целый ряд малых групп. Ниже рассматриваются только те из них, которые представлены в материале берестяных грамот.

Мужской род

Наиболее заметную группу здесь составляют имена жителей на *-ан-е*.

И. мн.: *рушань* Ст. Р. 10 (вероятно, *-нь* = <не>), *хотынане* 600 (XIII), *оуглицане* 69 (XIII). В Синод.¹ НПЛ представлено *-ане*, *-ане* (много примеров); отклоняется лишь *кынанѣ* [1068, 1147], где *ѣ* может быть чисто графическим, но может и отражать новое окончание.

В более поздних берестяных грамотах, наряду с древним *-ане* (*крѣстьяне* 352 и др. [с вариациями в корне], *гублане* 757, *дворань* 345) представлено также *-анѣ* (*ѣлицанѣ* 140, *севилакшанѣ* 249, *хрѣстьянѣ* *избошчанѣ* 307) и *-ани* (*хрестияни* 310 и др. [с вариациями в корне], *череничани* 157, *черенишани* 311, *дублани* 540); при этом из-за смешения *ѣ* с *и* разграничение двух последних вариантов в части случаев ненадежно.

В. мн.: про городищане Ст. Р. 10 (-не = <не> или <нѣ>). В позднем примере дворяни 67 (XIV) -ни = <нѣ> или <ни>. В Синод.₁ НПЛ обычно выступает -аны, -аны: на полочаны [1092], кыяны [1135, 2×], ладожаны [1136], куряны [1137], дворяны [1215], смолянны [1232]. Но наряду с этим также: изма дворянѣ Стослави [1210], изнардивѣ своѣ дворяне и брагѣне [1218].

С другой стороны, имеется уже и новая форма, равная Р. мн.: 4 дворяно 531; вероятно, сюда же дворян Ст. Р. 10 (см. Б 125). Ср. в Синод.₁ НПЛ: съгоншиа роушанъ съ конь [1224].

Р. мн.: отъ имоволожанъ и отъ жабланъ 885 (ср. также 844), ѿ ж[абьна]нѣ 872, оу которанъ 640, оу прихожано Ст. Р. 12, ѿ городьцано 704 (XIII); аналогично и в более поздних грамотах. В Синод.₁ НПЛ тоже регулярно -анъ, -ань.

Д. мн.: к[ѣ] воло[ча](и)[омъ] 739, се[л]ечаномъ 724, къ селаномъ 819, хотынаномо 600 (XIII). В Синод.₁ НПЛ тоже регулярно -аномъ, -аномъ. В позднем примере ко десананомо 253 (XIV) представлено уже новое окончание.

М. мн. В грамоте XI в. еще сохранилась древнейшая модель (без -и): на погощахъ 526 (от погощане); ср. Шахматов 1957: 100–101. Более обычную древнерусскую модель отражает пример в городищаньх Ст. Р. 10 (-ньх = <ньхъ> или <нехъ>), а может быть, даже <нѣхъ>). В Синод.₁ НПЛ лишь один пример, и он представляет несколько иную модель: на городищанохъ [1229]; ср. въ боярехъ [1204].

Т. мн.: есть только поздний пример хрестианы 310 (XV). В Синод.₁ НПЛ регулярно -аны, -аны.

Далее, имеется группа существительных, которые в основном следуют *i*-склонению, но в некоторых формах сохраняют (иногда лишь факультативно) окончания консонантного склонения. В берестяных грамотах из этой группы встретились *днь*, *локъть*, *польть*.

Следы консонантного склонения: Р. мн. *локъть* 609, также в поздних грамотах — *локоть* 366, *локото* 130, *полото* 750. В Синод.₁ НПЛ: Р. ед. *дње* [1136, 1204], М. ед. *том же дње* [1214] — в обоих случаях на фоне более обычного *дни*.

Прочие словоформы: И. ед. *полоть* 218 (2×) (XIII), *полоте* 215 (XIII); В. ед. *о днь* 908, *пол[ѣ]ть* 831, также ряд примеров с *днь*; Р. ед. *локти*, *безо локти* 130 (XIV), *локти* 536 (XIV), также *[ѡ] Д[о]м[ит]рова дѣни* Торж. 7; Д. ед. *ко Петровоу дени* 558; также *ко Илину дни* 134 (XIV); М. ед. *на полти* 609, *томо дни* 731, *по Петровѣ дни* 417 (XIV), *ѡ Петрови дни* 463 (XIV); И. мн. *3 локти* 288 (XIV), *4 локти*, *14 локти* 130 (XIV); В. мн. *ты дни* 731, также *три дни* 490 (XIV); И. В. дв. *польти* 2 — 718 (XIII), *полти* 2 — 196 (XIV), *2 локти* 500 (XIV), *12 локти* 130 (XIV). Отметим еще И. мн. *дньѣ* в Синод.₁ НПЛ [1134].

Консонантное окончание имеет также И. мн. (муж.) у причастий с -уч-, -ач- и с -ъи-, -въи-, например: *Ба са боаць* 548, *продавьше* 424, *въдавоше* 550. В поздних грамотах это окончание тоже представлено (например, *платаце* 131, *р[оуцѣни]ше* 295 [XIII]), но уже наряду с -и (*помавоши* 582, *приславъши* 141 [обе XIII]) и -ѣ (*приехавиѣ* 249).

О словах *четыре* и *десять* см. § 3.28.

Женский род

Слова *мати*, *дъчи*: И. ед. *доци* 531; В. ед. *доцере* <ръ>, *на доцерь* 531; Р. ед. *отъ матере* 733, *ото матери* 670, *ѿ матери* 747, *о* ('от') *матъри* 350 (XIII); Д. ед. *къ матери* 384, 424, *ко матьри* 227.

Из группы слов на *-ы* (Р. ед. *-ьве*) встретились: *църкы* (только в поздних грамотах) — В. ед. *во църкове* 414, *в църкъвь* 275, *църковъ* 470 (все XIV в.); *цѣлы* 'исцеление', 'здоровье' — В. ед. (или И. ед.) *цѣльвь* 849.

Средний род

В группе *n*-основ в ранний период представлены: Р. ед. *с[ѣ]мьни* 700, И. В. мн. *сѣме[н]а* 556, *со племенемо* 112. В поздний период, наряду с примерами *съ племенемъ* 250, *с племеньмъ* 417, находим также ряд форм с аналогическим *-ан-*: Р. ед. *веремани* 187, Д. ед. *племани* 519, И. В. мн. *сѣмана* 17, 353, 755, *ѣмана* 755, Р. мн. *сѣмань* 353.

Для *nt*-основ отмечены только В. ед. *про выжсла* 948 (XIV), В. ед. *выжсла* 135 (XIV/XV), М. ед. *на ихъ вноучате* 162 (XV) и Т. ед. *дѣтатию* (с окончанием женского морф. рода) 771 (XIV).

Что касается прежних *s*-основ, то все они перешли, по крайней мере в ед. числе, в тип *o*-неutra. В ранний период отмечен В. ед. *слово* 531 (2×); ср. также *дрѣво* 246. Особо стоит словоформа Р. дв. *[уз] оцью* 752; см. § 3.16. Поздние примеры: И. В. ед. *слово* (часто), *дѣло* 317, *тело* 521, *ухо* 25 (3×); Р. ед. *слова* 17, 183, 345, 757, *солова* (!) 497 (2×), *до тела* 521; Д. ед. *слову* 101; М. ед. *в оке* 761; Т. ед. *нобомъ* 'небом' 10; Р. мн. *словъ* 312, 755, *дѣль* 43.

АДЪЕКТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 3.19. Поскольку адъективное склонение определенным образом связано с местоименным, начнем с общих положений, касающихся обоих этих склонений.

Парадигмы слов адъективного и местоименного склонения с морфологической точки зрения могут быть разделены на следующие группы форм.

1. Прямые падежи (И. и В.) всех чисел.

2. Косвенные падежи:

а) Группа форм «типа Р. ед.»: косвенные падежи ед. числа, за исключением формы Т. ед. муж./сред.; кроме того, Р. М. дв.;

б) Группа форм «типа Р. мн.»: косвенные падежи мн. числа; кроме того, Т. ед. муж./сред. и Д. Т. дв.

В ранне-др.-новг. период окончания адъективного и местоименного склонений (по крайней мере у твердых основ) почти во всех клетках парадигмы различны между собой. В поздне-др.-новг. период происходит интенсивное взаимное сближение этих двух склонений. Оно реализуется в виде следующих процессов.

1. В группе форм типа Р. ед. адъективные окончания полностью вытесняются местоименными.

2. В группе форм типа Р. мн. местоименные окончания вытесняются, хотя и не вполне последовательно, адъективными; этот процесс происходит у твердых основ (у мягких основ в данной группе форм окончания адъективного и местоименного склонений уже в ранний период были одинаковы).

3. В прямых падежах наблюдается тенденция к такому же развитию, как в формах типа Р. мн., но она реализуется лишь в весьма ограниченной степени.

В таблице 6 приведены окончания адъективного склонения. Они даются только в твердом варианте, а мягкий вариант получается заменой первой буквы окончания: *a, o, y, ъ*, соответственно на *а, е, ю, и, в*; если первая буква есть *ѣ* или *и*, то в мягком варианте окончание то же, что в твердом.

Таблица 6. РАННЕДРЕВНЕОНОВГОРОДСКОЕ АДЪЕКТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ

		муж.	сред.	жен.
ед.	И.	-ѣи ¹ , <i>поздн.</i> = В.	-оѣ	-аѣ
	В.	-ѣи, -ѣи		-ую
	Р.	-аго, <i>поздн.</i> -ого, -ога		-ѣѣ, -ѣи, <i>поздн.</i> -ои
	Д.	-уму ² , <i>поздн.</i> -ому		-ѣи, <i>поздн.</i> -ои
	М.	-ѣмь, <i>поздн.</i> -омь		
	Т.	(ѣмь)		-ою
мн.	И.	(-ии), <i>поздн.</i> = И. В. жен.	-аѣ	-ѣѣ, (-ѣѣ), <i>поздн.</i> -ѣи, -ѣѣ, -ѣи
	В.	= И. В. жен.		
	Р. М.	-ѣѣѣ		
	Д.	-ѣмь		
	Т.	(ѣми)		
дв.	И. В.	-аѣ	-аѣ	(-ѣи)
	Р. М.	(-ую, -ою)		
	Д. Т.	(ѣма)		

Примечания к таблице

См. правку в распечатке!

¹ Для мягкого варианта материала нет; отличалось ли здесь окончание от стандартного др.-р. *-ѣи, -ѣи*, неизвестно.

² Для раннего периода окончание устанавливается не вполне надежно; см. § 3.21.

Об отсутствии чередований при склонении см. § 3.42.

В основу таблицы положены окончания ранне-др.-новг. периода. Но в тех случаях, когда в поздне-др.-новг. период окончание сменилось, приведено (с пометой *поздн.*) также позднее окончание. (В понятие смены окончания не входят собственно фонетические процессы, например, прояснение редуцированных, стяжение *-ѣи > -ѣи*, отвердение конечного [м']). В скобки помещены окончания, взятые не из материала берестяных грамот (соответствующего периода). Следует, конечно, учитывать, что ранние окончания сменяются поздними не все одновременно. Некоторые ранние окончания в качестве реликтов живут еще довольно долго; с другой стороны, некоторые поздние окончания фактически начинают употребляться уже в ранне-др.-новг. период. В большинстве случаев смена окончания приходится на XIII в.; конкретнее см. в разборе материала.

Ради упрощения в таблицу не включены новые формы В. падежа, совпадающие с Р.

§ 3.20. Ниже приводятся иллюстрации и, где необходимо, списки.

И. ед. муж. В ранних берестяных грамотах эта форма встрети́лась только один раз: *катореи* 725 (XII/XIII). Существенно то, что в грамоте № 725 нет буквенных смешений и нет никаких проявлений процесса падения и прояснения редуцированных; таким образом, *-ei* здесь не восходит к *-ъи*.⁴ В Синод.1 НПЛ на фоне наддиалектного *-ъи* встрети́лось также *-ei*: *приходи свыскеи кнѣзь* [1142], *загорѣса ... Неревьскеи коньць* [1194] (менее надежен пример *печерьскеи* [1187]). Еще один пример окончания *-ei* содержит надпись на новгородской иконе XII в. (“Спас нерукотворный” и “Поклонение кресту”, ГТГ): *моногъоцитеи с[ѣ]раѣимъ* (указано А. А. Гиппиусом).

Материал поздних берестяных грамот: *-ьил-и* — *ржаньи* 363, *други* 288, *лонци* 463 (щ = [ш’к’]), *ниини* 463 (вместо *нинешни*), *старѣиѣи* 755 (о *ѣи* см. § 2.27); *-ыл-и* — *стари* 99 (вместо *стары*), *Широки* 178; *-оил-еи* — *небогатое* 775 (XIII; *ое* = [ој]), *нѣдборнои* 325, *сусѣднеи* 311. Во всех этих случаях представлены разные варианты фонетического развития прежнего *-ьил-ъи*, т. е. окончания, характерного для В. ед. Лишь не совсем ясное *душевнѣ* 520, может быть, продолжает старое *-еи*.

В других новгородских и псковских памятниках XIV–XVI вв. в И. ед. муж. иногда встречается также и *-еи* (с графическим вариантом *-ѣи*): *тѣи товаръ* (Нибуров мир 1392 г., список А; цитируется по фотографии), *семеи дворъ* (Мар., № 33, 1417–21 гг.), *кескеи судья* (ГВНП, № 60, 1421 г.), *господинъ тысяцкѣи* (ГВНП, № 96, XV₂), *теи Иволтъ* (Хрест., № 42, 1463–65 гг.); в Пск. 2 лет. (Синод. список конца XV в.) — *немецкеи городке* (Пск. лет., 2: 44), *Опоцкеи, Городецкеи* (с. 50); в Пск. 3 лет. (Строевский список ок. 1560 г.) — *каторѣи* (Пск. лет., 2: 151, 187), *дворе рѣчнеи* (2: 185), *поушечнеи сараи* (2: 231), *сторожеѣи полкъ* (2: 221), *князь великеи* (2: 223 и др.), *Иванке Подкоурскеи* (2: 167), *рыжскеи* (2: 112), *литовскеи* (2: 131), *псковскеи* (2: 159, 187), *новгородскеи* (2: 197); в псковской палее 1494 г. — *женскеи ро^д* (л. 6; Каринский 1909: 38); в поздних списках с псковских грамот XIV–XV вв. — *Медовеи островка* ‘Медовый островок’ (Мар., № 11), *Федоре Кроткеи, Игнате Бритневеи* (Мар., № 29).

При анализе позднего материала необходимо, однако, рассматривать И. ед. муж. не изолированно, а вместе с В. ед. муж. (см. ниже).

В. ед. муж.: *половьи, бж[ръ]ръи* 160, *шизьи* 735; *ризьи* ‘рыжий’ 160. Разница между *-ъи* и *-ьи* — возможно, чисто орфографическая. О неясном написании *каторъ* 748 см. Б 82.

Материал поздних берестяных грамот: *-ьил-и* — *голубьи* 142, *ржаньи* 297, *дѣцкѣи* 615 (XIII), *други* 354; *-ыл-и* — *друоги* 482 (XIII), *въ другы радѣ* 272, *корилескы* 266, *цетворты* 169, *първы* 691, *лоньски* 196 (если это не *лоньскии*, см. Г 1), *Ѣццерски* 178, *велики* 154; *-оил-еи* — *цетвертои* 213 (XIII), *Голиное <Глинои>* (2×), *Рыдньскои* 390 (XIII), *ѡстровескои* 928, *нынецеи* 196. В *цетверетьнѣи* 297 (XV) за *-ъи* стоит *<-ьи>* или *<-ои>*. Всё это разные варианты фонетического развития *-ьил-ъи*, т. е. исходного окончания.

Наряду с этим имеется пример с окончанием *-еи*: *на великеи путь* 928 (XV). Некоторое число примеров В. ед. муж. на *-еи* (или *-ѣи*) обнаруживается также в других поздних памятниках: *в тѣи срокѣ* (ГВНП, № 44, 1373 г.), *в дубѣ в огорелеи* (ГВНП, № 324, XV), *на орелеи* (пропущено *го*) *дубѣ* (ГВНП, № 122, XV), *в Великеи Новгородѣ* (РИБ, т. 15, № 37, 1535–40 гг.), *в Новеи городо^к* (Пск. лет., 2: 36), *под Новѣи городо^к*

⁴ Находка (в 1991 г.) грамоты № 725 разрешила сомнения по поводу того, каким было раннедр.-новг. окончание данной формы (см. Изуч. яз., § 12 об этих сомнениях и об ожидании подобной находки).

(2: 136), *Новеи городе*^ч (2: 150), *Краснеи Городець* (2: 159), *Великеи Новъгоро*^д (2: 150), *в четвергъ в Великеи* (2: 129), *полонъ псковскеи* (2: 182). Как можно видеть, в В. ед. примеров с *-ei* заметно меньше, чем в И. ед.; все они не старше 2 пол. XIV в.

В целом материал XIV–XV вв. свидетельствует о том, что различавшиеся прежде формы И. ед. и В. ед. муж. совпали, т. е. в этом пункте системы ситуация уподобилась наддиалектной древнерусской, причем возобладало именно то окончание, которое совпадало со наддиалектным. Окончание *-ei* потеряло свой статус показателя И. падежа и превратилось просто в редкий вариант господствующего *-ьи, -ои*, общего для И. и В. падежей; отсюда возможность употребления *-ei* и в В. ед.

Следует учитывать также, что в некоторых др.-новг. говорах *ѣи* развивалось в [ej] (иногда даже со смягчением предшествующей согласной); см. § 2.27. В таких говорах прежнее различие окончаний И. ед. и В. ед. муж. оказалось полностью или частично снято фонетическим путем.

И. В. ед. сред.: *жельтокъ, которокъ, другокъ, мьньшежъ* и т. д.

§ 3.21. Р. ед. муж. и сред. В ранних берестяных грамотах засвидетельствовано только окончание *-аго*: *мьдвьнаго* 910 (XI/XII), *оу котораго* 798 (XII₂), *[э]рьчьскаго* 700 (XII₂), *поногатънаго* 640 (XII₂), *подвоискаго* 147 (20-е–30-е гг. XIII). Немного более поздним является пример *малаго* 68 (из блока сер. — 3 четв. XIII); это последний по времени пример *-аго* в берестяных грамотах. Ср. также *лоуцьшаго* (В. ед.) 246 (XI) — в грамоте смоленско-полоцкого происхождения.

Самый ранний пример окончания *-ого* в берестяных грамотах — *[с]оцекаго* 294 (20-е–60-е гг. XIII). Начиная с последней трети XIII в. *-ого* становится нормой: *зеленого, великого, доброго, другого, Бѣльскаго* и т. д. Но наряду с *-ого* появляется и еще одно новое окончание — *-ога*: *боургалскога* 288 (XIV₁), *другога* 689 (XIV₂).

Движение др.-новг. диалекта от раннего *-аго* к более позднему *-ого* до некоторой степени прослеживается также по Синод. НПЛ и по пергаменным грамотам; см. об этом Изуч. яз., § 23.⁵

К середине XV в. относится пример *д[во]ръно*^в 496 (ср. *єво, ни[ко]е*^в в этой же грамоте), где отразился переход *г* в *в* в рассматриваемом окончании.

Самый ранний пример окончания *-ога* в адъективном склонении — *ѿ осмога дни* в новгородском Захарьинском паремейнике 1271 г. (л. 231 об.). Это окончание изредка отмечается также в различных памятниках, переписанных на севере Руси, ср. *другога, оу города Вру^чога* (Лавр. [945, 977]), *осмога, милога* (Ипат. [1074, 1202]). В современном языке этому окончанию соответствует диалектное *-ова* (*молод^ова, стар^ова* и т. п.), широко распространенное в северновеликорусских говорах; отметим ранний пример *головнова* (АСЭИ, 1, № 71, ок. 1430 г.). См. также § 3.47.

Д. ед. В ранних берестяных грамотах примеров очень мало. Окончание *-уму*: *ко старьшоум[о]у* 831 (2 четв. XII). Окончание *-ому*: *по первомѣ* 724 (1160-е гг.); ср. также *вьликому* 704 (XIII). Кроме того, имеется два примера со странным окончанием *-аму*: *дѣтьскамоу* Ст. Р. 8 (XII₁), *дѣцьскамоу* 222 (нач. XIII). Предположение об аканье здесь совершенно нереально — хотя бы потому, что ударение в этой слово-

⁵ Отметим лишь, что в таблице 1 в Изуч. яз., с. 223 некоторое различие количественных показателей в первых двух столбцах (соответствующих Синод. НПЛ) ныне следует объяснять не различием почерков, а тем, что писец Синод. НПЛ довольно точно скопировал погодные записи, которые вели предшествующие летописцы, и тем самым косвенно отразил постепенную эволюцию языка (см. § 1.1, пункт «Новгородские летописи»).

форме должно было падать на первый слог окончания (поскольку слово *дѣти* относится к акцентной парадигме *с*), т. е. речь идет об ударной гласной. Две одинаковых описки крайне маловероятны; вдобавок, известно еще два подобных примера — *котораму* в новгородском евангелии РГБ, фонд 256, № 104 (XII/XIII) (см. Колесов 1980: 201) и *послѣдьямоу* в Ефремовской кормчей XII в. (л. 243 а; см. Крысько 1994в: 23); см. также Д 5 относительно написания *ѣтому* 519, которое, по-видимому, переправлено из *ѣтаму*. По-видимому, мы имеем здесь дело либо с некоей орфографической условностью, либо с морфологическим влиянием формы Р. ед. (*с-аго*) на Д. ед. Для разрешения этой проблемы необходимо дальнейшее накопление материала.

В грамотах XIV–XV вв. отмечены: *новгороцкому* 310, *которому* 19, *ѣтому* 519 (не считая явно искаженного *новгороцдему* 281).

М. ед. В ранних берестяных грамотах представлено <-ѣмь> (или <-ѣмь>) — с отражением отвердевшего *м*): *кроупѣмь* ‘в мелком’ 526, *во простемо, въ другемо* 686; также на *Городьцькемь* 718 (XIII). Двусмысленны примеры на *третьемь* 609, на *ѣночьмо* 927: <-ѣмь> или <-ѣмь>.

В Синод.¹ НПЛ тоже регулярно выступает <-ѣмь> или <-ѣмь> (при лишь одном исключении: *въ другомь* в повести о взятии Царьграда), но здесь это не столь показательно, поскольку такого же окончания требует и ц.-сл. норма. Собственно новгородское <-ѣмь>, <-ѣмь>, по-видимому, можно усматривать в топонимах: *въ Неревьскемь* (также *-скемь*) *конци* (3×), на *Ламьскемь волоце*, на *Новѣмь* (также *-вемь*) *Гьргоу* (2×), *въ Боллобьмь* ‘в селе Боголюбое’.

В берестяных грамотах позднее середины XIII в. находим уже <-омь>: *в пивномо* 411 (кон. XIII), *во Плотницикомо* 690, *воликомо* 2. В Синод.² НПЛ <-ѣмь> представлено только дважды, причем в обоих случаях имеет очевидный ц.-сл. характер: *въ ирѣтви нбѣнѣмь*, *в калѣ грьховьнѣмь*. В прочих случаях регулярно выступает <-омь> (или <-омь>), например, *в Неревьскомь конци*, на *Торговомь полоу* и т. д.

Т. ед. — см. ниже, в группе форм типа Р. мн.

§ 3.22. И. ед. жен.: *другаю, Безубаю, Иванаю* и т. д.

В. ед.: *другую, новую, нынѣшнюю* и т. д.

Р. ед. Окончание <-ѣѣ>. Твердые основы: *семѣѣ* 526 (XI), *оу Плѣшевѣѣ, оу Неберешинѣѣ* Ст. Р. 36 (<-ѣѣ> в этой грамоте почти наверное должно интерпретироваться не как <-ѣѣ>, а как <-ѣѣ> [или, может быть, <-ѣѣ>], поскольку в ней нет смешения *е* и *ь*, а <ѣ> после [j] записывается в виде *е*), сюда же (о)[у] *Пр[у]сов[ѣ]ѣ* Ст. Р. 38. Мягкие основы: *третьѣѣ* 526, *оу Завижѣѣ* Ст. Р. 36. Ср. также единичные примеры в летописи: *ѣ Иваньковекъ, съ Бѣлекъ* (Синод.¹ НПЛ [1177, 1200]), *с Бѣлѣѣ* (Академический и Голицынский списки IV Новг. лет. [1200]).

Окончание <-ѣѣ>: *оу Ньжатъкины* Ст. Р. 13 (XI), *оу Поутоковы* 630. Ср. также единичные примеры в летописи: *из грьчьскѣѣ земли* (Синод.¹ НПЛ [1204], л. 65), *ѣ Иванковѣѣ, с Лубянкѣѣ улицѣѣ, с Бѣлѣѣ* (Комисс. НПЛ [1177, 1196, 1200]). Менее показательно *оу ѣтѣѣ Софы*, многократно встречающееся в Синод.¹ НПЛ, поскольку здесь допустимо усматривать косвенное (через Д. ед.) влияние ц.-сл. нормы.

В большой группе примеров графика не позволяет отличить <-ѣѣ> от <-ѣѣ> (из-за возможности передачи [j] через *е*, § 1.12): *оу Борышковекъ, оу Гюрегевекъ, оу Орьшинекъ*

Ст. Р. 21, *оу Безоуевее, оу Боршековее, оу Надековее, оу Несодицевее, оу Ташинее, оу Хьловее* Ст. Р. 22, *стее, стье* 657, *оу Оршековее* 228, *8 Павловеж* 212 (XIII), *у Иелее* 348 (XIII) (может быть, еще *Сьмиш[ье]* 8); также *оу Тьише* (при мягкой основе) Ст. Р. 21. Следует всё же полагать, что в большей части этих примеров реально представлено <ѣѣ>, а не <ѣи>, поскольку [j] передается через *e* сравнительно редко и еще реже этот эффект реализуется вполне последовательно. Для грамот Ст. Р. 21 и 22 в этом отношении существенны также более ясные показания грамоты Ст. Р. 36 (о которой см. выше). В записи *оу Короцьковее* Ст. Р. 21, возможно, отразилось колебание между окончаниями <ѣѣ> и <ѣи>.

В заговоре (№ 715, XIII) использовано ц.-сл. окончание: *сватыа Богородича*.

В берестяных грамотах XIV–XV вв. как правило представлено уже новое окончание *-ои*: *с купной грамотѣ* 53, *вѣревки узкой* 133, *ѿ Сыповои* 264, *с немецкой половинѣ* 248 и т. д. Но окончание <ѣи> еще сохраняется в примерах *оу Иголаидовѣи* 278 (XIV₂), *оу Прошкевиш* 701 (XIV₂); менее ясен пример *кромиски земли* 519 (XIV/XV).

В Синод.¹ НПЛ нормой является ц.-сл. окончание *-ыи*. От этой нормы имеются некоторые отклонения (ср., в частности, выше), в т. ч. и окончание *-ои*: *верьбнои* ([1204], л. 69), *новгородьскои* ([1216], л. 85). В Синод.² НПЛ окончание *-ои* уже успешно конкурирует с ц.-сл. *-ыи* (тогда как *-ѣѣ* и *-ѣи* здесь уже отсутствуют).

Отметим, что окончания *-ыѣ* ни в берестяных грамотах, ни в НПЛ нет вообще. Окончание <оѣ/еѣ>, отсутствующее в берестяных грамотах, в НПЛ встретилось четыре раза: *тѣоѣ* [1138, 1204], *Ярославлеѣ* [1243], *низовьскоѣ* [1253].

Д. М. ед. Окончание <ѣи>: *сватее* 705, *въ дрѣгее* 438, *Волотьковѣи* 293 (XIII).

Но уже в ранних берестяных грамотах отмечается также и новое окончание <ои>: *въ първое* 438 (XII/XIII), кроме того, *на дрѣгои, четвъртои* (М. ед.), *на третиеи* 602 (сер. XII) — в грамоте, возможно, ориентированной на наддиалектные нормы.

В Синод.¹ НПЛ господствует <ѣи>; но, как и <ѣмь> в М. ед. муж./сред. (см. выше), оно в значительной мере объясняется ц.-сл. нормой. Собственно новгородское <ѣи> допустимо усматривать в примерах: *на Рогатеи оулици, на Дивнѣи горе* (2×), *на Ноутнѣи оулици, на Лоубанѣи оулици* (2×), *на Плоскѣи, на Коулачьскѣи, волости новгородьскеи* (Д. ед.). В записях XIII в. (начиная с 1204 г.) в Синод.¹ НПЛ появляются первые примеры с *-ои*: *грѣчьскои, въ роусьскои, о чюдьскои, въ торопьчьскои* и др. В Синод.² НПЛ употребляется уже только *-ои*.

В берестяных грамотах XIV–XV вв. чаще представлено *-ои*: *на Полонои* 689, *на (с)[т]арои* 286, *по бьсудьнои, в ызьѣжьнои* 366, *по дѣловои* 519, *по ѿстровескои* 928. Однако все еще встречается и старое окончание <ѣи>: *ко Васильевѣи* 67, *во виашкеи* 519; может быть, сюда же *на ... къльм(ен)[ѣ]цкѣ* 580. Двусмысленно *оу* ('в') *Горот[ѣ]неи* 307: <еи> или <ѣи> (более вероятно первое). Следы старого *-ѣи* можно предполагать также в некоторых относительно поздних псковских документах: *на Быстреи* (2×), *на Поукнеи* (3×) (Мар., № 33, 1417–21 гг.), *ѿ земли ѿ полнеи, на суднѣи ротѣ* (Пск. судн. гр., ст. 9, 99).

Т. ед.: *доброю, со Давыжею* 227. Поздние примеры: *[л]уговою* 928 (XV), но в той же грамоте и *старои межее*. Подробнее об утрате конечного [у] в позднюю эпоху, см. § 3.4 (Т. ед. *a*-склонения).

§ 3.23. И. мн. муж.: в ранних берестяных грамотах примеров нет. В Синод.¹ НПЛ последовательно употребляется окончание *-ии* (сомнительное *печерьскеи* [1187] не в

счет; о случаях смешения с В. мн. см. ниже). При этом в примерах *друзиш*, *югърьскиш* [1187], *сътъскиш* [1197], *заморьскиш* [1207] отразилась новгородская диалектная особенность — отсутствие 2-й палатализации (перехода *кы* > *ки* в эту эпоху еще нет). Это обстоятельство позволяет полагать, что перед нами живые, а не книжные словоформы.

В поздних берестяных грамотах: *друзиш* 141 (XIII) (окончание <-иш) или <-ѣи): в грамоте представлен эффект *ѣ* → *и*); *схѣи* 19 (окончание <-ѣи); *смердыньскіи* 313 (окончание <-иш) или <-ѣи); *поганьш* 317 (в функции Зв.; окончание <-ѣи); *которыє* 310, 352 (вероятно, окончание <-ѣѣ). О *которь* 301 см. Д 18.

В новгородских источниках XIV–XV вв. (пергаменных грамотах и летописях) наряду с преобладающим окончанием -иш встречается также -ѣи. Особенно много примеров И. мн. муж. на -ѣи в Комисс. НПЛ; такие примеры неоднократно встречаются также в Ипат. (здесь они принадлежат новгородскому переписчику). Примеры с -ѣи из ГВНП см. в Лингв., с. 142. В тех же памятниках встречаются и формы с -ѣѣ, -ѣи, -ѣи.

В. мн. муж.: в ранних берестяных грамотах примеров нет. Для позднего периода можно указать перешедшее в адъективное склонение *тыи* 446 (XIV). В Синод. НПЛ господствует ц.-сл. окончание -ѣи; изредка встречается также наддиалектное др.-р. окончание <-ѣѣ> (записываемое в Синод.1 НПЛ как -ѣѣ, в Синод.2 НПЛ как -ѣѣ). При мягкой основе этому соответствуют ц.-сл. -ѣи и наддиалектное др.-р. <-ѣѣ> (представленное в *вѣчьшє*, *вѣчьшєк* [1166, 1228]).

Из отклонений от этой схемы особый интерес представляет пример *городѣ черниговскѣѣ* [1214] — несомненный новгородизм; ср. ниже об окончании <-ѣѣ> в И. В. мн. жен. — форме, с которой В. мн. муж. в морфологической системе древних славянских диалектов совпадает. Отметим, впрочем, что есть также два примера, где, напротив, мягкие основы получили окончание, сходное с твердым типом: *вѣчьшє* [1215], *старєишє* [1216], с <-ѣѣ> вместо <-ѣѣ>.

Прочие отклонения — это случаи смешения В. мн. муж. с И. мн. В Синод.1 НПЛ они таковы: а) В. мн. *новгородѣшш* [1215, 1216]; б) И. мн. *друзиѣ 3 великѣ* [1141] (см. об этом примере подробнее § 3.12), *мьньшєк <-ѣѣ>* [1215]. В Синод.2 НПЛ появляется особое окончание -ѣи, где первый элемент — как в В. мн., а второй — как в И. мн. Это контаминированное окончание обслуживает обе формы: а) В. мн. *новгородѣскѣи*, *-дскѣи* [1256, 1315], *нарочитѣи* [1300]; сюда же *менишш* [1255], с мягкой основой; б) И. мн. *чернѣи* [1255], *татарѣскѣи* [1257], *оустѣюжѣскѣи* [1329].

И. В. мн. сред.: в ранних берестяных грамотах примеров нет. В Синод. НПЛ эта форма всегда имеет окончание -ѣи. Это же окончание представлено в *араа* 195 (нач. XIV). Но в примере *лживѣи* (2×) 307 (XV) выступает уже другое окончание — по-видимому, разновидность окончания, характерного для формы И. В. мн. жен.

И. В. мн. жен. В ранних берестяных грамотах встретилось только окончание <-ѣѣ>: *великѣѣ* Ст. Р. 8, *кѣромьнѣ <кѣрьмынѣѣ>* 'кормные' 650, *сѣднек* 213 (XIII); с мягкой основой — *большѣѣ* 438, *третєѣ <третьѣѣ>* 601. Синод. НПЛ в данном случае информации не дает: здесь последовательно используется ц.-сл. окончание -ѣи (если не считать единичного *инѣѣ* [1204]).

В берестяных грамотах XIV–XV вв.: *лонескѣи* 286, *вышковѣкиш*, *сосенкиш* (вместо -нскиш) 519, *ложивѣи* 307. Во всех этих грамотах *ѣ* смешивается с *и*, поэтому у основ на *к* здесь могло отразиться -ѣѣ, -ѣи, -ѣѣ или -ѣи, а в *ложивѣи* — -ѣѣ или -ѣи.

Следы окончания *-ѣѣ* обнаруживаются в псковских грамотах XIV в., дошедших до нас в поздних списках: *а судня грамотя изрезаѣ* ‘а судные грамоты они изрезали’ (с эффектом яканья; без дополнительных эффектов было бы *а суднѣѣ грамотѣ изрѣзаша*) (Мар., № 2); *по мошнѣ поже* ‘по болотные пожни’, *а что сѣлнѣ поже* ‘а что касается полевых пожен’ (ГВНП, № 345; о том, что оригинал этой грамоты относится к сер. XIV в., см. Колосова 1987).

В новгородских источниках XIV–XV вв. (пергаменных грамотах и летописях) встречается (наряду с *-ыѣ*, *-ык*, *-ыи*) окончание *-ѣи*; см. Лингв., с. 137, 142.

Исходя из того, что в И. В. мн. *а*-склонения уже в ранний период наряду с *-ѣ* встречается также и *-ы* (§ 3.5), допустимо предполагать, что в ту же эпоху наряду с *-ѣѣ* было возможно и *-ыѣ*.

§ 3.24. Формы типа Р. мн. (косвенные формы мн. числа, Д. Т. дв., Т. ед. муж./сред.) построены единообразно: перед характерными элементами *-хъ*, *-мъ*, *-ми*, *-ма*, *-мь* выступает *-ы/-и-*. Некоторые примеры из берестяных грамот (не только ранних): *золотыхъ* (Р. мн.) 335, *робьихъ* (Р. мн.) 336, *о старыхъ* 295 (XIII), *къ сватымъ* 296, *сочкыми* 154 (XV), *добрымъ* (Т. ед.) 358 (XIV). Д. Т. дв. должен был иметь окончание *-ыма* (реально не встретился). Не отмечено примеров с *-ыи-* вместо *-ы-* (типа *добрыхъ*) (ц.-сл. *гробеньшмо* 727, *мъртышхо* 419 не в счет).

У притяжательных прилагательных с суффиксами *-ов-* и *-ин-* в грамотах XIV–XV вв. наблюдается следующая особенность: в окончаниях форм типа Р. мн. наряду с элементом *-ы-* может выступать также элемент *-и-*. Материал таков: *с Офлемовими людми* (переправлено на *с Афремовими*) 191, *за Лукои за Степановимъ, Тарасинимъ дѣтемъ, Тарасинимъ дѣтемъ, за Тарасиними дѣдми* (вместо *-тми*) 519, *Даниловимъ дѣтемъ* 520, *з Бабиницъ 1, Сменовимъ руцьемъ* 928. Ср. обычное *-ы-* в *оу Капуниковыхо* 186, *8 Вѣлютовыхо* 2, на ... *Коневыхъ Водахъ* 249, *у вдовкиныхъ дѣтѣи* 353, *у Чупровыхъ* 161, *с Васильемъ со Желутковымъ* 25.

Данная особенность должна интерпретироваться как результат влияния местоименного склонения, а именно, модели *тихъ*, *инихъ* (ср. современные *самих*, *одних*), где элемент *-и-* выступает в твердом варианте склонения (см. § 3.26). Сближению притяжательных прилагательных с местоименным склонением должно было способствовать то, что в обеих этих группах И. и В. падежи в нормальном случае следуют именному склонению.

И. В. дв.: муж. — *шестокрѣлена ѿнгла* 2 — 549; сред. — *полотенеца со дова церелена* 439 (о ненадежном [к]руж[ивѣ] бол[ъ]иши 866 см. Б 5). Для жен. рода в берестяных грамотах примеров нет; ср. *по двѣ долѣѣи*, *по двѣ дѣлѣѣи* (ГВНП, № 9, 10; 1307 г.).

Р. М. дв.: в берестяных грамотах примеров нет. В Синод.¹ НПЛ многократно встречается Р. дв. *стѣюю*, но один раз также *стѣю* [1174]; кроме того, *новоавленю* [1177], *зломьслною* [1218]. В Синод.² НПЛ уже совершенно последовательно выступает *стѣю* (много раз). Таким образом, как и в других подобных случаях, мы имеем здесь дело с заменой более древнего *-ю* (сохраняющего *у* от именного склонения) более новым *-юю* (местоименного происхождения). Только в данном случае замена происходила довольно рано; с другой стороны, “позднее” окончание *-юю*, по-видимому, имело в живом языке сравнительно короткую жизнь — в связи с общим угасанием двойств. числа.

Д. Т. дв. — см. выше, в группе форм типа Р. мн.

МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 3.25. Общие сведения о делении форм местоименного склонения на группы и о взаимодействии местоименного склонения с адъективным в ходе эволюции см. в § 3.19.

В берестяных грамотах из слов местоименного склонения встретились слова с основами: *к-* 'кто', *ч-* 'что', *ј-* 'он', *он-* 'он', *т-* 'тот', *с-* 'сей', *мој-*, *твој-*, *свој-*, *наш-*, *ваш-*, *вѣх-* (*вѣх-*) 'весь', *сам-*, *ин-*, *так-*, *один-*, *дѣв-* 'два', *двој-*.

В таблице 7 приведены словоформы важнейших слов местоименного склонения, представленные в берестяных грамотах XI–XIII вв. Словоформы даны в нормализованном виде (для слова 'весь' учтен переход *ь* в *ѣ* перед твердой согласной, § 2.15^б). Для слов с основами *т-*, *вѣх-*, *к-*, *ј-*, *ч-* 'что' даны все засвидетельствованные словоформы, для остальных — лишь избранные образцы. В таблицу включены также некоторые примеры, извлеченные из более поздних берестяных грамот и из других источников (или реконструированные на их основе); они даны в скобках.

В таблицу не включены формы В. падежа, совпадающие с Р. Об отсутствии чередований при склонении см. § 3.42.

§ 3.26. Приводим материал ранних берестяных грамот с дополнениями там, где это необходимо, из прочих источников.

И. ед. муж. Окончание *-е* (у твердых основ): *саме* 736а, Ст. Р. 6, 706 (XIII), *самъ* 893, *вохъ* (<*вѣхе*> 351 (XIII), а также *кетъ* 'кто' Ст. Р. 12, *кетъ* 891, где за окончанием следует сросшаяся со словоформой частица *-то*; возможно, еще *инѣ* 328 (XIII) (= *и оне*) — если это действительно И. ед. ('и он'), а не И. мн. Сюда же известное *вѣхѣ поль* в Синод.¹ НПЛ [1217].

В псковской раздельной грамоте 2 пол. XIV в., сохранившейся в списке 1670 г. (Мар., № 5), отмечено словосочетание *те раздѣля* (И. ед.) 'тот раздел' (*ля* вместо *ле* в силу яканья); ср. *тот роздѣль* в аналогичной по содержанию грамоте Мар., № 6 (где обе словоформы приведены переписчиком к нормативному виду). Возможно (но, конечно не гарантировано), что в первой из этих грамот отразилась древняя словоформа И. ед. муж. *те* 'тот' (подробнее см. Изуч. яз., § 13).

Окончание *-ѣ*: *кто* (<*къто*> 831, *оно* (<*онѣ*> 531, *самъ* 724 (2×), 849 (2×), 793, 911, *едино* (<*нѣ*> 548 (NB начальное *е*). По-видимому, значительная часть этих примеров (хотя трудно установить, какая именно) отражает лишь установку их авторов на официальную норму. Для XIII в. отметим еще *само* (<*-мѣ*> 213 — в документе официального характера.

Мягкие основы: *мои* (2×, в т. ч. 1× в вокативной функции), *твои* 605. В *иже то* 233, 899, Ст. Р. 12 неясен падеж (И. или В.)

В берестяных грамотах XIV–XV вв. представлен тот же набор окончаний: *-е* — *саме* 142, 131, 19, *самъ* (<*-ме*> 415, 23; *-ѣ* — *самъ* 10 (XV; литературный текст), *одинъ* 496 (XV; административное донесение), *он[ѣ]* 3 (XV); сюда же примыкает *кто* 281, 40, *хто* 46; у мягких основ *-и*, *-ѣ* — *мои*, *вашѣ* и т. д.; также *вѣсь* 697. Кроме того, по адъективному склонению: *сѣи* (<*сеи*> 305.

В. ед. муж.: *вѣ вѣхѣ* 806, *инѣ* 902, *и* 'его' 502, 655 (также *ѣ* 737), *на нѣ* 897, Ст. Р. 15, *мои* 725, *за свои* 819, *иже тѣ* (В. ед. ?) 683. Наряду с этим имеются также примеры, где В. = Р.: *того, сего* 247, *его* 849.

В поздних грамотах встретились *мои, твои, свои*, также *въ[х]ъ* 297 (ср. еще *вохъ* в пергаменной грамоте 1412 г. [Д 40]); кроме того, с адъективным окончанием: *про сеи* Пск. 6 (XIII). Особо стоит В. ед. *тото* <тоть> 352 (в грамоте без признаков др.-новг. диалекта).

И. В. ед. сред.: *то* (часто: 336, 605, 163 и др.), *за то* 644, *оно* Город. 1, *въхо* 893, 818, *вохо* 439, 390 (XIII), [*ѡ*]охо 944, *се* (часто: 525, 235 и др.), *е* (?) 679, *въ не* 247, *късе* 9, *еже* 879, *ежь то* 682, *свое* 723, 814. Особо стоит 'что': *чьто* (*цѣто, чето, цето*) (часто: 672, 238, 644, 705 и др.), *что* 724 (2×). Ранний пример с адъективным окончанием: *такожъ же* 807.

О словоформе *ничѣто же*, выступающей в функции Р. падежа (*ничѣто же* 9, *ничѣто же* 109, *ничето же* 644), см. § 4.6.

Р. ед. муж. и сред. Окончание *-ого/-его*: *того* 890, 705, *оу кого либо* 700, *вхого* 211 (XIII), *ни одного* 724, *его* 502, *егъ* 724, *оу него* 907 (2×), *чего* 156, *ни[цего]* ж[е] 651, *ни иого* (вм. *иного*) *цого* 765 (XIII), *сего* 901, *оу сего* 247, *моего* 915, 841, 627, 748, *твоего* 731, *твъего* 651. Окончание *-ога/-ега*: *тога* 222, *ѡ тога* 227, *цѣга* Ст. Р. 28 (XIII), *моега* 82. В берестяных грамотах XIV–XV вв. встретилось только окончание *-ого/-его*.

Для *-ога/-ега* отметим еще: *тако бо возлюби Бѣ̄ мира сега* в надписи на иконе (Деисус XIII в., ГРМ), *ѡдинога Бога* в новгородской рукописи 1 пол. XIII в. (Праздники со вставками из Триоди цветной, ГПБ, Соф. 385, л. 117 об. [Каталог, № 218]) (оба примера указаны А. А. Гиппиусом). Последний пример предполагает существование диалектной словоформы *одиногога* (что позволило нам внести эту словоформу в общую таблицу). См. также § 3.47.

Д. ед.: *тому* 849, 717, *к(ъ) тѣмоу же* 891, *нѣкъмоу* 809, *никому же* 412 (XIII), *никому* 198 (XIII), *емоу* (часто: 735, 731, 235 и др.), *чемоу* 605, 644, *цѣмоу* 548, 642, *семоу* Ст. Р. 8, 735, 227, *семѣ* 879, *моемоу* 605, *моемѣ* 624, *твоемоу* 831, *своемоу* Ст. Р. 7.

М. ед.: *въ томъ* 776, 724 (3×), *по томъ* 724, *томо* 731, *о томъ* 824, *во томо* 654, *на томо* 531, *при комо* 531, *одиномо* 227, *на немъ* 336, Город. 1, *о своемъ* 854, *о моемо* 531.

Приведем также материал поздних грамот: *в ... томъ* 589, *въ (на, о) томъ* (часто), *в ѡномо* 213 (XIII), *на одиномо* 272, *не на цеме* 765 (XIII), *нѣ ... на цемъ* 272, *по семо* 59, *во своємъ* 195, *при своємъ* 42, *при своємъ* 519, *на своемо* 111; также *о всѣмо* 61 (XIII), *о всемо* 257, *о всѣмъ* 359.

Т. ед. — см. ниже, в группе форм типа Р. мн.

И. ед. жен.: *сама* 944, *ваша* 603, *моа* 752, 174, 531, 603 (также 682 — в вокативной функции), *чѣа* 8. Отметим также *са* 'эта' 43 (в поздней грамоте).

В. ед.: *тѣ* 879, *въ [т]оу* 907, *про ту* 600 (XIII), *в[ѣ]хоу* 736а, *вхоу* Варл., *одиною на десѣтѣ* 78, *таку же* 743, *иноу* 945, *ю* 439, 705 (3×), *въ сю* 752, *мою* 776, 790, 531 (4×), 725. (Ранние примеры с адъективным окончанием: *иноую* 9, *[т]акою же* 736а.)

Р. ед. Окончание *-ѡѣ/-еѣ*: *тоѣ* 907, *отъ въхоѣ* 850, *еѣ* 731. Окончание *-оу/-еу*: *еу* 531. Примеры, где из-за двусмысленной графики неизвестно, какой из этих двух вариантов представлен: *одоное* 222, *[е]ѣ* 227, *ее* 705.

В Синод.¹ НПЛ, если не считать случаев, где использовано ц.-сл. окончание *-оу/-еу*, представлено только *-оу/-еу*: *своѣи* (4×), *вашеи* (3×), *нашеи* [1230], *всѣи* [1220] (вместо *всеи*), *на мѣстѣ ки* [1195], *тои весны* [1229].

В поздних берестяных грамотах двусложный вариант окончания отсутствует; встретились только: *кѣ* 180, *у кѣ* 129. Таково же положение и в пергаменных грамотах. Отметим диалектную черту — отсутствие *и* — в примере *у кѣ* 129.

Д. М. ед.: *тои* 293 (XIII), *ее* <ѣи> 723, *ко нее* <неи> же 705, *оу неи* 'в ней' 449, *въ ... твои* Ст. Р. 10.

Т. ед.: только [т]воє[ѣ] в поздней грамоте 356.

И. мн. муж. Окончание <ѣ>: *те* 582 (XIII), *вохе* <въхѣ> 670, *самь* 61 (XIII) (если только это не И. ед.). Окончание *-и*: *ти* 550 (если только это не частица).

Поздние грамоты. Окончание <ѣ>: *тѣ* 242, *твое* 356. Окончание *-и*: *мои* 98, 374 (2×), *твои* 694, *твои* 311, 352, *двои* Пск. 4. Ввиду смешения в грамоте *ѣ* с *и* неизвестно, <ѣ> или <и>: *ти* 301, *вохи* 497, *сами* 248, *твои* 540, *наши* Ст. Р. 2.

В. мн. муж.: *ты дни* 'на днях' 731. Поздние грамоты. Окончание *-ы*: *ты* (?) 352. Окончание <ѣ>: *своѣ* 178; также *твоѣ* 142, где неясен падеж — В. или И. Неизвестно, <ѣ> или <и>: *и 'их'* 102, *свои* 281 (2×), 519. Также с адъективным окончанием: *тыи* 446.

И. В. мн. сред.: *моа* 245; также позднее *ваши* 755.

И. В. мн. жен.: *твое* <твоѣ> (И. мн.) 657; сюда же за *дов[оѣ]*, за *двое* <оѣ> 601 (определения к слову *сани*). В И. мн. *онѣ* 62 (XIII) род неясен (жен. или муж.).

Поздние грамоты. Окончание *-ѣ*: *всѣ* 195, *про своѣ* <своѣ> 949. Окончание *-и*: *двои* 138. Неизвестно, <ѣ> или <и>: *мои* 286.

Формы типа Р. мн. (косвенные формы мн. числа, Д. Т. дв., Т. ед. муж./сред.) построены единообразно: перед характерными элементами *-хъ*, *-мь*, *-ми*, *-ма*, *-мь* выступает либо *-ѣ*, либо *-и*. Рассмотрим материал, оставив временно в стороне словоформы с основой *вѣс-*, *вс-*.

Твердые основы. Вариант с *-ѣ*:- Р. мн. [и]н[е]х[о] 436; Д. мн. *къ въхемо* 87; Д. дв. *дѣвѣма десѣтма* 293 (XIII). Единственный пример с *-ѣ*- от основы *т-* — Р. мн. *тѣхъ* 109 — представлен в грамоте, имеющей, возможно, неновгородское происхождение (см. А 14).

Вариант с *-и*:- Р. мн. *тихъ* 105, *инихо* 548; Т. мн. *тими* 335, 711 (XIII); Т. ед. муж./сред. *тима* (?) 483 (XIII; пример не вполне показателен, так как в грамоте есть эффект *ѣ* → *и*). В этот ряд включилось также М. дв. *тию* (см. ниже). Из XIII и начала XIV в. отметим еще *съ тимъ* (ГВНП, № 30, 1266–72 гг.), *надъ тимъ* (№ 8, 1305–07 гг.), а также *тимъ словоь* в грамоте рижан около 1300 г. (Напьерский, № 49). Более полный разбор, с указанием ряда других аналогичных примеров, см. в Изуч. яз., § 25.

Особо стоит словоформа Т. падежа от 'кто': *с кьмо* 775 (XIII); более ранний пример (и)[ер]е[дѣ кь]... 834 (сер. XII) недостаточно надежен. Эта словоформа раньше всех прочих получила адъективное окончание (см. Шахматов 1957: 166).

Мягкие основы: Р. мн. *ѣхъ* 855, *мѣихъ* 836, *твоихъ* 675, *дѣвоихъ* 509; М. мн. *на нихъ* 724; Д. мн. *имъ* 548, 724, *ѣмъ* 855, *симо* 600 (XIII); Т. мн. *за ним[и]* 562; Т. ед. муж./сред. *своимъ* 752, *имо* 705, *за нимъ* 9, *съ нимъ* 296, *с нимо* 222, *своими* <-мь> Пск. 7 (XIII), *чимо* 644, *ничимъ же* 725, *ничимо же* 708 (XIII).

Окончания с <ѣ> представлены только в словоформах с основой *вѣс-* (первоначально чуждых др.-новг. диалекту). В ранний период отмечены: *надо вѣсьмь, ото вѣсьхо* 831 (грамота с отчетливой ориентацией на наддиалектные нормы), *отъ вѣсѣхъ* 870 (фрагмент коллективного послания официального характера).

В XIV–XV вв. в данной группе форм местоименные окончания уже почти полностью вытеснены адъективными. Материал берестяных грамот здесь таков.

Твердые основы: *тых* 317, *на тыхъ* 353, *на тых жь* 249, *с тыми же* 536, *т[ы] (мъ)* 692 (Т. ед.); *на вхыхъ* 359, *со вхим[и]* 492; *у ныхъ* ‘у иных’ 242, *а ныхъ* ‘а иных’ 466 (с отпадением *и* после гласной, § 2.32); сюда же *с кымъ* 21, *с кимъ* 358. Старая модель сохранена в Д. мн. *тимъ* 373 (= <тимъ> или <тѣмъ>): в грамоте представлен эффект $\bar{t} \rightarrow u$.

В *со вхим[и]* 492 (XIV) *хи* может восходить к ранне-др.-новг. *хы* или *хи*; в первом случае перед нами модель *тыми*, во втором — модель *тими* (модель *тѣми* здесь исключается: в грамоте нет эффекта $\bar{t} \rightarrow u$). В *с кимъ* 358 (сер. XIV) *ки* может восходить к ранне-др.-новг. *кы*, *ки* или *кѣ* (в грамоте есть эффект $\bar{t} \rightarrow u$).

Мягкие основы: местоименные и адъективные окончания у этих основ в данной группе форм одинаковы (тем самым для экспансии адъективного склонения этот материал непоказателен). Представляет интерес основа [вс’-]; в XIV–XV вв. отмечены: а) *ѡ всѣхъ* 279; б) *ѡ всихъ* 370, *ѡ всих* 273, *ѡо всихъ* 446. Элемент *-и-* при этой основе (появление которого в большинстве случаев можно интерпретировать просто как переход к адъективным окончаниям) наблюдается также во многих других новгородских и псковских памятниках, например, *съ всимъ* (Завещ. Клим.), Д. мн. *всимъ* (ГВНП, № 44, 50; Хрест., № 37, 40).

Особо отметим пример [л]р[и]х[о] 193 — с диалектным отсутствием *и* (ср. выше о Р. ед. жен.).

И. В. дв.: муж. — *дова* 831, 812, 235, *дова дѣсать* 630 (2×), *два*, *за два* Ст. Р. 30, *оба* 843; сред. — *дѣва* 113, *со дова* 439; жен. — *тѣ же 2 гривнѣ* 819, *дѣвѣ* (*довѣ*, *дове* и т. д.) (часто: 238, Свинц. 1, 863 и др.), *за дове* 601, *дове на десать* Ст. Р. 22, *дови* 810, 219 (2×), *дѣвѣ* Ст. Р. 14, *дѣв* 108, *2 гривни ... мое* 483 (XIII). Ср. также *побѣ стѣрнѣ* ‘по обе стороны’ в более поздней грамоте № 580 (XIV).

Р. М. дв. В этой форме ожидаемого окончания *-ою/-ю* в берестяных грамотах не обнаруживается вообще. Слово ‘два’ всегда имеет *-у*: *без дѣвоу* 526, *без довоу* 686, *бѣз довоу* 630; *во довоу* 882, *на довоу* 549, *на доувоу* (с опиской) 219; также в поздних грамотах: *до дву* 750 (XIV), *безъ дву* 1 (XV). От слова ‘тот’ засвидетельствовано только *во кольцо тшо* ‘в тех двух кольцах’ 644; *-и-* здесь явно перенесено из группы форм *тихъ*, *тимъ*, *тими*, *тима*, *тимъ* в силу пропорции *вамъ* (*вами*, *вама*) : *ваю* = *намъ* (*нами*, *нама*) : *наю* = *тимъ* (*тими*, *тима*) : *х*, откуда *х* = *тшо* (см. также Изуч. яз., § 25). Ср. *изъ обѣю очью* (Комисс. НПЛ [1339], л. 206 об.), *съ обѣю сторонъ* (Пск. 2 лет. [1424, 1482]), где *-ѣ-* в *обѣю* (вместо *обою*) — точно такого же происхождения, как *-и-* в *тшо*, а именно, он перенесен из *обѣма*. Заметим, что тем самым у слова ‘тот’ форма Р. М. дв. как бы перешла из группы типа Р. ед. в группу типа Р. мн.

Д. Т. дв. — см. выше, в группе форм типа Р. мн.

Процесс вытеснения местоименных окончаний адъективными (в группе форм типа Р. мн. и в меньшей степени — также в прямых падежах) у разных слов местоименного склонения протекает с разной скоростью. У некоторых из них (в частности, *так-*, *сам-*) словоформы с адъективными окончаниями употребительны уже с раннего времени. Очень рано усваивает адъективное окончание словоформа Т. падежа от ‘кто’ (см. выше). К XII в. относится пример *иноую* 9 (но, скажем, в Усп. сб.

таких форм у *инь* еще нет). У ряда других (в частности, *т-*, *вх-*, *один-*) такие словоформы появляются лишь относительно поздно (см. выше раздел форм типа Р. мн.).

Отметим также некоторые ранние примеры адъективного окончания на месте местоименного в других новгородских памятниках: *съ однымь* (Завещ. Клим., 1250-е гг.), *въ ча^с тыи*, В. ед. *тоую же* (Синод.¹ НПЛ [1066, 1211]; по крайней мере в первом из этих двух примеров окончание явно принадлежит переписчику, а не писцу оригинала), В. мн. жен. *тыя же* (Вопр. Кирик., ст. 44 — по списку 1280-х гг.). В пергаменных грамотах начиная со 2 пол. XIV в. у слова 'тот' в формах типа Р. мн. адъективные окончания уже господствуют.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

§ 3.27. В таблице 8 показаны (в нормализованном виде) встретившиеся в берестяных грамотах XI–XIII вв. словоформы личных местоимений 1 и 2 лица, а также возвратного. К ним добавлено несколько словоформ, отмеченных только в более поздних грамотах (но явно существовавших и в ранний период); они даны в скобках.

В В. и Д. падежах различаются акцентно самостоятельные (полноударные) и энклитические варианты словоформ.

В таблицу не включены словоформы *азь* и *си*; см. о них в комментариях.

Что касается личных местоимений 3 лица, то они следуют обычному местоименному склонению (см. выше).

Таблица 8. РАННЕДРЕВНЕОНОВГОРОДСКИЕ ЛИЧНЫЕ И ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

И.	Я, ЯЗЬ	ТЫ	—	МЫ	ВЫ	ВЫ	
В. полноударн.	МЄНЄ	(ТЄБЄ)	СЄБЄ	(НАСЪ)	ВАСЪ		
энклитич.	МА	ТА	СА	НЪ	ВЪ		
Р.	МЄНЄ	ТЄБЄ	СЄБЄ	НАСЪ	ВАСЪ		
Д. полноударн.	МЪНЪ	ТОБЪ	СОБЪ	НАМЪ	ВАМЪ	НАМА	ВАМА
энклитич.	МИ	ТИ			ВЪ	ВА	
М.	МЪНЪ	ТОБЪ	(СОБЪ)		(ВАСЪ)	ВАЮ	
Т.	МЪНОЮ	ТОБОЮ	СОБОЮ	(НАМИ)	ВАМИ		

Приводить полные списки примеров нет необходимости, поскольку в данном случае их легко извлечь из словоуказателя (причем с разделением примеров на ранние и поздние). Рассмотрим лишь некоторые частные моменты.

Словоформы *я* и *язь* на всем протяжении др.-новг. эпохи сосуществуют. Относительно их распределения можно отметить следующее. Перед частицей *ти* употребляется только *язь*: *азь ти* 902, 896, 380, 784, (А)[зь] т[и] Город. 1, *азо ти* 893, 829, 436, 439, из поздних — *ас ти* 131 (XIV).⁶ В формуле *язь тобъ кланяюса (челомъ бью)*, представленной в поздних грамотах, тоже почти всегда выступает *язь*. В остальном каких-либо явных правил распределения для *я* и *язь* не усматривается. До середины XIII в. в берестяных грамотах отчетливо преобладает *я* (40× против 10× *язь*,

⁶ Заметим, что такое же правило соблюдается в Киевской летописи по Ипат.: перед частицей *ти* (равно как перед *ти* 'тебе') здесь встречается только *язь* (изредка *азь*), но не *я*.

если исключить *язь ти*). В грамотах 2 пол. XIII – XV вв. соотношение совсем иное — 11 : 26 (без *язь ти* и *язь тобѣ*; если их включить, то 13 : 37). С чем связан этот несколько неожиданный статистический эффект, пока не совсем ясно.

Особо стоит словоформа *азь*. Помимо формулы *се азь* в завещаниях, где это явный церковнославянизм, она встретилась в грамотах 4 раза (№ 705, 305, 931, 496). Можно предполагать, что в этих случаях *азь* — не церковнославянизм, а вариант реализации сочетания *а язь*; см. об этом § 2.32.

О правилах употребления полноударных и энклитических словоформ см. § 4.12. Энклитическая словоформа Д. падежа возвратного местоимения (*си*), повидимому, в живой речи в своей первоначальной функции не существовала. Она сохранялась лишь в функции частицы (как, например, *то си хота мълви* 605).

И. падеж местоимения 2 лица двойств. числа представлен только в примере: *вы ведаета* 603. Словоформа *вы* явно заимствована из множ. числа. Этот факт не является, однако, частью того процесса всеобщей утраты двойств. числа, который развивается с XIII в. Употребление *вы* в данной функции было свойственно всему др.-р. языку на всем протяжении его письменной истории. Так, в Ипат. о двух лицах всегда говорится *вы*, например: *а вы вѣдаета* ([1149], л. 139 об.), *а вы мене не слушаета* ([1151], л. 155 об.), *вы еста ко мнѣ хрѣтъ цѣловала* ([1148], л. 133 об.), *а вы ми выдаета* ([1170], л. 193 об.). В Сказании о Борисе и Глебе: *вы оубо нбьснаа чловѣка жста* (Усп. сб., 17а), *а вы не о кдинонь бо градѣ ... попечениѣ и млтѣвоу вѣздаета* (17б) и др. То же в церковных текстах, например, в Остромировом ев.: *вы глѣта* (Иоанн 9. 19, л. 39г), *не бошта вы са* (Матфей 28. 5, л. 203 а). Эта же особенность характерна и для западных памятников ст.-сл. языка, в отличие от восточных, где в рассматриваемой функции выступает *ва* (см. Вайян, § 97). На вост.-слав. территории словоформа *ва* в данной функции, насколько можно судить, не отмечена.

Словоформа *ваю* встретилась в примере [*се*] *мьне вѣ[лоца] вѣ в[а]ю* 'вот за вас двоих таскают (в суд) меня' 237, где ее падеж устанавливается неоднозначно: М. или В. В первом случае *ваю* выступает в своей первоначальной функции (М. и Р. падежи), во втором мы имеем дело с использованием словоформы Р. падежа в роли В.

В поздне-др.-новг. период в сфере личных местоимений происходят заметные изменения.

Местоимения двойств. числа в этот период уже более не встречаются.

Резко сокращается употребление энклитических местоимений (не считая *са*, история которого носит особый характер, поскольку оно становится частью глагольной словоформы): в большинстве случаев на их месте выступают уже полноударные местоимения (см. об этом процессе § 4.12).

С середины XIV в. в Р. и В. падежах наряду со словоформами *мене*, *тебе*, *себе* появляются словоформы с окончанием *-а* (*мена*, *теба*, *себа*): *ѣ тьба* 386 (40-е–70-е гг. XIV), *на мена* 286 (в блоке грамот Григория, охватывающем 50-е–80-е гг. XIV), далее в XV в. — *на мена* 302, *у мена* 494, *на теба*, *за теба* 310, *у себа* 21.

Словоформы Д. М. *тебѣ*, *себѣ* (с огласовкой *е*) новгородским берестяным грамотам практически чужды: встретились только *себѣ* 766 (XIV; фрагмент, лишенный новгородских черт) и *себѣ* 94 (XIV/XV) (в обоих случаях по существу без контекста). Возможно, это элемент восточных говоров (ср. *къ тебе* Торж. 10 — в грамоте с ярко выраженными восточнорусскими чертами).

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 3.28. Ниже рассматриваются как количественные числительные в собственном смысле слова, так и слова, которые стали таковыми лишь позднее, а в ранне-др.-новг. период еще представляли собой счетные существительные (подобные в синтаксическом отношении современным словам типа *пара, тройка, четверка, пяток, десяток*).⁷

Числительные *одинъ, два, оба* следуют местоименному склонению (*два* — с некоторыми отклонениями), см. § 3.25–26.

У числительного 'три' словоформа И. муж. не встретилась, и неизвестно, имела ли она вид *триѣ* или *три*. В И. жен. и сред. и в В. всех родов многочисленными примерами представлена словоформа *три* (об одном отклонении см. ниже). Для остальной части парадигмы в берестяных грамотах имеется только один поздний пример: Т. *трима* 540 (XV), с новым окончанием. В Синод.¹ НПЛ: Р. *бес трии* [1138], М. *о трѣхъ* [1180].

Особый интерес для истории русского языка представляет словоформа В. (жен.) *трѣи*, встретившаяся дважды в грамоте № 776 (сер. XII). За этой орфограммой в данном случае явно стоит [трѣи], т. е. словоформа с тем же окончанием, что в обычном *тр-и*, но с другой основой: [трѣ-]. Эта основа возникает как результат перерасчленения словоформ Р. *трѣи* [тр-ѣи] и И. муж. *трѣѣ* [тр-ѣе]: по аналогии с Р. *четырьѣ* (также *четырьѣ*) и И. муж. *четырьѣ* эти словоформы переосмысляются как [трѣ-ѣ] и [трѣ-е]. Далее, по аналогии со словоформами *четырь-и* (В. всех родов), *четырьѣмъ*, *четырьѣми*, *четырьѣхъ* (где основа *четырь-* едина для всей парадигмы) основа [трѣ-] обобщается, т. е. заменяет собою прежнее *тр-*: на месте *тр-и*, *трѣмъ*, *трѣми*, *трѣхъ* появляются [трѣ-и], [трѣ-ѣмъ], [трѣ-ѣми], [трѣ-ѣхъ].

Это явление засвидетельствовано памятниками XIV–XVI вв., когда [трѣ-] предстает уже в виде [три-] или [тре-] (в зависимости от говора и от степени книжности). Ср. *со треими тысящами пѣшець и трѣими стѣ коньникъ* (Ипат. [1241], л. 267), *треими своими пѣрсты* (Жит. Андр. Юрод., строка 1409), *трѣима путми* (Комисс. НПЛ [1435]), *вѣ трѣехъ лицѣхъ* (хронограф конца XVI в., РГБ, ф. 98, № 202, л. 131 об.); ср. также некоторые из примеров, собранных А. А. Шахматовым (1957: 301, 304): *по трѣехъ лѣтѣхъ* (Ермолинский летописец), *по тѣхъ трѣехъ* (Книги законные XV в.), *под трѣе епархиа* (В. жен.), *ѣ трѣю сѣхъ* (Летопись Авраамки), *во устѣхъ двою или трѣю свѣдѣтель* (новгородское евангелие XIV в.). В староукраинских документах XV в. находим Д. *трѣемь*, М. *оу трѣехъ* и даже Т. *трѣи* (см. ССУМ, II: 444). Свидетельство грамоты № 776 замечательно тем, что оно на 250–300 лет старше, чем самые ранние из указанных примеров.

Числительное 'четыре': И. муж. *цѣтры* (вместо *цѣтрыи*) 630; И. жен. *цѣтрыи* Ст. Р. 22 (и др.); В. всех родов — *цѣтрыи* 335, 550, *въ цѣтрыи* 776, *со цѣтрыи* 439; Р. *бе цѣтрые (-ръ)* 686 (из *бес цѣтрыѣ*). Других форм не встретилось. В Синод.¹ НПЛ: Р. *Арѣ мѣсть* [1204]. Окончание *-и* (вместо первоначального *-е*) в И. муж. — инновация того же типа, что *люди, меды* вместо *людѣ, медове* (см. § 3.15, 3.17). Ср. также, например: *миноуша цѣтрыи мѣци* (Усп. сб., 8 б).

⁷ В словоуказателе, который в целом ориентирован на поздне-др.-р. состояние, все они помечены уже просто как числительные.

Слова *пять, шесть, семь, осмь, девять* представляют собой существительные класса *i-feminina*; см. примеры в § 3.16. Относительно *д(е)ва* 621 (без конечного *ть*) см. § 2.42.

У числительного 'восемь' в поздне-др.-новг. период встречается словоформа *осми* в функции И. и В. падежей: *ѡсми надсате* 775, *на осмидеса*^Г в грамоте 1412 г. (Д 40); возможно, сюда же *во ѡсми нацтате* 750. Ср. в новг.-пск. документах XVI–XVII вв.: *а на вѡсом том без вывита да* ('дал') *Евану Фолину осми рублев* (Корецкий 1958, № 8, поздний список с грамоты 2 четв. – сер. XV в.), *за Жданомъ восмидесятъ полтретья рубли* (Рев. арх., № 47, XVI₁), также у Фенне: *osmi* 'восемь' (545), *osminatzat*, *osmi da duatzat* (546), *osmi detsæt* (550), *osmi sot* (552). Можно предполагать, что переносу окончания *-и* из косвенных падежей в И. и В. здесь способствовал и фонетический фактор: в таких сращениях, как *осмь на десате*, [ь] в [ос'м'ь], находясь в позиции перед согласной, должен был не исчезать, а давать некую гласную.

Для слова *десать* следует различать: а) связанное употребление — в составе числительных от 11 до 19 или обозначающих десятки, а также числовых выражений типа *поль третья десате* 'двадцать пять'; б) свободное употребление — в прочих случаях. В свободном употреблении *десать* полностью подобно словам *пять – девять*. В связанном употреблении это слово сохраняет ряд окончаний консонантного склонения (М. ед. *-е*, Р. ед. *-е*, И. мн. *-е*, Р. мн. *-ь*), а также обнаруживает свою прежнюю принадлежность к мужскому роду: сочетается с *дѡва* (а не *дѡвѣ*) в *дѡва десати*, с *третья, четверта* и т. д. (а не *третьѣ, четвертѣ*) в выражениях типа *поль третья десате*. Кроме того, в связанном употреблении гласная слога *де* подвергается редукции (что ведет в дальнейшем к ее выпадению).

К сожалению, в берестяных грамотах со смешением *е* и *ь* нельзя отличить *<те>* от *<ть>* и основу *<десат->* от *<дѡсат->* (в приводимом ниже списке грамоты с таким смешением отмечены звездочкой).

В свободном употреблении встретились: И. В. ед. *десать* 509 (и др.); М. ед. *во [деса]ти* Ст. Р. 4*, *на десати* 420 (XIII).

В связанном употреблении: 1) Р. ед. *десате* 902 (*поль пята десате*); в *поло третья дѡсато* 'двадцать пять' 61* (XIII) словоформа *десате* уже потеряла конечную гласную, после чего [т'] отвердело; 2) М. ед. *на десате* 84, 624*, *на десать* Ст. Р. 22*, *на десатѣ* 78*, также *надеса* 219* (с утратой *ть*, § 2.42); в поздних грамотах гласная первого слога уже отсутствует — *нацате* 482*, *нацате* 130*, 133*, *нацтате* (!) 750*, *натца* (без *ть*) 45; 3) И. дв. *дѡва дѡсать* 630* (исконное конечное *-и* здесь либо отпало, либо заменено аналогическим *-е*), И. мн. *три десать* 686*; ср. в поздних грамотах *трицать три* 1, *с трица*(...) Ст. Р. 2; 4) Р. мн. — только в поздних грамотах: *шесть десать* 1, *семь десато* 138; 5) Д. дв. *дѡвѣма десатьма* 293 (XIII). Ср. еще *40ми* (= *четырьми десатьми*) 247.

Слово *съто* представляет собой существительное класса *o-neutra*.

О числовых обозначениях с участием слова *поль* (*поль вѡтора* > *полтора* 'полтора', *поль четвертѣ гривыѣ* '3¹/₂ гривны' и т. п.) см. § 4.11.

СПРЯЖЕНИЕ

§ 3.29. Вначале необходимы некоторые замечания о составе форм глагольной парадигмы. При этом здесь фактически нужно говорить не об отличиях др.-новг. диалекта от наддиалектного древнерусского, а просто об отличиях разговорной формы языка от официальной и книжной.

Прежде всего, для др.-новг. диалекта (как и для разговорной формы наддиалектного древнерусского языка) нет оснований считать причастиями образования с суффиксами *-уч-* (*-ач-*) и *-ъи-* (*-въи-*) в членной форме (например, *могучиши*, *ходачиши*, *прошьдъиши*, *бывъиши*), а также в косвенных падежах нечленной формы (*могуча*, *бывъшо* и т. д.). В тех редких случаях, когда такие образования здесь употребляются, они не имеют причастной функции (предполагающей сохранение глагольных синтаксических валентностей и способность передавать любые значения исходного глагола), а представляют собой обычные прилагательные.

Тем самым причастия типа *мога*, *хода* и типа *прошьдъ*, *бывъ* должны рассматриваться как несклоняемые (т. е. неизменяемые по падежам). Они изменяются лишь по родам и числам: ед. жен. *могучи*, множ. муж. *могуче* и т. д. (ср. *l*-причастия, которые и традиционная грамматика признает несклоняемыми, при том что и здесь существуют такие образования, как *бывалъи*, *пришьльи* и т. п.). По своей синтаксической функции причастия типа *мога*, *хода* и типа *прошьдъ*, *бывъ* в целом сходны с нынешними деепричастиями, отличаясь от них, однако, тем, что согласуются со своим агенсом в числе и роде. Таким образом, эти несклоняемые причастия могут быть также квалифицированы как “согласуемые деепричастия”. Их историческая эволюция, т. е. превращение в нынешние деепричастия, состоит (если отвлечься от деталей) как раз в том, что утрачивается согласование с агенсом (причем этот процесс начинается уже в ранне-др.-р. период, см. § 4.26).

Для др.-новг. диалекта (как и для разговорной формы наддиалектного др.-р. языка) едва ли можно признать причастиями и образования с суффиксами *-ом-l-ем-* и *-им-*, например, *вѣдомъи*, *знаемъи*, *любимъи*; по-видимому, здесь это просто прилагательные.

Система прошедших времен включает перфект, аорист, имперфект и плюсквамперфект; об их смысловых и стилистических соотношениях и об эволюции этих соотношений во времени см. § 4.14–16. Отметим, что термины “перфект” и “плюсквамперфект” в применении к живому др.-р. языку уже не соответствуют своему первоначальному грамматическому содержанию; однако попытка заменить эти привычные термины была бы в данном случае нецелесообразной.

Иначе обстоит дело с конструкцией «буду + *l*-причастие», для которой нет общепринятого названия. В берестяных грамотах и других некнижных источниках эта конструкция выступает не для обозначения какой-либо разновидности будущего времени, а в модальном значении (приблизительно: ‘если окажется, что [нечто уже произошло]’); см. об этом § 4.17. Мы будем называть эту модальную форму предположительным наклонением.

В берестяных грамотах XIII–XV вв. выявилась также особая, ранее неизвестная форма прошедшего времени, которую можно обозначить как безэлевый перфект, см. § 3.39. Те немногие его примеры, которые ныне имеются, как будто бы не отличаются по значению от обычного перфекта, т. е. безэлевый перфект, видимо, может рассматриваться как его морфологический вариант. Но для более основательного заключения необходим дополнительный материал.

Таблица 9.

РАННЕДРЕВНЕВГОРОДСКОЕ СПРЯЖЕНИЕ

		Система презенса		
		I спряжение	II спряжение	Атематическое спряжение
Презенс	ед. 1	иду, сълю	молю	късмь, вѣдѣ
	2	идеши	твориши	къси, даси
	3	пойде, поидеть	възмъльви, ходитъ	къ, вѣда, късть, вѣдасть
	мн. 1	можемъ	промыслимъ	късме
	2	идете	исправите	късте
	3	буду, будутъ	хота, хотать	(су), вѣдада, суть, вѣдадать
	дв. 1	риневѣ (?)	ладивѣса (?)	късвѣ
	2	вѣдакта		къста
	3	дѣлакта		
Императив	ед. 2	възьми, помоги	прави	вѣдажь, повѣжь
	3	буди	потрудиса	
	мн. 1	(проливаиме), (поидимъ)		
	2	идите, можете, напишите	правите	вѣдадите
	дв. 1		ладивѣса (?)	
	2	берита, сълита	попросита	
Несклоняемое действ. причастие презенса	ед. м.	приѣда, река	вода	вѣдада
	ж.	пьючи, сълючи	хотачи	ѣдучи
	мн. м.	(идуче)	са боуче	(дадуче)
		Система инфинитива		
Инфинитив		вѣдати, вѣзати, ѣсти, (речи)		
Супин		(вожватъ), (прогонитъ), (блюсть)		
Имперфект		1 ед. възъивахъ; 2 ед. дѣлаше; 3 ед. велаше		
Аорист		1 ед. (дахъ); 2 ед. розгнѣваса; 3 ед. (ста), (да), (вѣза), (соутьеса); 1 мн. (посълахомъ); 1 дв. посълаховѣ		
Несклоняемое перфектное причастие		ед. м. далє, шьле, рекле; ед. ж. дала; ед. с. было; мн. м. пришьли; дв. м. пришьла		
Несклоняемое действ. причастие прош. времени		ед. м. продавъ, вѣтърьгъ, вѣзмъ; ед. ж. съкопивъши, шѣдъши; мн. м. продавъше; дв. м. росгътавъша		
Страд. причастие прош. времени		И. ед. м. погубленє, выбите; И. ед. ж. присълана; И. ед. с. заглаженє, вѣзато; И. мн. ж. куплены; Р. мн. руженыхъ		

Про таблицу см. в распечатке!

Об эволюции противопоставления чисел. В ранне-др.-р. период двойств. число в глаголе употребляется еще вполне регулярно. В начале поздне-др.-р. периода оно утрачивается. При этом, в отличие от существительных, где часть прежних словоформ двойств. числа реально сохраняется, хотя и в грамматически переосмысленном виде, в глаголе эти словоформы просто исчезают: они заменяются словоформами множ. числа. Самые поздние примеры двойств. числа в глаголе, отмеченные в берестяных грамотах, — *торговала еста* 510 (кон. XII – XIII; ср. в этой же грамоте *розв(е)ли естк(е)* — возможно, о тех же лицах), *[пр]авита (?)* 111 (2 треть XIII).

В таблице 9 приведены образцы ранне-др.-новг. глагольных словоформ. Образцы выбраны из реального материала берестяных грамот XI–XIII вв. (но все они переведены в нормализованную графику). В таблицу включены также некоторые примеры из более поздних грамот и из Синод.¹ НПЛ; они даны в скобках. Таблица демонстрирует образование только простых (не составных) глагольных форм. Грамматические формы, для которых нет материала, ради экономии места не упомянуты.

§ 3.30. Ниже приводятся иллюстрации и, где необходимо, списки.

СИСТЕМА ПРЕЗЕНСА

Презенс

Рассмотрим вначале основную массу глаголов, т. е. глаголы I и II спряжения.

1 ед.: *буду, возьму, сълю, хочю, кланяюся, слышоу* и т. д.

2 ед.: *не присълеши* 915, *имеши, поцьнши* 752, *чемоу са гнѣваеши* 605, *не восолеши* 644, *нѣ вѣслеши* 673, *не идеши* 421, *поценеши* 227, *придыши* 731, *хоцеши, не хоцеши* 804, *хоцьши* 731, 107, Ст. Р. 10, *хочьши, едеши* 8, *не прислеши* 155, *потеряеши* [и] 163, *вѣдаеши* 788; *твориши* 238, *[тво]риши* 675, *н[е] з[а]пла[ти]ши* 241, *(б)ьшииса* 548, *не исправиши ли* Ст. Р. 30 (*щ* вместо *и*). Ср. также в грамотах неновгородского происхождения: *не присълеши* 246 (2×; *щ* вместо *и*), *хъчеши* Смол. 12, *хоцеши, не хоцеши ли* Твер. 1.

Но со 2 пол. XII в. встречаются уже и примеры нового окончания <-шь>: *вѣдаеши* 794 (60-е – 80-е гг. XII), *истеряеши* 809 (то же время), *воземеш* 227 (60-е – 90-е гг. XII), *моловише, не оуправише* 705 (нач. XIII). Ср. также *послеш* Торж. 10.

В поздних грамотах положение меняется. Период с 20-х гг. XIII по 50-е гг. XIV в.: окончание *-ши* — *исполониши* 711, *вѣдаеши* 347, *велиши* 193, *вльши* 768, *видаеши* 59, *не лвишииса* 490, *приказживаеши* 99, *уцуюши, возможеши* 286; окончание <-шь> — *будеши* 616, Пск. 6, *будеши* 358, *пошлеш* 750, *велише* 415. Ср. еще *застанеш*, *не застанеш* Твер. 2 (XIV). Отметим, что в Вопр. Кирик. по списку новгородской кормчей 1280-х гг. примеры с *-шь* встречаются уже довольно часто: *повелешь, застанешь, творишь, ъмлешь, съимаешь, боудешь, начнешь, приимешь, оуправишь*.

С 60-х гг. XIV в. в берестяных грамотах полностью господствует окончание *-ши* (см. список в Лингв., с. 144); отклоняется только единичное *пожалуеши* 301 (где *-ши*, возможно, уже лишь орфографическое).

3 ед. и 3 мн. Эти две формы целесообразно разбирать вместе, так как их особенности сходны. Необходимо различать: 1) общий случай; 2) особый случай — когда

за глагольной словоформой непосредственно следует местоименная энклитика (*са, та, ма, си, ти, ми*) или энклитика *ти* (частица).

В общем случае сосуществуют словоформы без *-ть* и с *-ть*.

Словоформы без *-ть*. Наиболее многочисленны словоформы 3 ед. на *-е*: *не дѣе* 247, *ати боуде* 527, *дати не боуде* 745, *вѣде* 633, *са вама поклана* (*-на*, вероятно, вместо *-нае*) 422, *а боуде* 850, [*ѡ*]оуде 852, *ци ти пѣцѣ[ѣ]не, аци ти присѣле* 794, *а ... бѣд[ѣ]*, *даче ... състане* 724, *ачи то ти почѣне* 820, *оти не п[осл]е* 235, *не боуде, хоце, -едае, прашиже* 227, *хо[ѡ]цѣ* 731, *недоем[л]е* 788, *иде* 737, *оте побоуде* 705, *не дае* 601 (если это не императив), *оже ... поуде* 332а, *живе* 153, *приде* 784, *аже оусторовѣе* Торж. 19.

Прочие более редки: 3 ед. на *-и* — *не ходи* 877 (если это не императив), *оти выволоци* 82, *возомолови* 531; 3 мн. на *-у, -ю* — *а на ма почѣноу* 527, *не берѣгоу* 890 (если это не 1 ед.), *скорбѣ* Ст. Р. 10, *оже боудоу* 531 (2х), *а боудоу* 531; 3 мн. на *-а, -а* — *въ[лоца]* 237, *ажѣ ти хѣта, а[ѡ]и ти не хѣта* 723 (если это не причастия).

Как впервые заметил А. А. Шахматов на материале двинских грамот (1903: 117, 139), имеется некоторая статистическая зависимость между выбором окончания без *-ть* или с *-ть* и типом предложения. В берестяных грамотах самый высокий процент примеров без *-ть* отмечен в предложениях, выражающих условие (вводимых специальным условным союзом или просто союзом *а*) или выражающих цель, т. е. там, где глагол передает не осуществляемое, а лишь предполагаемое действие.

В ранних грамотах в этом классе предложений словоформы 3 ед. первого спряжения имеют окончание *-е* (а не *-еть*) почти всегда, например: *ати боуде война* 527, *аци ти присѣле къ тѣбѣ* 794, *оже князь поуде* 332а, *а боуде сторовѣ князь* 852, *оте побоуде сыно у мене* 705; см. также выше список словоформ (которые для наглядности приведены вместе с союзами, включая *а* в значении 'если'). В словоформах с другими окончаниями этот эффект менее регулярен. (Менее регулярен он также в поздних грамотах.) Вот яркий пример прямого противопоставления окончаний *-е* и *-еть* в рамках одной грамоты: *а твои приплывають; аже оусторовѣе, а съд(е)жемъ на товарѣ* Торж. 19 (см. Б 36). Другой подобный пример: *оти са соцете <-чьте> 'пусть сочтет-ся', но лихо деете <-ть> 'плохо действует'* в № 346.

Как было впервые отмечено С. Л. Николаевым и далее специально исследовано в работе Рыко 2000, распределение окончаний *-ть* и нуль по семантическому признаку характерно и для ряда современных северо-западных говоров. Этими авторами развивается привлекательная идея об исторической связи данной новг-пск. особенности с ведийским противопоставлением индикатива и инфинитива (ср. также Миллер 1988, Крысько 1998: 81).

Словоформы с *-ть*. Часть примеров здесь, по-видимому, объясняется не из др.-новг. диалекта, а иначе. Так, *а соудить Бѣ* 752, (*мь*)[з]д[а] ти ѡтъ Бѣ боу[д]ет[ѣ] 901, *оце ю Бѣ поемете* 705 — устойчивые церковные формулы (ср. в той же грамоте 705 отсутствие <*-ть*> при свободном употреблении: *оте побоуде*). В каких-то случаях (которые, впрочем, трудно надежно выявить) словоформы с *-ть* отражают лишь ориентацию пишущего на наддиалектные нормы; в приводимом ниже списке, возможно, таковы примеры из грамот № 502, 805, 831, 892. Приводим материал: 3 ед. — [*п*]о[клѣ](п)ает[ѣ] 247, ...сълеть 742, поидеть 891, боудѣть, дѣет[ѣ], пострѣчьтъ 831, о[тъ] не буд[ѣтъ] 844, [д]ати ведете (?) 851, вѣнидѣте <-дѣть>, витають 502, боудѣть 550, [п]е поидеть 332а, приплывають Торж. 19, ати но [ходи]тъ Ст. Р. 7, въ[сп]росить 849, велить 664, гонить 805, взмолвить 502; 3 мн. — [ѡ]у[д]оуть 893,

(*и*)*привезѣтъ* (2×), *сопелѣтъ* 854, *ищѣ[тъ]* 724, *орютъ* 805, *не дають* 812, (...) *просаѣтъ* 892, *ѡ оу[щинаѣтъ]* 809, *хотать* 118.

При окончании *-е(ть)* доля примеров без *-ть* заметно выше, чем при окончаниях *-и(ть)*, *-у(ть)*, *-ю(ть)*, *-а(ть)*, *-а(ть)*. Вероятно, причина здесь в том, что у словоформ презенса типа *прави, буду, хотя* имеются омонимы (императив и др., 1 ед. презенса, причастие), тогда как словоформы типа *буде* однозначны.

В поздних грамотах доля примеров без *-ть* в целом слегка уменьшается; но общая картина примерно такая же, как и в ранних. Полезно указать поздние примеры без *-ть* с иными, чем *-е*, окончаниями: 3 ед. — *са ... твори* 482, *бъщести* 67, *молоти* 755; 3 мн. — *бью цоломъ* 694, *цоломъ бью* 31 (малOVER. 1 ед.), *цоломи бшо* 311, *чоломъ ббю* 307 (2×), *не платѣ* 99, *приходѣ* 31, *хотѣ* 311 (2×), Ст. Р. 2, *просѣ* Ст. Р. 2 (ср. также *пуцаю ли* Твер. 2).

Отметим, что начиная с середины XIV в. встречаются также примеры с *<-ть>*: *возметъ* 354, *приждуто* 345, *поводитъ* 317, *велитъ*, *биотъ* 157.

В отличие от берестяных грамот, в летописи полностью господствуют словоформы с *-ть*; примеры без *-ть* исключительно редки. Ясно, что книжная норма требовала сохранения *-ть*.

Особый случай. Если за глагольной словоформой непосредственно следует местоименная энклитика (или частица *ти*), *-ть* сохраняется: *въходитъ ма* 834, *хоцьтъ ти* 731 (ср. в этой же грамоте *хо[щ]иць* в общем случае), *н[е о]станеть ти са* 150, *творатеса* 550, *запираютъс(а)* 222, *коупать ти и* 655, *не пригодитъсѣ* Торж. 8, *оурекываютьсѣ* 600 (XIII); также *въдадѣтъ ти ю* 121 (из атематического спряжения). Аналогично и в более поздних грамотах.

Возможно, правда, что перед частицей *ти* данный эффект всё же не был обязательным: отмечены *приде ти* 635, *лаж[ѣ] ти* Торж. 7; но оба примера не вполне надежны.

1 мн.: *не можемъ* 900, *промыслимъ* 852, *сѣд(еж)емъ* (?) Торж. 19, *не знаемо* Пск. 6 (XIII), *ведаемо* Пск. 7 (XIII). Только *<-мъ>* находим и в более поздних грамотах.

2 мн.: *не идете* 424, *дѣлаете*, *не исправитъ* 644, *боудѣтъ* 893.

1 дв.: *риневъ <-вѣ>* (?) 227, *ладивьсѣ <-вѣсѣ>* (возможно, императив) 549.

2 дв.: *вы ведаета* 603.

3 дв.: [*не д*]лаета 893.

§ 3.31. Атематическое спряжение представлено так.

1 ед.: *есмь* 752, 119, 525, 336 и др. (часто), *есъмь* 682, 296, *есъмь* 834, 723, 231, *есемо* 644 (2×), Ст. Р. 31, 37, *есьмо* 226, *есмь* 934, *есмо* 731, 222, [*в*]ѣдамъ 815, *передамо* 705, *дам[о]* 765 (XIII). Но отмечен также вариант с *-ми*: *несми* 820. Особо стоит реликтовое *вѣдѣ* 'знаю': *вѣдѣ* 752, *а вѣде* 548. В поздних грамотах встречаются в основном те же самые варианты словоформ, в частности, *късмь*, *късемь*, *късьмо*, также *късомь*, *късомо* (см. словоуказатель); отметим [*д*]амо, *водамо* 193 и вариант с *-ми*: *късми* 578, 23.

2 ед.: *еси* 915, 238, 644, 336 и др. (часто), *веси* 944, *не даси* 644, *не вѣдаси ли* 862, *нѣ водаси ли* Торж. 7, *даси* 765 (XIII); ср. *нѣ водаси* Звен. 2. В поздних грамотах находим те же словоформы: *къси* (часто), *даси* 289 (XIV₁). Но имеются и инновации: *късь* 446 (XIV₂), *не даши ли* 589 (XIV₁), *дашь* 353 (XIV/XV), *даше* (?) 374 (XV); ср. *даше* Твер. 2 (XIV₁).

3 ед.: а) *есть* 752, 736а, 819 (2×), 8, 296, *есте* 163, 548, 683, *есте ли* 717, *не дасть* Ст. Р. 15, *не въдасть* 9, [ѡ]дасть 748; ср. *не въдасть* Смол. 12; б) *е* 705, 815, 936 (?), *нѣ ли* 731, (*и*)*е въда* 947, *нѣ вода* 676. В поздних грамотах: а) *есте* Пск. 6 (XIII), *есть* 10 (возможно, также 252), *ѣсть* 60, 19, *дасть* 481 (XIII), *дасте* 148 (XIII), 318 (2×), *не дасть* 5, 697, *водасте*, [нѣ] *ѣдасте* 483 (XIII); б) *е* 709 (XIII), *прода* 271 (не считая *нѣ, нѣту, нѣтъ, нѣтъ*).

Таким образом, в 3 ед. *-сть* у атематических глаголов удерживается значительно чаще, чем *-ть* у обычных глаголов.

Следует заметить, что в берестяных грамотах во фразах с *е* 'есть' (не считая двусмысленного *ели / е ли*) это *е* стоит в конце первой ритмической группы фразы (*оце е тебе н[е] годена* 705, *аже ти е по сълехо* 709, [л]ега ми е 815, [а] т[о е] монѣ 936 [?]), т. е. ведет себя как энклитика (вакернагелевского типа). Но для решительных выводов здесь все же необходимо накопление дополнительного материала.

1 мн.: *есме* 670, 854, 870. Имеется также два примера с *-мы*: *есмы* 872, Город. 1 (первая грамота — из Жабенского погоста, т. е. с востока Новгородской земли; вторая ориентирована на наддиалектные нормы). В поздних грамотах: *есме* 929, *ѣсме* 361 (вероятно, еще 281), *ѣсмь* ⟨*ѣсме*⟩ 248 (2×); с другой стороны, *ѣсомо* ⟨*ѣсомъ*⟩ 357 (которое в принципе могло развиться из *ѣсмь*, но также и из *ѣсмы* или *ѣсме*, с отпадением конечной гласной). Особо стоят *ѣсми* 370 (2×) (грамота с эффектом *ы* → *и*), (ѣ)[с]ми 20; возможно, это побочный результат совпадения форм 1 мн. и 1 ед. у данного глагола; но в № 370 это может быть и ⟨*ѣсмы*⟩.

В берестяных грамотах не встретилась новая форма *ѣсма*, отмеченная в документах многих регионов, в частности, в новгородских грамотах ГВНП, № 45 (1373 г.), № 58 (1418–20 гг.), Хрест., № 37 (1398–1420 гг.), в грамоте 1412 г. (Д 40) и более поздних, с XV века также в северо-восточных, тверских, московских, рязанских грамотах.

Возможно, в др.-новг. диалекте окончание 1 мн. *-ме* было ограничено презенсом атематических глаголов и императивом (всех классов), тогда как в остальных случаях выступало *-мь* (ср. Кортландт 1979: 63–64).

2 мн.: *есте* 424, *есть* 510 (XIII), *ѣсте* 878, Пск. 6 (XIII), [л]рисовесть ⟨*присъвѣсте*⟩ 893 (двусмысленно *есть* 603: 2 мн. или 3 ед.). В поздних грамотах: *есте* 497, 697, *ѣс[те]* 693.

3 мн. С *-у-*: а) *соуть* 657; б) *су* 19 (XV). С *-а-*: а) *въдадуть ти ю* 121, *во[дада]ть* 812; б) *оти ѡъдада* 798, *водада* 163 (если это не причастие).

Древнее *дада(ть)* со временем было вытеснено новым *даду(ть)* — вероятно, под влиянием причастий *дадучи*, *дадуче* (поскольку причастия на *-чи*, *-че* в нормальном случае отличаются от 3 мн. презенса лишь заменой *-ть* на *-чи*, *-че*: *будуть* – *будучи*, *блюдутъ* – *блюдучи*, *говорають* – *говораючи* и т. д.). Ср. *не даду* (грамота 1412 г., Д 40), *не отдадутъ* (ГВНП, № 53, 1414–15 гг.), *дадутъ* (ГВНП, № 155, сер. XV). В новгородских памятниках эти примеры — по-видимому, самые ранние. В других зонах первые примеры отмечены раньше: в Смоленске *дадоуть* (Смол. дог. 1229 А, 48; С, 34), *въздадоуть* (1229 В, 83), в Москве *дадутъ* (ДДГ, № 4, 1358 г.), на Украине *дадутъ* (грамота 1386–1418 гг., см. ССУМ, 1: 285).

1 дв.: *есѣѣ* 605.

2 дв.: *еста* 449 (2×), 510 (2×; XIII).

3 дв.: в берестяных грамотах примеров нет.

Императив

§ 3.32. 2 ед.: *буди, възьми, помоги, въдай, пристави, въстани* и т. д. Для атематических глаголов: *въдажь* 798, *повѣжь* 806, Торж. 18, *повѣ(ж)ь ми* 123 (ненадежны *въдаже* 119, *повѣжь* 672).

Для глаголов с основой на заднеязычную (см. § 3.42) встретились: *л[аги]* 893, *помоги* 735, *реки* 656, *моги же, не моги же* 227, *не моги* 946; поздние *испеки* 363 (XIV), *пристриги* 536 (XIV). Ср. также в 2 мн.: *могить* 411 (XIII), *секите* 391 (XIV).

После гласной конечное *-и* очень рано превратилось в [j], которое в бытовом письме могло передаваться через *e*: *въдае, водае, продае, вокѣ* (см. § 2.28).

Уже в ранний период отмечаются также первые случаи утраты *-и* после согласной: *оправ[ь]* 850 (ок. 1148 г.; исправлено на *оправи*), *ополош* Ст. Р. 10 (XII₂), *молове* 531 (XII/XIII; исправлено на *молови*); менее ясно *не с[ь]ль* Ст. Р. 6 (см. Б 30). В поздних грамотах у глаголов с наосновным ударением словоформы императива записываются с <-ь> вместо *-и* уже примерно в четверти случаев: *сыль, управь, пождь* и т. п. (см. списки в Лингв., с. 144–145). Исконно ударное *-и* в императивах сохраняется (*вези, проси* и т. д.); исключение составляет только *пойдь* 942 (посл. четв. XIV).

3 ед.: *бжди* 241, *емли* 336, *потроудиса* 725 (возможно, еще *соуди* 821); также поздние: *бѣди* 213, *буди* 178, *плати ми са* 463, *такъ са розгори* 521, *даи ми* 305.

1 мн.: в берестяных грамотах примеров нет. В Синод.₁ НПЛ имеются следующие важные диалектные примеры: а) *не проливаиме* [1137, 1216]; б) *пойдимъ* [1214]. Примеры *пойдемъ* [1215], *поищемъ* [1214, 1215] двусмысленны: либо здесь представлено нормативное <-ѣмъ> (в случае *поищемъ* — гиперкорректное), либо это просто индикатив в функции императива. Вероятно, как псковизм — аналог к *не проливаиме* — следует расценивать *мужаимъса* в Слове о полку Игореве. Отметим также *пойдимъ* в приписке Козьмы-поповича в псковском прологе 1313 г. (ГИМ, Синод. № 239).

2 мн.: твердые основы — *идите* 424, *кърините* 160, *възимить* (*зи* вместо *зь*) 219; мягкие основы — *[прис]ли[те]* 524, *напишите, въложите, продаите* 160, *въдаите* 509, *не даите, порозъмѣите* 724; *молитеса* 527, *нарадите* 160, *правите* 548. Приводим также материал поздних грамот по твердым основам: *могить* 411 (XIII), *секите* 391, *блюдите* 622, *поѣдите* 187 (2×), *възмите* 949.

В Синод.₁ НПЛ для твердых основ находим: а) собственно диалектные формы — *примите* [1141], *възмите* [1224], *поимите* [1224], *пойдите* [1224, 1228 (2×)]; б) *-ите*, но с нормативным эффектом 2-й палатализации — *помозите, исѣчите* (*ч = џ*) [1228]; в) нормативные формы (*-ете = <-ѣте>*) — *пойдете, ведете, идете, примете, избере-те, въвѣдете* (все в интервале с 1204 по 1226 г.). При мягких основах нормально выступает *-ите*, например, *кълите* [1224]; но встретилось также гиперкорректное <-ѣте>: *не къмете* [1216], *покъмете* [1228]. Ясно, что для носителей диалекта, в котором окончание для твердых и мягких основ уже было одинаково, избежать таких ошибок было довольно трудно.

1 дв.: *ладивьса* (<-ѣса>) 549 (если это не презенс). В Синод.₁ НПЛ: *примѣва* [1218], с нормативным *-ѣ-* и с вариантом *-ва* вместо *-ѣ-*; *избѣкве* (там же) — пример, аналогичный рассмотренному выше *поищемъ*.

2 дв.: твердые основы — *[ѣ]ерита* Ст. Р. 12, *нь крьни[та]* 685; мягкие основы — *солита* (<сьл-), *попытаита, водаита* 422, *въдаита же ми* 455, *по[сл]и[та]* 510 (XIII); *попросита* 422, *сочита* 7. В Синод.₁ НПЛ: только *идита* [1219].

Несклоняемое действительное причастие презенса

§ 3.33. О несклоняемости данной формы см. § 3.29.

Ед. м.: твердые основы — *възъма* 849, *възма* Ст. Р. 17, *водада* 723 (также *водада* 163, если это не 3 мн. презенса), *приеда* 82, *река* 531; мягкие основы — *не поуста* 912, *моласа* 897, *лежа* Ст. Р. 356, *вода* 9, *сътвора* 9, 735, *створа* 841, 788, 87, Ст. Р. 17, *не зера* 531, *промышлаа* 893, *са боа* 881, *око стоа* 934. Ср. также *хота* (в функции частицы) 605, 724.

В поздних грамотах (несогласованные причастия здесь и ниже специально отмечены): *возма* 354 (несоглас.); *права* 68 (XIII), *вода*, *не вода* 65, *како стоа* 272, *какъ стоа* 942 (несоглас.), *ѡхожда* 42 (с гиперкорректным *жд*), *ѡхода* 692 (несоглас.), 28 (несоглас.), *цого зра* 129 (несоглас.), *не куна* Ст. Р. 2 (если это не 3 мн. презенса).

Наряду с этим есть, правда, два примера с окончанием *-а*: *приима* 615 (XIII), *а рка* 697; но обе эти грамоты не имеют никаких признаков древненовгородского диалекта.

В Синод.¹ НПЛ: *ида* [1139], *не ида* [1216], *поима* [1193, 1215, 1225, 1229], *река* [1205, 1224, 1228], *не жда* [1228]; наряду с этим также *река* [1214, 1228, 1229]. Что касается *възъма* [1196, 1214], то это, вероятно, не причастие, а аорист — того же типа, что характерные для Синод.¹ НПЛ аористы *изма*, *съима*, *поима*, *изъмашиа*, *переимашиа*. Отметим *повърга* в ГВНП, № 8 (1305–07 гг.); списки примеров из других памятников см. в Изуч. яз., § 31.

Примеры *река*, *повърга* демонстрируют способ образования данной формы от основ на заднеязычные.

Ед. ж.: *сълюци* 752, *едоуци* (от *ѣсти*), *енюци* (*н' < мл'*), *пеюци* (2×), *хотаци* 227. В поздних грамотах: *здуци* 931 (несоглас.).

Мн. м.: *Ба са боаць* 548. В поздних грамотах: *твораце* 102 (несоглас.), *платаце*, *не платаце* 131.

О постепенной утрате согласования у этих причастий, в силу которой они превращаются в деепричастия, см. § 4.26.

СИСТЕМА ИНФИНИТИВА

Инфинитив

§ 3.34. В ранний период форма инфинитива вполне устойчива: *възати*, *въдати*, *ковати*, *исправити*, *ѣсти* и т. д. Первые примеры с *<-ть>* вместо *-ти* — *исправитъ*, *бути* (*бу < бы*, § 2.35) в блоке № 61+68 (сер. – 3 четв. XIII), далее *ехате* 415 (сер. XIV). Для периода XIV₂ у глаголов с исконно безударным *-ти* соотношение примеров с *-ть* и с *-ти* — 7 : 13 (с *-ть* отмечены *жить* 446, *сидить* 370, *дать* 253, 363, *давать*, *продавать* 364, *молотить* 755); для XV₁ — уже 9 : 6 (с *-ть* отмечены *ѡхати* 19, *продавать* 129, *молотить* 242, *видить* 305, *имать* 17, *досмотрить* 933, (...) *бывати* 18, *прислатъ* 21, *продать* Ст. Р. 2). В XV в. отмечен также один пример с отвердением [-т']: *росмотрить* 933.

Особо стоит *взати* 578 (60-е – 70-е гг. XIV): это единственный пример, где исчезло и исконно ударном *-ти* (т. е. здесь произошел сдвиг ударения на корень).

Супин

§ 3.35. В берестяных грамотах супин не встретился; но не представлены и сами контексты, где заведомо требовался бы супин (что касается примера *а ты ко мни нь авишииса коуни шити ношо* 490 [XIV], то неизвестно, требовал ли глагол *авитиса* супина).

В Синод.¹ НПЛ супин используется достаточно последовательно, например: *приде ... посаднищитъ, ходи ... миритъ, идоша прогонитъ, идоша прогнатъ, поидеши ставитъса, пославъ ... вожватъ, посла ... города ставитъ, иде ... блюсть волости, въсла ... проваживатъ, поустуи ... вожватъ*, также *вымолиса постричьса*. Но имеются всё же и некоторые нарушения правильного распределения супина и инфинитива, которые позволяют предполагать, что супин уже начал вытесняться инфинитивом: а) *придоша ... по бра^Т Стослава вести Кык(вою)* [1141]; б) *а Петрилоу даша посадьницати* [1130], ср. правильное *даша посадьницати* [1132 и др.].

Имперфект

§ 3.36. В берестяных грамотах имперфект — чрезвычайная редкость. Он встретился в трех грамотах XII в.: *мълвлаше* (2 ед.) 605, *а возывахо та, ты ... дѣашь <-ше>*, [*въ*]лашь <велаши> (3 ед.) 487, [*бе*]шь <бѣше> 831. Кроме того, словоформа *бѣше* один раз отмечена в составе плюсквамперфекта: *съ сталь бѣшь* 510 (XIII₁).

Все эти грамоты обнаруживают те или иные небытовые черты: автор грамоты № 605 — монах, грамоты № 487 — возможно, поп; грамота № 831 обнаруживает ряд элементов книжной ориентации. В № 510 <бѣше> входит в состав начальной формулы акта.

Относительно *доконьцаху* 136 см. § 3.37.

Аорист

§ 3.37. Если не считать вспомогательных *быхъ, бы, быша* в составе сослагательного наклонения, в ранних берестяных грамотах (не церковнославянских) надежные примеры аориста — только *розгнѣваса* (2 ед.) 605 (см. об этой грамоте выше) и *се послаховѣ* (1 дв.) 842 (писец применил здесь начальную формулу актов, см. Б 21). Служивший предметом дискуссии пример *не въдасть* 9 — это презенс (не аорист; см. Изуч. яз., с. 276); см. еще А 20 и А 23 о № 635 и 119. Представляет интерес надпись на пряслице (Б 133) *Иваноке налезе*, где *налѣзе* — скорее всего аорист.

В поздних грамотах аорист встречается прежде всего в составе начальной формулы официальных актов: *се даа* 197 (XIII), *се азо ... напсахъ* 138, *се соцетеса* 45, *съ урадѣса <-диса>* 366, *се блгви* 368, *се доконьцаху* 136 (с окончанием *-ху*, перенесенным в аорист из имперфекта). Прочие примеры в составе актов: *воза* (2×) 366, *да 'дал'* 318; также *(и)а судъ не ста Филипецъ, (пос)лахомъ грамоту бесудну(ю)* 137, *не ста* 251 (из обрывков документов, связанных с неявкой ответчика в суд).

Аористы *приказахо* 220 (XIII), *дахо* 211 (XIII) представлены соответственно в реестре некоего натурального обложения и в фрагменте какого-то имущественного документа, связанного с сельскими повинностями.

Аористы *каза, тиса, цита* 46 (XIV) выступают в составе текста народно-литературного характера — традиционной школьной шутки.

Особо стоит пример *воспроси* 755 (XIV₂; письмо старосты к боярину-землевладельцу), где неясно, имеем ли мы дело с аористом или императивом.

Несклоняемое перфектное причастие (*l*-причастие)

§ 3.38. Примеры (в форме ед. м.): *дале, възале, быле, приходиле, шьле, рекле, съвезле* и т. д. Причастие не имеет ни других падежей, кроме И., ни членных форм. Формы чисел и родов — как в И. падеже нечленных прилагательных, например: ед. *дале, дала, дало*; множ. *дали, далѣ, дала*; двойств. *дала, далѣ, дала*. Причастие участвует в образовании перфекта, плюсквамперфекта, предположительного и сослагательного наклонений.

Перфект состоит: а) в 3-м лице просто из *l*-причастия (в берестяных грамотах связка здесь практически всегда отсутствует, см. § 4.20); б) в 1-м и 2-м лицах из *l*-причастия со связкой *късь, къси, къме, къте, късѣ, къта*. При этом, однако, даже и в 1-м и 2-м лицах связка может отсутствовать. Такое отсутствие является нормой для случая, когда имеется личное местоимение – подлежащее (*язь, ты* и т. д.), но изредка возможно и в других случаях (§ 4.19–20). Место связки относительно *l*-причастия определяется общими правилами расположения энклитик (§ 4.27–29).

Примеры: *въдале есмь* 119, *а таже не добыле* 603, *ци оуже ти есмь задѣла* 752, *что ти есемо водала* 644, *а дала тобѣ* 644, *оже еси забыле* 627, *оже же еси продала* Ст. Р. 8, *мене игоумене не поустиле* 605, *жена ма заплатила* 603, *девате гривено осталоса* 436, *а мѣ (мы) промежю вами погибли* 361 (XIV), *розвьли естѣ (-те) цѣладь* 510 (XIII), *крани ти братни холопи* 907, *по томъ пришли смерди* 724, *пришьла есѣ* 605, *възала еста* (2 дв.) 449, *се Жадѣке пославъ абетника дова, и пограбила ма* (3 дв.) *въ братни долъ* 235. Отметим единичный пример с отрицательной связкой: *несми (нѣ-) ... соу[л]и[де]* 820.

Плюсквамперфект строится из *l*-причастия и перфекта глагола *быти*. Это обычная для берестяных грамот форма плюсквамперфекта. Примеры: *азь быле лони наделиле* 705, *реклѣ къси былѣ* 195 (XIV), *и Терохъ возилесь быле* 300 (XV), *оставили ма были людѣ* 724.

Плюсквамперфект II строится из *l*-причастия и имперфекта глагола *быти*. Эта форма плюсквамперфекта, очевидно, носила книжный характер. Она встретилась в берестяных грамотах только один раз — в составе официальной начальной формулы: *съ сталь бышь (се стале бѣше)* 510 (XIII).

Форма, которая выше была названа **предположительным наклонением** (см. § 3.29), строится из *l*-причастия и словоформ *буду, будеши* и т. д. Примеры: *при комо боудоу дала роукоу за зате* 531, *ажь будешь грамоту взала* 578 (XIV).

Сослагательное наклонение строится из *l*-причастия и аориста глагола *быти*. Примеры: *а ныне быхо посолале* 705, *ажь бы ты д(о)бромъ жила* 487, *дад бы хорь не попортилѣ* 413 (XV), *абы нѣ истърале къно* 163, *абыша нѣ пакостил(и)* Ст. Р. 10 (*абы, абыша* — из *а бы, а быша*). О *быш(ѣ)* в составе *оконо быш(ѣ)* см. № 809 (Б 62).

Имеется, кроме того, единичный пример древнейшей конструкции — с простым *бы* вместо *бы было* (или *бы былѣ*): *аже бы ти годьнѣ* 752 (XI/XII).

В позднерусский период (а именно, с XIV в.) засвидетельствован также другой вариант данной формы — **сослагательное наклонение II**. Оно отличается от основного варианта только во 2-м лице, а именно, в 2 ед. вместо *бы* выступает *къси*, в 2 мн. вместо *бысте* — *бы къте*. Примеры (все XIV₂): *что бы къси ꙗне дале мѣсце мнѣ на дорѣ* 610, *что бы късѣ осподине оуналѣ къго* 446, *чо би есте поухали во городо* 497, *что бы ма къте жаловалѣ* 949.

Беззевый перфект

§ 3.39. Беззевый перфект отмечен в нескольких берестяных грамотах XIII–XV вв. Все имеющиеся примеры относятся к мужскому роду ед. числа. В этих примерах беззевый перфект отличается от обычного тем, что вместо *l*-причастия в них выступает форма, внешне тождественная *l*-причастию, у которого усечен суффикс *-l-* (вместе с окончанием), или аористу 3 ед. Таким образом, беззевый перфект может быть выявлен только в 1-м и 2-м лицах, а в 3-м лице он неотличим от аориста (по крайней мере, для тех глаголов, которые реально встретились в данной форме). Материал берестяных грамот таков: *вза ксме* ‘я взял’ 482 (XIII₂), *а ни посла кси* 99 (сер. XIV), *кси посла* 135 (XIV/XV), *кси одода* ‘ты отдал’ 311 (XV); кроме того, в составе сослагательного наклонения II: *продава (<дава) да бы еси* 528 (XIV₂). См. также Г 62, Д 40 о неясных примерах *искорми*, *велѣ*. Особый вопрос составляет возможная связь с беззевым перфектом словоформы *пришь*; см. § 3.40.

Для понимания структуры форм беззевого перфекта особо важен пример *вза ксме*: он не позволяет трактовать данную конструкцию просто как аорист, к которому добавлена связка.

В отличие от аориста, беззевый перфект представлен в грамотах, не имеющих официального характера.

Несклоняемое действительное причастие прошедшего времени

§ 3.40. О несклоняемости данной формы см. § 3.29.

Ед. м.: *купивъ, пославъ, добывъ, възьмъ, шьдъ, са вытьрьгъ* и т. д. В берестяных грамотах эта форма оканчивается только на *<ъ>* (никогда не на *-e*), в том числе и в грамотах с последовательным *-e* в И. ед. муж. *o*-склонения. Иначе говоря, она ведет себя подобно именам *и-*, а не *o*-склонения (это хорошо согласуется с тем известным фактом, что *-ъ, -въ* в этих причастиях восходят к **-us, *-vius*).

Ед. ж.: *съкопивъши* 380, *заемоши*, *шьдоши* 227, *крьвоши* 731 (вместо *кровоши*, см. Б 83); род не установлен: *възьмъши* 119, 774, *пощепавши* 881.

Мн. м.: *продавшие* 424, *въдавоше* 550, также *рекоше* Ст. Р. 9 (контекста нет). В поздних грамотах: а) *р[оцѣтивъ]ше* 295 (XIII); б) *пошмавоши* 582 (XIII) (применительно к двум людям), *приславъши* 141 (XIII) (возможно, несоглас.); в) *приѣхавиѣ* 249.

Дв. м.: *ръспытав[ѣ]ша* 685.

О постепенной утрате согласования у этих причастий, в силу которой они превращаются в деепричастия, см. § 4.26.

Специально отметим, что в берестяных грамотах у глаголов на *-ити* данное причастие всегда имеет *-ив-* (т. е. модель *купль, въсажъ* здесь вообще не встречается). Вот материал ранних грамот: *са съмьльвивъ* 907, *коупивъ, въсидивъ* 109, *о[б]а[ѣ](ш)[ѣ]...* (?) 886, *съкопивъши* 380.

Особую проблему составляет уникальная словоформа *пришь*. Она известна в настоящее время из трех источников: 1) ... *при[ш]ѣ Соуж[ѣ]далоу роздавъ въ дългъ ...* ‘пришел (или: придя) в Суздаль, раздав в долг’ 675 (сер. XII); 2) *а нынѣ въкоупникѣ пришь и съгонилѣ* ‘а потом соарендаторы пришли и согнали (с земли)’ 821 (3 четв. XII); 3) *и азъ пришь быхъ съ лихвою истязаль ю* в Житии Феодосия (Усп. сб., 26г); это цитата из Матф. XXV.27, Лук. XIX.23; во всех древних списках евангелия на месте этого *пришь* стоит *пришьдѣ*.

Представляется удачным решение, предложенное (в письме) В. Вермеером: *пришь* — аналогическая форма причастия, построенная заново (взамен традиционного *пришьдѣ*) от перфекта *пришьль* в соответствии с пропорцией *умьр(ѣ)ль : умьрь* (или *съпасль : съпась* и т. п.) = *пришьль* : *х*, откуда $x = \text{пришь}$.

Добавим к этому, что словоформа *пришь* обнаруживает значительную близость к формам беззалевого перфекта (§ 3.39). Во-первых, и та и другие построены приемом усечения. Во-вторых, и та и другие ведут себя как неизменяемые формы: во *вза љсме* ‘я взял’ 482 у *вза*, в отличие от аориста, нет показателя 1 лица; в *пришь* 821 нет показателя множ. числа. Весьма близки и функции этих форм (так, в № 675 и 821 *пришь* можно приравнять по функции как к причастию, так и к перфекту). Вырисовывается, таким образом, некая отсутствующая в книжном языке неизменяемая форма, выражающая отнесенность к прошедшему времени. К сожалению, имеющийся ныне материал предельно ограничен и явно недостаточен для обобщающих заключений о морфологической структуре и о функции этого ряда словоформ. Можно надеяться, что картина здесь прояснится с новыми находками.

Страдательное причастие прошедшего времени

§ 3.41. В ранних грамотах отмечены: в И. падеже (в роли сказуемого) — *погоублене* 607, *выбить* <те> 855, *присълана* 745, *положена* 799, *ѡберан(а)* 225, *крадено* 907, *вода[н]о* 227, *зато* 75, *не възато* 799, *возать* <възато>, *не заглажьсно* <-жено> 662/684, *коуплены* 439; в косвенном падеже — только *роужьныхо* <-женыхъ> 429.

ЗАМЕЧАНИЯ О МОРФОНОЛОГИИ

§ 3.42. Отсутствие эффекта второй регрессивной палатализации (§ 2.7), неполное осуществление прогрессивной палатализации (§ 2.9), цоканье (§ 2.3), а также некоторые рано осуществившиеся аналогические выравнивания обусловили формирование в др.-новг. диалекте морфонологической системы, заметно отличной от наддиалектной древнерусской.

Главное отличие состоит в том, что в др.-новг. диалекте чрезвычайно сужена сфера чередований заднеязычных *к, г, х* с шипящими или свистящими.

В ранне-др.-новг. склонении основа вообще почти всегда неизменна во всей парадигме, например: И. ед. *замѣк-е*, Зв. ед. *замѣк-е*, В. ед. *замѣк-ѣ*, Р. ед. *замѣк-а*, М. ед. *замѣк-ѣ*, И. мн. *замѣк-и*, В. мн. *замѣк-ѣ*, Т. мн. *замѣк-ы*, М. мн. *замѣк-ѣхъ* и т. д.; И. ед. муж. *друг-еи*, жен. *друг-аи*, М. ед. муж. *друг-ѣмь*, жен. *друг-ѣи*, И. мн. муж. *друг-иш*, жен. *друг-ѣѣ* и т. д.; И. ед. муж. *въх-е*, сред. *въх-о*, И. мн. муж. *въх-и*, Д. мн. *въх-ѣмь* и т. д. В силу цоканья такое же положение и в парадигмах типа *отыцъ*’б: И. ед. *отыцъ*’б (или *отыцъ*’-е), Зв. ед. *отыцъ*’-е, Р. ед. *отыцъ*’-а и т. д. В рамках основных склонений (*a-, o-, u-, i-*) исключение составляет только Зв. ед. от слов типа *къназь*: И. ед. *къназь-ѣ* (или *къназь-е*) — Зв. ед. *кънажс-е*. Заметим, что в древнепсковском диалекте (в котором специфические черты новг.-пск. зоны реализованы наиболее последовательно) нет и этого исключения: здесь представлены И. ед. *къназь*’б (или *къназь*’-е), Зв. ед. *къназь*’-е.

Чередования в парадигмах склонения (а именно, чередования беглых гласных с нулем) появляются лишь после падения редуцированных, т. е. в поздне-др.-новг. период.

Как часть словоизменительной парадигмы существительного ведут себя в морфологическом отношении также притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин-*: в них сохраняются *к, г, х* исходной основы, напр., *Лукинъ, Ольгинъ, Михинъ* (§ 5.2).

В глагольной парадигме чередования, разумеется, есть, в т. ч. в некоторых случаях и чередования заднеязычных с шипящими или свистящими, например, *пеку – пей’еши, берегу – бережеши, плакати – плац’еши*. Однако отсутствует характерная для наддиалектного древнерусского мена *к, г* на *ц, з* в императиве, ср. *пеку, пеки, пеките, могу, моги, можете*. Особый случай составляет образование причастия (деепричастия) презенса от основ на заднеязычные, например, *река, повьрга*: здесь др.-новг. диалект обнаруживает мягкие *к’, г’*, которые в данной позиции функционируют уже как самостоятельные фонемы.

В сфере словообразования отличия др.-новг. морфонологии от наддиалектной древнерусской невелики. Помимо уже упомянутых притяжательных прилагательных с *-ин-*, отметим словообразовательную модель *Зуикевъ* (сосуществующую с *Зуиковъ*; см. § 5.2).

КРАТКИЕ ИСТОРИКО-ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ

§ 3.43. Вопросы предполагаемой предыстории др.-новг. морфологической системы, механизмов ее формирования и ее отличий от прочих диалектов подробно разбирались нами в других работах (в частности, Зализняк 1988б, Изуч. яз., § 13–32). Поэтому здесь мы ограничимся конспективным обзором данной проблематики.

В др.-новг. *а-склонении* с историко-диалектологической точки зрения наибольший интерес представляют формы Р. ед., Д. М. ед. и И. В. мн. (см. Изуч. яз., § 18–20).

В отличие от наддиалектной др.-р. системы «Р. ед. *жены, землѣ*, Д. М. ед. *женѣ, земли*», в др.-новг. диалекте (в узком смысле) с самого начала письменной эпохи господствует система «Р. ед. *женѣ, землѣ*, Д. М. ед. *женѣ, землѣ*» — с совпадением, во-первых, мягкого варианта с твердым, во-вторых, Р. ед. с Д. М. ед. Эта система, по-видимому, должна рассматриваться как результат взаимного влияния западной (древнепсковской) системы «Р. ед. *женѣ, земли*, Д. М. ед. *женѣ, земли*» (с совпадением Р. ед. с Д. М. ед.) и восточной системы «Р. ед. *жены, земли*, Д. М. ед. *женѣ, землѣ*» (с совпадением твердого и мягкого вариантов). В др.-новг. койне доведены до своего логического завершения инновационные тенденции обеих этих периферийных систем. Поскольку указанная др.-новг. система засвидетельствована уже в XI–XII вв., следует предполагать, что инновационные тенденции периферийных систем развились чрезвычайно рано — гораздо раньше, чем появляются первые письменные памятники псковского и северо-восточного ареалов.

От идеальной схемы «Р. ед. *женѣ, землѣ*, Д. М. ед. *женѣ, землѣ*» берестяные грамоты изредка (примерно в 10–15% случаев) отклоняются в сторону системы с Р. ед. *земли* и Д. М. ед. *земли*; например, может встретиться *отъ Поутьши* или *къ Акъши*. Если Д. М. ед. *земли* легко объяснить как реликт древнейшего состояния, то Р. ед. *земли* на первый взгляд кажется странным: каким образом в системе, где исконный Р. ед. *жены* заменен на *женѣ*, в мягком варианте может возникнуть противоположная тенденция (к замене *землѣ* на *земли*)? С нашей точки зрения, объяснение таково: Р. ед. *земли* появляется здесь не под влиянием твердого варианта, а в силу

того, что в этой системе в *a*-склонении форма Р. ед. как таковая полностью совпала с формой Д. М. ед.

В И. В. мн., в отличие от наддиалектной др.-р. системы *жены, землѣ*, др.-новг. диалект (в узком смысле) имеет: *женѣ* (и лишь в более редких случаях *жены*), *землѣ*. Модель *женѣ* здесь западного происхождения: она представлена также в древнепсковском, но отсутствует в северо-восточном ареале.

Как видно из § 3.5, модель *женѣ* развивалась наиболее интенсивно в сочетаниях с числительными *три, четыре*; здесь она победила уже в ранне-др.-новг. период. В этих сочетаниях ее развитие по крайней мере отчасти определялось влиянием сочетаний типа *дѣвѣ кунѣ* (где окончание *-ѣ* исконно): унификация формы существительного в сочетаниях с 2, 3, 4 (ср. § 4.11) представляет собой процесс, который произошел (в одних случаях раньше, в других позже) в большинстве славянских диалектов (в др.-новг. диалекте ср. в первую очередь положение в среднем роде, § 3.45).

Разумеется, на формирование модели *женѣ* влиял также мягкий вариант *землѣ*. Но объяснить эту модель одним лишь выравниванием по мягкому варианту затруднительно, поскольку в этом случае не было бы никакого различия между словоформами И. В. мн. в сочетаниях с *три, четыре* и вне этих сочетаний.

Помимо названных форм, отметим в *a*-склонении еще форму Зв. ед. Берестяные грамоты не подтверждают распространенного мнения о том, что в живой речи будущих великорусских территорий Зв. ед. *a*-склонения был очень рано вытеснен формой И. падежа. Можно полагать, что в др.-новг. диалекте еще и в XIV веке Зв. ед. на *-o* был вполне употребителен (хотя процесс его вытеснения в это время, очевидно, уже начался).

§ 3.44. Что касается др.-новг. *o*-склонения, то самую интересную и самую трудную проблему здесь несомненно составляет И. ед. муж. на *-e*. Окончание *-e* в этой форме — характерный новгородско-псковский элемент: оно широко представлено в древнепсковском и в древненовгородском в узком смысле, но отсутствует в сев.-вост. говорах. Новг.-пск. окончание *-e* противостоит окончанию *-ѣ*, представленному во всем остальном славянском мире, т. е. новг.-пск. диалект отличается в этом пункте не только от других восточнославянских, но и от всех прочих славянских вообще.

Окончание *-e* в И. ед. муж., представленное в новг.-пск. памятниках, привлекает внимание исследователей уже давно; отметим в первую очередь Соболевский 1907: 192, Шахматов 1915, § 363 и 1957: 50. Поскольку, однако, в традиционных памятниках это окончание встречается лишь изредка, на фоне безусловно господствующего “нормального” окончания *-ѣ*, масштаб, хронология и грамматический смысл этого явления до открытия берестяных грамот еще не могли быть правильно оценены. Только материал берестяных грамот (причем лишь после того, как их накопилось уже достаточно много) смог показать, что окончание И. ед. муж. *-e* было для др.-новг. диалекта (в узком смысле) нормой, а не исключением, и что эта норма существовала уже с самого начала письменной эпохи, следовательно, сложилась еще в дописьменную эпоху.

С грамматической точки зрения важнейшее значение имело выявление (в Лингв., § 43) того почти незаметного на материале традиционных памятников обстоятельства, что окончание *-e* было строго ограничено И. падежом и совершенно не проникло в В. падеж, т. е. существовала морфологическая оппозиция «И. ед. *-e* — В. ед. *-ѣ*». Отсюда следовало, что в др.-новг. диалекте склонение *o*-masculina отличалось

от остальных славянских диалектов не только материально (-*e* вместо -*ъ*), но и структурно: здесь сохранялась свойственная древним индоевропейским языкам оппозиция И. ед. муж. и В. ед. муж. (подобно греч. *λύκος* – *λύκων*, санскр. *ráthah* – *rátham* и т. д.), тогда как в остальном славянском мире И. ед. и В. ед. муж. совпали (ср. ст.-сл. *градъ*, наддиалектное др.-р. *городъ* и т. д.).

Прогресс “берестологических” исследований стимулировал появление в относительно недавнее время целой серии новых работ, посвященных происхождению загадочного (*mysterious*, по выражению В. Вермеера) др.-новг. окончания -*e* в И. ед. муж. Мы не будем здесь разбирать все выдвигавшиеся в разное время гипотезы о происхождении этого окончания (см. обзоры в Зализняк 1991а, Вермеер 1991а, Крысько 1993б), а лишь пунктирно обозначим основные из них.⁸

Согласно гипотезе А. И. Соболевского, окончание -*e* было перенесено в И. падеж из звательной формы. Но чрезвычайно трудно объяснить, каким образом окончание звательной формы, актуальной лишь для части существительных, смогло вытеснить исконное окончание И. падежа не только у всех существительных, но также у местоимений, прилагательных и причастий. Едва ли можно указать какие-либо типологические аналогии подобной экспансии.

Гипотезы о развитии конечного -*ъ* в -*e* чисто фонетическим путем (см. В. И. Боровский в НГБ III: 108–109 и в НГБ V: 103–104; Жуковская 1959: 109) явно неприемлемы, так как ни в каких других грамматических формах, кроме И. ед. *o*-склонения, перехода -*ъ* в -*e* не было; ср. последовательное сохранение -*ъ* в В. ед., Р. мн., Д. мн., М. мн. и т. д., в словоформе *изъ*, в И. ед. *u*-склонения, в И. ед. причастий типа *давъ*, *възьмъ*.

Гипотеза А. А. Шахматова о слиянии конечного -*ъ* со связкой **je* (или **e*), типа **byľ je* > *byle*, тоже неприемлема, — хотя бы потому, что она не может объяснить существования сочетаний типа *быле юсмь* и типа *лихе юсть*.

Вяч. Вс. Иванов выдвинул гипотезу (Иванов 1985) о том, что др.-новг. формы на -*e* восходят к праиндоевропейскому *casus indefinitus*, следы которого сохранились в хеттском, тохарском и некоторых других языках. Существенная трудность состоит здесь в том, что необходимо признать сохранение праиндоевропейского архаизма лишь в одной узкой ветви славянских языков.

Гипотеза, выработанная С. Л. Николаевым и В. А. Дыбо при участии автора настоящей работы (изложенная в Зализняк 1988б: 170 и 1991а: 234–236), представляет собой новую, более основательную, попытку собственно фонетического решения проблемы. Она состоит в том, что и.-е. конечное **-os* дало в “прановгородско-псковском” **-ə*, перешедшее затем в -*e* (в отличие от всех других славянских диалектов, где **-os* дало -*ъ*). В. Вермеер (1991а) подверг эту гипотезу серьезной критике, настаивая прежде всего на том, что в более чем столетней дискуссии славистов о

⁸ Трудно назвать серьезной версией то, что утверждает в связи с проблемой окончания -*e* А. Б. Страхов: в памятниках -*ле* в *дале* и т. п. — это просто орфографическое явление; -*e* в *ostatke* ‘остаток’ и т. п. у Фенне — это *e* немое (“*e* Saxonium”), Р. Якобсон, который этого не понял, — доверчивый профан (см. Страхов 1994б: 290; 1995: 264; 1997: 300). Непонимание элементарного принципа, что лингвист обязан проанализировать памятник в целом, а не вырванные примеры, поражает здесь не меньше, чем высокомерие. Серьезный анализ немедленно показал бы, что у Фенне вообще нет достоверных примеров немой *e*, скажем, никогда не пишется **ostatoke* или **pritzole* ‘причел’, а только *ostatok* и *pritzol* — в четкой оппозиции вариантам *ostatke* и *pritzkle*. А уж после того, как З. Хонселаар открыл живой говор с *пришлѣ*, *дале*, *прѣпиле* и т. д. в прош. муж., страховская версия просто не заслуживает обсуждения.

происхождении окончания *-ъ* в И. ед. муж. — собственно фонетическом (**-os > -ъ*) или морфологическом — единственно приемлемой должна быть признана морфологическая гипотеза.

В. Вермеер (1991a, с уточнениями в 1994⁹) и В. Б. Крысько (1993б) выдвинули в значительной мере сходные гипотезы о морфологическом происхождении окончания *-е*. Общим для этих гипотез является то, что для раннего праславянского реконструируется И. ед. типа **golso* (у *o*-masculina) и типа **konje* (у *jo*-masculina) и что др.-новг. И. ед. на *-е* рассматривается как результат замены окончания *o*-склонения окончанием *jo*-склонения (в работе Вермеер 1994 автор специально подчеркивает, что источник И. ед. на *-е* лежит не в вокативе, а в И. ед. *jo*-склонения, признавая, что в этом пункте изложение в Вермеер 1991a могло “leave room for misunderstandings”). В. Б. Крысько считает прямыми наследниками предполагаемого И. ед. типа **konje* встречающиеся изредка реальные др.-новг. словоформы И. ед. типа *Vasilе* (см. § 3.8). Несмотря на некоторые трудности, путь объяснения, предложенный этими исследователями, представляется плодотворным.

Как можно видеть, дискуссия о происхождении др.-новг. окончания *-е* в И. ед. муж. весьма интенсивна и, вероятно, она еще будет продолжаться. Не пытаюсь брать здесь на себя роль арбитра, подчеркнем лишь одно важное обстоятельство, которое ясно уже сейчас: формирование этого окончания относится не просто к дописьменной эпохе, а к очень раннему ее периоду. Ни одна из “конкурентоспособных” гипотез не выводит др.-новг. окончание И. ед. *-е* из *-ъ*. Система «И. ед. *-е* — В. ед. *-ъ*» не могла возникнуть из такой, где эти две формы уже совпали; она могла быть только продолжением (с несколько измененным внешним выражением) соответствующей индоевропейской морфологической оппозиции. Таким образом, перед нами два пути развития ранней праславянской системы, в которой у *o*-masculina И. ед. и В. ед. еще различались: путь, где само различие было сохранено (новгородско-псковский), и путь, где оно было утрачено (характерный для всех прочих славянских диалектов).

Особую проблему составляет отсутствие в И. ед. на *-е* эффекта первой палатализации (ср. *замъке*, *лихе*, *Укнѣге* и т. п.). Наиболее естественно предположить, что окончание *-е* (каково бы ни было его происхождение) появилось позднее, чем осуществилась первая палатализация. Для фонетической гипотезы происхождения *-е* достаточно одного этого предположения. При морфологической гипотезе нужно, кроме того, признать, что новое окончание *-е* присоединялось к тому же виду основы, который выступал перед прежним окончанием *-o*. Сама возможность сохранения в др.-новг. диалекте возникавших при этом сочетаний *ке*, *ге*, *хе* без замены их на *че*, *же*, *ше* обеспечивалась тем, что в этом диалекте не было второй палатализации и тем самым сочетания *к*, *г*, *х* с передними гласными, например, *ки*, *кѣ*, были вполне возможны. Подробнее см. Вермеер 1994.

При любой из возможных гипотез необходимо, однако, признать, что сохранение *к*, *г*, *х* также и в Зв. ед. (*братъке*, *дружьке* и т. п.), т. е. перед исконным *-е*, есть результат позднейшего выравнивания основы. Следует предполагать, что устранению прежнего чередования здесь чрезвычайно способствовало отсутствие чередований во всей остальной части парадигмы.

⁹ Первоначальный вариант работы Вермеер 1994 был прислан автору настоящей книги в форме письма (от 25 января 1993 г.).

§ 3.45. Из прочих особенностей др.-новг. *o*-склонения отметим следующие.

Развитие В. ед. муж. на *-a* (т. е. совпадающего с Р. ед.) у одушевленных существительных, описанное выше в § 3.10, в др.-новг. диалекте существенно запаздывает по сравнению с наддиалектным древнерусским и церковнославянским (и вообще другими славянскими диалектами). Этот факт очевидным образом связан с тем, что в др.-новг. диалекте не утратилось древнее противопоставление И. ед. и В. ед. муж. и потому не было стимула к перестройке первоначальной формы В. ед. По-видимому, развитие категории одушевленности в др.-новг. диалекте осуществлялось в значительной степени под влиянием соседних диалектов и наддиалектного древнерусского, а также в связи с тем, что под этим же влиянием постепенно утрачивало свою устойчивость окончание И. ед. *-e* (ср. Крысько 1993а, 1994а).

В Д. ед. муж. окончание *-ови* (перенесенное из *u*-склонения) — новг.-пск. инновация, общая с диалектами Юго-Западной Руси и с зап.-слав. языками. Как видно из § 3.11, в др.-новг. в узком смысле эта инновация получила заметное распространение только в ранний период; в дальнейшем она быстро идет на убыль и в XIV–XV вв. уже совсем отсутствует. Между тем в псковских источниках некнижного характера Д. ед. на *-ови* встречается довольно часто и удерживается долго. Подробнее см. Изуч. яз., § 17.

В В. мн. муж. *o*-склонения развитие идет так же, как в И.В. мн. *a*-склонения (и, вероятно, по крайней мере отчасти под влиянием этой формы). Др.-новг. диалект в этом отношении ничем не отличается от остальных славянских: совпадение окончаний в указанных двух формах — одна из характерных особенностей праславянской морфологической системы, устойчиво сохраняющихся в последующей эволюции практически всех славянских диалектов. Материал берестяных грамот позволяет заключить, что окончание *-ѣ* проникло в В. мн. твердого варианта *o*-склонения уже в дописьменную эпоху.

И. мн. муж. *o*-склонения весьма рано обнаруживает в др.-новг. диалекте тенденцию к совпадению с В. мн.; практически это означает постепенное усвоение И. падежом нового окончания В. падежа *-ѣ* (§ 3.12). Этот процесс явно связан с такой же перестройкой И. мн. муж. в других склонениях (§ 3.15, 3.17), которая состоит в том, что на мужской род распространяется соотношение (а именно, равенство В. мн. и И. мн.), уже существующее в женском и среднем родах. Процесс направлен, впрочем, не просто к полному совпадению форм В. мн. и И. мн., а к перестройке их отношений: параллельно (или лишь с небольшим отставанием во времени) развивается новое неравенство форм В. мн. и И. мн., но уже только для личных (позднее для всех одушевленных) существительных.

Тенденция к совпадению И. мн. муж. с В. мн. — общая для всех вост.-слав. диалектов (равно как и зап.-слав.). В *o*-склонении примеры И. мн. *4 золотъникѣ* 644 (1 четв. XII), *цѣтъри бѣръковьскѣ* 630 (2 четв. XII) — самые ранние вост.-слав. свидетельства этой тенденции. Однако хронологического различия между др.-новг. диалектом и прочими в этом пункте могло и не быть: для прочих диалектов просто нет соответствующего материала.

Как видно из § 3.12, распространение окончания *-ѣ* в И. ед. муж. всё же заметно запаздывает по сравнению с В. мн. Это лишний раз свидетельствует о том, что источником перестройки формы И. мн. была именно форма В. мн. Отсутствие в др.-новг. диалекте ранних примеров с *-ы* в И. мн. *o*-склонения и редкость таких примеров даже и в поздне-др.-новг. период явно связаны с тем, что в В. мн. здесь было активно новое окончание *-ѣ*, а *-ы* сохранялось лишь в качестве пережитка. Поздней-

шее изменение этой ситуации явно связано с влиянием московской нормы и восточных говоров.

В И. В. дв. сред. в др.-новг. диалекте исконное окончание *-ѣ* было заменено окончанием *-а* (совпадающим одновременно с И. В. мн. сред. и с И. В. дв. муж.) не позднее XII в. — возможно, даже в дописьменную эпоху. Тем самым, в ряду типа *дѣва лѣта, три лѣта, четыре лѣта* уже в ранне-др.-новг. период форма существительного стала единой (ср. сходное выравнивание в женском роде — *дѣвѣ кунѣ, три кунѣ, четыре кунѣ*, — а в более позднюю эпоху также и в мужском). В Юго-Западной Руси данная инновация развивается лишь в конце XIV в.; позже, чем в др.-новг. диалекте, она появляется и в ростово-суздальских говорах. Подробнее см. Изуч. яз., § 22.

§ 3.46. В др.-новг. диалекте *и*-склонение сохраняло статус самостоятельного морфологического типа дольше, чем в других диалектах, — прежде всего потому, что здесь не совпадали исходные формы *и*- и *о*-склонений: И. ед. *сынѣ, полѣ*, в отличие от *brate, хлѣбе*. В частности, в Р. ед. и в М. ед. старое окончание *-у* сохраняется у слов *и*-склонения, кроме одушевленного *сынѣ*, довольно долго. Тем не менее процесс взаимовлияния *и*- и *о*-склонений происходит и здесь; в особенности следует отметить раннее проникновение окончания *-у* в Р. ед. и М. ед. *о*-masculina (§ 3.11).

Об отражении др.-новг. противопоставления *о*- и *и*-склонений в заимствованиях из славянского в прибалтийско-финские языки см. Николаев, Хелимский 1990.

В И. мн. *и*-masculina и *і*-masculina с раннего времени проявляется тенденция к выравниванию по В. мн.: *вѣрхи, люди* вместо *вѣрхове, людѣ* (§ 3.15, 3.17). Аналогично *четыри* вместо *четыре* (в муж. роде) в консонантном склонении (§ 3.18). Ср. выше о сходном развитии у *о*-masculina.

§ 3.47. Ранне-др.-новг. *адъективнѡе* склонение чрезвычайно архаично: почти во всех формах, имеющих в субстантивном склонении однофемное окончание, в адъективном склонении выступает то же самое окончание + соответствующая форма (полная или сокращенная) местоимения **jь*. Ср. окончания нечленных и членных форм прилагательных, в частности, в парах: в мужском роде И. ед. *-е* — *-еи*, В. ед. *-ѣ* — *-ѣи* (*-ѣи*), Р. ед. *-а* — *-аго*, Д. ед. *-у* — *-уму*, М. ед. *-ѣ* — *-ѣмь*, И. мн. *-и* — *-ии*, В. мн. *-ѣ* — *-ѣѣ*, И. В. дв. *-а* — *-ам*; в среднем роде И. В. ед. *-о* — *-оѣ*, И. В. мн. (и дв.) *-а* — *-ам* (прочее как в мужском роде); в женском роде И. ед. *-а* — *-ам*, В. ед. *-у* — *-ую*, Р. ед. *-ѣ* — *-ѣѣ*, Д. М. ед. *-ѣ* — *-ѣи*, И. В. мн. *-ѣ* — *-ѣѣ*. Влияния местоименного склонения в начале письменной эпохи еще почти нет — в отличие от наддиалектного древнерусского, где в адъективном склонении очень рано появляются, в частности, окончания Р. ед. муж./сред. *-ого*, М. ед. муж./сред. *-омь*, Р. ед. жен. *-оѣ*, Д. М. ед. жен. *-ои* (см. Изуч. яз., с. 224). В данном отношении древненовгородский может быть сопоставлен по архаичности только со старославянским.

Показательно, что в др.-новг. адъективном склонении отразились такие особенности субстантивного склонения, как *-е* в И. ед. муж., *-ѣ* в Р. ед. жен., в И. В. мн. жен. и в В. мн. муж. Это указывает, с одной стороны, на очень раннее появление указанных особенностей, с другой — на длительное сохранение отчетливой морфологической членности форм адъективного склонения.

В др.-новг. диалекте рано начинает развиваться инновация, состоящая в замене *-ѣѣ* на *-ѣи* в Р. ед. жен. (равно как параллельная ей замена *-оѣ* на *-ои* в Р. ед. жен. местоименного склонения). В обоих случаях мы имеем дело не просто с механиче-

ским отпадением конечного [ĕ], а прежде всего с реализацией того типа падежного синкретизма (Р. ед. жен. = Д. М. ед. жен.), который уже осуществился в субстантивном склонении.

Развитие такого рода характерно для западных говоров. В восточных говорах Р. ед. жен. (как в местоименном, так и в адъективном склонении) очень долго сохранял двусложные окончания (не совпадающие с Д. М. ед.) — *-оѣ* (*-ою*), *-ыѣ* (*-ыю*); в этих говорах и в субстантивном склонении Р. ед. жен. не совпал с Д. М. ед. Восточные говоры были одинаковы в этом отношении с наддиалектным древнерусским.

Для сравнения укажем, что совпадение Р. ед. жен. с Д. М. ед. в адъективном и местоименном склонении — характерная черта зап.-слав. языков, их несовпадение — черта ю.-слав. языков и украинского.

В ранне-др.-новг. местоименном склонении важная инновация (наряду с уже упомянутым *-ои* в Р. ед. жен.) — появление варианта *-ога* в Р. ед. муж./сред. (§ 3.26). Со временем данный вариант проникает и в адъективное склонение, но это происходит, по-видимому, не ранее XIII в. (§ 3.21). Замена *-ого* на *-ога* составляет, как известно, одну из характерных отличительных черт западной подгруппы ю.-слав. языков (словенского и сербскохорватского), причем здесь она произошла уже в дописьменный период; ср. также несколько примеров с *-ога*, *-ега*, отмеченных в старославянских памятниках (Вайян, с. 166). Может быть, др.-новг. *-ога* — это не результат независимого параллельного развития, а вариант, возникший еще на позднепраславянской почве. Для правильной оценки распространения данного явления в вост.-слав. зоне необходимо, помимо материала, собранного в Изуч. яз., § 24, учесть также псковск. диал. *яга́*, *однога́*, указанные в работе Каринский 1928 (см. Крысько 1994в: 23). Возможно, связаны с этим ареалом и упомянутые в Изуч. яз., § 24 белор. диал. *майга́*, *йага́*, *кага́*, *ус'ага́* и т. п. П. Я. Черных (1953: 60–61) отмечает, что “среди сибирских говоров имеются (или недавно имелись) и такие (на крайнем северо-востоке), которые в отличие от всех остальных, характеризуются употреблением формы на *ва* также под ударением (в местоименном склонении). Например, на Колыме: *товá*, *ковá*, *всевá* ...”. Что касается более позднего окончания *-ова*, то в акающей зоне оно уже неотличимо от *-ово*. Заметим, что у Фенне (197, 388) встретились *toga* и *tova* ‘того’; но за этими написаниями могут стоять и не [тога́], [товá], а [то́га], [то́ва] (и тогда не исключен эффект аканья).

Еще одна ранняя особенность др.-новг. местоименного склонения — замена окончаний твердого варианта с *-ѣ*-окончаниями мягкого варианта с *-и*-у местоимения *т*- ‘тот’ (например, *тихъ* вместо *тѣхъ*), отчасти и у других. Аналогичное развитие представлено, в частности, в словенском. Подробнее см. Изуч. яз., § 25.

Словоформы Д. М. *тобѣ*, *собѣ* имеют в др.-новг. койне устойчивую огласовку *о* — как в диалектах Юго-Западной Руси, а также в польском и чешском. Что касается Д. М. *тебѣ*, *себѣ*, характерных ныне для всего великорусского северо-востока, то время их возникновения в сущности неизвестно; в принципе нельзя исключать того, что они столь же стары, как *тебѣ*, *себѣ* в ю.-слав. языках, а также в словацком и лужицких.

§ 3.48. Для др.-новг. с п р я ж е н и я характерно прежде всего явное преобладание в 3 ед. и 3 мн. презенса словоформ без *-тъ* — независимо от типа спряжения и от места ударения. Судя по данным современных говоров, это черта новг.-пск. происхождения. Сев.-вост. великорусские говоры словоформ без *-тъ* практически не зна-

ют, и такова же наддиалектная норма. При этом, однако, в говорах Юго-Западной Руси словоформы без *-ть* явно существовали; но в отличие от новг.-пск. зоны, здесь они встречались в основном лишь в 3 ед. I спряжения.

Представляет значительный интерес тот факт, что в др.-новг. диалекте словоформы без *-ть* в наибольшей степени характерны для предложений, выражающих условие, и для определенных типов придаточных, тогда как в главном и простом предложении они представлены лишь примерно в половине случаев (см. § 3.30 и Лингв., § 58). Велика вероятность того, что это распределение имеет очень древние корни, а именно косвенно отражает и.-е. противопоставление индикатива и инъюнктива. Если это так, то перед нами еще одна архаическая особенность, которая отличает древний новг.-пск. диалект от всех остальных славянских.

Др.-новг. окончание 1 мн. презенса и императива *-ме* находит параллель в чешском, словацком и болгарском и в части карпатских украинских говоров; ср. наддиалектное др.-р. и ст.-сл. *-мь* (известное также в большей или меньшей степени практически всем древним славянским диалектам). Окончание *-мо*, свойственное Юго-Западной Руси (равно как словенскому и сербскохорватскому), др.-новг. диалекту неизвестно. См. также Изуч. яз., § 29.

В др.-новг. формах императива (2 мн. и 2 дв.) чрезвычайно рано обобщились окончания *-ите*, *-ита* (первоначально свойственные только мягким основам). Такое же направление выравнивания представлено в зап.-слав. языках (кроме чешского), словенском и сербскохорватском. Наддиалектный древнерусский сохраняет здесь *-ѣте*, *-ѣта*. Между тем в Юго-Западной Руси довольно рано обнаруживается тенденция к выравниванию противоположного по сравнению с др.-новг. диалектом типа (*молѣте*, *молѣта* вместо *молите*, *молита*); такое же развитие в болгарском.

Важной особенностью др.-новг. спряжения является также окончание *-а* в причастии (деепричастии) презенса не только при мягкой, но и при твердой основе: *идѧ*, *несѧ*, *река* и т. д. В наддиалектном древнерусском ему соответствует (по крайней мере в ранний период) окончание *-а* (*неса*), в старославянском — *-ы* (*несы*). Подробнее о том, что формы типа *идѧ*, *несѧ* (распространившиеся в дальнейшем на всю великорусскую зону) имеют именно новгородское происхождение, см. Изуч. яз., § 31. Как известно, окончание данной формы — один из пунктов праславянской морфологической системы, где реконструкция единого исходного вида наталкивается на большие трудности. По-видимому, расхождения в этом пункте образуют одно из весьма старых диалектных различий в рамках позднего праславянского. Др.-новг. тип развития здесь напоминает, по крайней мере внешне, древнесербский, где представлено *-е* (< *-е): *несе*, *моге* и т. д. Между тем наддиалектное др.-р. *-а* находит прямое соответствие в чешском (*jda*, *nesa*, *buda* и т. д.), а также в др.-польск. *rzeka* 'говоря' (изолированная реликтовая форма конца XIV в.).

§ 3.49. Попробуем теперь оценить морфологические особенности др.-новг. диалекта (а именно, те из них, которые присущи ему с самого начала письменной истории) с точки зрения вопроса о характере связи между новг.-пск. диалектом и другими восточнославянскими.

Самый важный факт состоит здесь в том, что, как указано в § 3.44, система «И. ед. *-е* — В. ед. *-ѣ*» у *o*-masculina не могла возникнуть из такой, где И. ед. и В. ед. уже совпали. Это значит, что вывести новг.-пск. систему «И. ед. *-е* — В. ед. *-ѣ*» из правосточнославянской можно только при условии, что последняя еще различала

И. ед. и В. ед. у *o*-masculina. Однако, как известно, такое состояние реконструируется лишь для праславянского, причем не позднего, а раннего. Иначе говоря, так же, как в случае с основными фонетическими особенностями (§ 2.17), мы должны были бы при такой реконструкции опуститься по оси времени на столь глубокий уровень, на котором “правосточнославянский” еще ничем не отличается от праславянского, т. е. само понятие “правосточнославянский” еще не имеет никакого самостоятельного лингвистического содержания.

Несомненно старым (т. е. превосходящим по возрасту “правосточнославянский” уровень) является также различие окончаний *-ме* и *-мо* в 1 мн. презенса и императива (типа *кѣме – кѣмо*).

Возраст прочих др.-новг. морфологических особенностей определяется не столь однозначно. В частности, такие инновации, как Р. ед. *жєнѣ*, И. В. мн. *три кунѣ*, И. В. дв. *дѣва села*, Р. ед. *тога* наряду с *того*, *тихъ* вместо *тѣхъ*, *берите* вместо *берѣте* (также *бабѣкин-* вместо *бабѣчин-*, § 5.2), в принципе могли развиваться и на базе наддиалектного др.-р. языка. Менее ясно, относится ли к этому же ряду *ида* вместо *ида* (поскольку здесь возможны и другие гипотезы). Существенно, однако, что, во-первых, число таких особенностей довольно велико, во-вторых, практически все они имеют параллели в тех или иных диалектах за пределами вост.-слав. зоны. Поэтому и здесь можно предполагать, что истоки какой-то части этих особенностей относятся к хронологическому уровню, более раннему, чем “правосточнославянский”.

В § 2.17 было показано, что фонетические особенности новг.-пск. диалекта не согласуются с традиционной концепцией монолитного правост.-слав. языка. Наблюдения над др.-новг. морфологическими особенностями приводят к такому же выводу.

В отличие от новг.-пск. диалекта, вост.-новг. говоры, насколько нам позволяют судить имеющиеся довольно скудные данные, по-видимому, стояли относительно близко к наддиалектному древнерусскому.

Следует подчеркнуть, что в соответствии с задачами настоящей книги мы ограничиваемся анализом специфики именно др.-новг. диалекта. Тем самым проблема немонолитности “правосточнославянского” языка предстает здесь прежде всего как проблема невыводимости новг.-пск. особенностей из наддиалектного древнерусского. Вопросы о внутренней лингвистической неоднородности остальной части вост.-слав. зоны мы не касаемся; см. посвященную этому вопросу работу Николаев 1994. Оставляем в стороне также открытый для дискуссии вопрос о том, как объясняется отсутствие самых своеобразных фонетических и морфологических черт новгородско-псковского диалекта в южнокривичской (смоленско-полоцкой) зоне.

В настоящей книге мы сознательно стремились не выходить при разборе общих вопросов за рамки собственно лингвистической проблематики. Но в данном случае всё же уместно отметить, что описанная нами картина хорошо согласуется с археологическими выводами В. В. Седова, который пишет (1994а): “Археология неоспоримо свидетельствует, что восточнославянская общность периода Древнерусской государственности не восходит ни к одной из племенных группировок праславянского этапа” (с. 4); “в основе восточнославянской языковой общности лежит несколько различных диалектно-племенных образований праславян” (с. 12); “формирование восточнославянского этноса было возможным только в результате интеграционных процессов” (с. 12).